Н. К. Ф.
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

В. Я. Железнов, З. С. Каценеленбаум,
А. А. Соколов и К. Ф. Шмелев.

ПРОБЛЕМА ДЕНЕГ И УЧЕТА В СОЦИАЛИЗМЕ.

СОЦ[illegible]

ПЕТРОГРАД—МОСКВА.
1922.

Гос. Трест «ПЕТРОПЕЧАТЬ» 4 Типография Фонтанка, 57.

Р. Ц. № 1170. Отпечатано 1000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

1. **В. Я. Железнов.** Роль денег в товарообмене 2
2. **З. С. Каценеленбаум.** Проблема денег и оценки в социализме . 17
3. **А. А. Соколов.** Социалистическое хозяйство, цена и деньги . . 55
4. **К. Ф. Шмелев.** Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата 115

Предлагаемая читателям книжка содержит четыре очерка: 1) «Роль денег в товарообмене» В. Я. Железнова; 2) «Проблема денег и оценки в социализме» З. С. Каценеленбаума; 3) «Социалистическое хозяйство, цена и деньги» А. А. Соколова и 4) «Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата» К. Ф. Шмелева. Очерки эти написаны по поручению Института Экономических Исследований Народного Комиссариата Финансов в период от середины 1920 г. до начала мая 1921 г. Поводом к их написанию была необходимость дать оценку тому отношению к денежному обращению и его судьбе, которое господствовало в правительстве в указанное время: в это время правительство твердо держалось мысли о скором уничтожении денег и скорой замене их в качестве ценностной единицы учета в государственном хозяйстве так называемой трудовой единицей.

Авторы позволяют себе думать, что опубликовываемые ими очерки представляют помимо своего прямого назначения, как попытки разрешения проблемы денег и учета в социализме, и некоторый теоретический интерес с точки зрения политической экономии: пытаясь осветить проблему денег и учета в социализме, они этим самым пытаются дать новое освещение явлений ценности и денег.

Роль денег в товарообмене.

Доклад В. Я. Железнова, прочитанный 25 июня 1920 г.

Вопрос о роли денег в товарообмене, казалось бы, настолько выяснен экономической теорией, что нет надобности поднимать его в специальном совещании, имеющем целью обсудить положение расстроенного денежного обращения и меры его улучшения. Но в настоящее время в руководящих общественных кругах сложился своеобразный взгляд на значение денег в народном хозяйстве. Ценность денег упала до размеров чрезвычайных и продолжает падать, угрожая полным обесценением—не беда, можно обойтись и без них и даже следует, ибо деньги—фетиш, ослепляющий невежественные и косные массы и сохраняющий свое обаяние только среди людей, зараженных застарелыми социальными предрассудками. Можно перевести все хозяйство на натуральные расчеты, распределять все, что кому нужно, из общественных магазинов, и потребности каждого будут удовлетворены не хуже прежнего.

В виду таких возрений, имеющих, к сожалению, далеко не одно теоретическое значение, а оказывающих известное влияние и на современную политику денежного обращения, представляется не лишним остановиться, хотя бы вкратце, на некоторых функциях денег. Такое рассмотрение основных денежных функций должно показать, что они не затрагиваются, казалось бы, радикальнейшими переменами в политическом и социальном строении общества, что их действие проявляется гораздо глубже, и что поэтому слишком рано говорить, не настал ли уже для современной России момент, когда деньги становятся ненужной роскошью и могут быть заменены иными, более рациональными, способами распределения.

Деньги рождаются из общественного разделения труда. Это ясно понимал и отчетливо формулировал еще Платон, а в совре-

менной политической экономии, с особенным ударением, отметил Ад. Смит. В трудораздельном хозяйстве, по его известным словам, «всякий человек .. живет обменом или становится в известной мере купцом, а само общество выростает в нечто такое, чем бывает собственно коммерческое общество» *).

Дело здесь не в разделении труда самом по себе. Разделение труда может проводиться довольно далеко и в замкнутом хозяйстве натурального типа. Возбуждение к обмену создается не одним обособлением видов занятий, но и разделением интересов, образованием юридически самостоятельных хозяйственных единиц, ограниченных друг от друга большим или меньшим кругом хозяйственной деятельности, «чтобы производить товар, надо производить не только потребительные стоимости, но потребительные стоимости для других, общественные потребительные стоимости... В совокупности всякого рода потребительных стоимостей или товаров проявляется настолько разнообразная совокупность полезных работ, разнообразных по роду, виду, семейству, подвиду, разновидности, другими словами—проявляется общественное разделение труда. Без него не может быть производства товаров, хотя нельзя сказать наоборот, что производство товаров есть необходимое условие разделения труда. В старинной индийской общине труд разделен, но продукты не становятся товарами... Только продукты самостоятельных и друг от друга независимых частных работ являются товарами, которые могут быть обменены один на другой»... «Товары не могут сами отправляться на рынок и выменяваться само собою»... «Чтобы сопоставить вещи, как товары, хранители товаров должны относиться друг к другу, как лица, воля которых пребывает в их вещах, так, что каждый только на основании своей собственной воли и воли другого, оба, следовательно, на основании их общей воли, присваивают себе чужой товар тем, что отчуждают собственный. Они должны, следовательно, признавать друг друга частными собственниками. Это юридическое отношение, форма которого есть договор, законно или незаконно совершенный, есть только волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического или волевого отношения дается самим экономическим отношением» **).

То же самое подчеркивает и Гельферих в своей известной

*) Wealth of Nations, Book I, chap. IV. Изд. Cannan'a vol. I. стр. 24.
**) К. Маркс. Капитал, 2-е изд, т. I. Спб. 1898, стр. 6—8 и 47.

книге. Денежное обращение предполагает, как всякий обмен, «комбинацию разделения труда и частной собственности», а не «один какой-либо из этих фактов сам по себе» *).

Обычно при анализе роли денег в товарообмене останавливаются на этом утверждении и переходят прямо к характеристике денежных функций в условиях современного хозяйственного строя или, вообще, строя, предполагающего господство принципа частной собственности, в противоположность изолированному натуральному хозяйству старого времени и мыслимым формам коммунистического хозяйства. Но раздельность интересов и потребность менового оборота выступает весьма справедливо и в социалистических формах хозяйства, допускавших самостоятельность доходов отдельных лиц. Поэтому круг применения рациональных форм товарообмена чрезвычайно широк, тем более, что самые коммунистические формы общества только теоретически могут мыслиться вполне в чистом виде, а в реальном проявлении необходимо должны включать в себя различные уступки и компромиссы. Во всяком случае, целый ряд социалистических систем, допускающих самостоятельные доходы, необходимо требует при их рациональном осуществлении применения денег, как наиболее удобного способа реального использования предоставленного права на доход.

В таких социалистических системах, как справедливо отмечает М. И. Туган-Барановский, распределение продуктов обязательно совершается при помощи той или иной системы денег, хотя бы только идеальных: каждая отдельная личность расходует свой доход—потребляет в пределах ценности, которой располагает, для чего требуется, в свою очередь, точное сравнение ценности потребляемой вещи с общей ценностью дохода потребляющего лица и расходование этой последней ценности данным лицом для приобретения предметов потребления. Поэтому при системах этого типа предметы потребления должны иметь свою цену, цена же должна быть выражена в каких-либо единицах. Иными словами, деньги, как мерило цен и как покупательное средство, являются в системах этого типа необходимым орудием распределения продуктов **).

Таким образом, разделение труда и разделение интересов, хотя бы только в форме самостоятельных доходов, неминуемо приводят к необходимости пользования деньгами. Господство

*) Helfferich. «Das Geld» 2 Aufl. Leipzig. 1910. Стр. 218.

**) М. И. Туган-Барановский. Социализм, как положительное учение. Петроград, 1918 г. Стр. 19.

принципа частной собственности в общественном строе вовсе не есть необходимое условие для товарообмена и применения к нему денег. Частная собственность может быть значительно урезана, все люди, занятые хозяйственной деятельностью, могут быть превращены в государственных чиновников, получающих свой доход, как казенное жалованье, но, пока за ним будет признано право на свой личный, определенный доход, раздельность интересов останется, а с ней и вытекающие из нее весьма важные социальные следствия.

Раздельность интересов—будет ли она сохранена в сравнительно узком или более широком кругу—есть форма проявления индивидуальной свободы. Она означает свободу хозяйственного выбора, свободу действия в очерченных для нее границах. Она может распространяться на все хозяйственные действия, и тогда она предполагает широко развитой строй частной собственности, но, как было указано, она будет существовать и при простом предоставлении отдельным лицам права распоряжения получаемым им доходом, т. е. и в социалистическом государстве, поскольку в нем будет признано это право. А так как в современной России право лица на доход пока не оспаривается, то значит не отрицается (а, напротив, должно быть признано желательным) предоставление лицу возможности наиболее рационального использования его права.

Вот здесь то мы и встречаемся с одной из основных функций денег.

Характерной чертой трудораздельной организации общества представляется, что при ней для каждого работника упрощается и суживается его труд и, вместе с тем, усложняется и разнообразится доход. Вопрос выбора в труде сводится к определению своего призвания, часто на всю жизнь, вопрос же о выборе в пользовании доходом составляет повседневную задачу. Если трудно судить за другого, к какому делу он пригоден, а рациональнее предоставить ему самому разобраться в выборе профессии, лишь облегчая и помогая ему в этом деле, то еще труднее заранее определить для человека круг конкретных предметов, удовлетворяющих его текущим потребностям. Передача доходов в натуре тем труднее, чем дальше проведено в обществе разделение труда, чем сложнее, разнообразнее и обширнее общественное производство и чем культурнее и развитее привычки и вкусы потребителей. Обеспечить рациональное распределение продукта общественного производства между членами общества какой-либо принудительной нормой невозможно, тем более, что при всем обилии производительности того

или иного общества его запасы хозяйственных благ, идущих в распределение между членами, не могут быть безграничными. Следовательно, сама хозяйственная необходимость требует предоставления свободы выбора в распоряжении доходами. Само собою разумеется, что эта свобода выбора не может быть беспредельной и обусловливается размером производительности данного общества. Наилучшим способом обеспечения такого свободного выбора и представляется передача лицу абстрактного права на доход в виде определенной ценностной величины, указывающей его долю в общей массе чистого дохода общества. Наиболее же рациональной формой выражения ценностной величины получаемого лицом дохода являются деньги, почему без денег нельзя обойтись при любой форме политической и социальной структуры общества, признающей самостоятельные доходы, если только в пем не отрицается необходимость рационального устроения экономических отношений — допущение, которое представлялось бы нелепостью.

Кстати сказать, рациональное выражение доходов требует не только денежной формы, но и рационального устройства самого денежного обращения, т. е., прежде всего, денег с устойчивой покупательной силой. Уплата доходов в деньгах с резко и быстро падающей покупательной силой не только суживает свободу выбора в пользовании доходом, но обычно превращается в экспроприацию самого дохода, ибо доход, выраженный в таких деньгах, имеет непреодолимую тенденцию ущербляться и может в пределе дойти до нуля, быстро приближаясь к этому пределу, — картина, которую нам приходится наблюдать в наше время. Пополнение убывающей части денежного дохода его натурализацией, как показывает и переживаемый опыт, может заделывать лишь некоторые бреши, оставляя многие и самые необходимые потребности неудовлетворенными. Конечно, в наше время нельзя не считаться с крайним товарным оскудением, но и в наилучших мыслимых обстоятельствах натурализация дохода означала бы сужение свободы потребления, навязывание человеку того, что ему — по крайней мере в данный момент — лишнее, и, наоборот — лишение того, что отвечало бы его привычкам и вкусам.

Говоря коротко, превращение денежного дохода в натуральный есть лишение свободы, тягостное для получающего доход и нерациональное с точки зрения интересов народного хозяйства, как целого. Здесь функции денег, как всеобщего эквивалента и орудия обращения, выступают в их положительной общественной роли,

создавая условия наиболее рационального и справедливого (при прочих равных условиях) распределения чистого дохода общества между его членами. «Только деньги, говорит Гельферих, дают возможность поставить труд и капитал отдельного лица при сохранении его хозяйственного самоопределения на службу целого и, с другой стороны, снабдить его из произведения целого предметами, удовлетворяющими его потребностям, короче, только деньги делают возможным осуществляемый в нашем хозяйственном строе компромисс между личной свободой и общественной организацией» *). На эту роль денег обратила особенное внимание новейшая литература денежного вопроса, в Германии—философское направление в теории денег (Зиммель, К. Сода, японец по происхождению, но писатель немецкий), у нас, следуя за ним, покойный А. М. Рыкачев (который практически делал из этих положений несколько, на мой взгляд, поспешные выводы, по существу же, в основе был вполне прав). Любопытно отметить, что, совершенно независимо от каких бы то ни было направлений в теоретической разработке денежного вопроса, эту сторону денег с чрезвычайной яркостью охарактеризовал у нас еще Ф. М. Достоевский в «Записках из мертвого дома», быть может, потому, что она сильно давала себя чувствовать в обстановке каторжной жизни, где вопросы свободы и именно свободы бытовой, житейской передумывались с особенной остротой.

«Деньги есть чеканная свобода, а потому для человека, лишенного совершенно свободы, они дороже вдесятеро. Если они только брякают у него в кармане, он уже вполовину утешен, хотя бы и не мог их тратить. Но деньги всегда и везде можно тратить, тем более, что запрещенный плод вдвое слаще». И дальше: «Деньги... имели в остроге страшное значение, могущество. Положительно можно сказать, что арестант, имевший хотя какие-нибудь деньги в каторге, в десять раз меньше страдал, чем совсем не имевший их, хотя последний обеспечен тоже всем казенным, и к чему бы, кажется, иметь ему деньги,—как рассуждало наше начальство. Опять-таки, повторяю, что если бы арестанты лишены были всякой возможности иметь свои деньги, они или бы сходили с ума или мерли бы, как мухи (несмотря на то, что были во всем обеспечены), или, наконец, пустились бы в неслыханные злодейства... К деньгам арестант жаден до судорог, до омрачения рассудка, и если действительно бросает их, как щепки, когда кутит, то бросает за то, что

*) Helfferich, «Das Geld». Стр. 292.

считает еще одною степенью выше денег. Что же выше денег для арестанта? Свобода или хотя какая-нибудь мечта о свободе...»*).

Конечно, можно мыслить общество, для которого почему-либо было бы желательно искоренить даже те последние обрывки свободы, какие власть дореформенной России оставляла для каторжан. Но и для такого общества должен был бы сохранить значение собственный экономический интерес, расчет выгоды в устроении его хозяйственных дел, и расчет этот неминуемо должен был диктовать ему иную политику по отношению к деньгам. Дело в том, что свобода выбора на товарном рынке гарантирует не только максимум удовлетворения для покупщиков, но и возможную экономию товарного производства. Распределение имеющихся трудовых сил между различными отраслями хозяйства наиболее рационально достигается по указанию общественного спроса, единственным языком которого может быть только денежная цена. Когда говорят о регулировании производства по учету действительных потребностей общества статистическими наблюдениями над потреблением конкретных товаров, обыкновенно упускают из вида те индивидуальные уклонения в потреблении, которые имеют решающее значение и для размеров самого производства. Если строить потребление по «среднему» типу, то необходимо в значительной мере увеличить общую сумму производства. При сохранении же прежней суммы придется фатально уменьшить сумму удовлетворения, получаемую лицом от его дохода. Если лицо получает в год известную денежную сумму, скажем, шестьсот рублей или шесть тысяч, оно само распределяет свои расходы между различными потребностями по степени их настоятельности. Если же реальный состав его дохода будет определяться за него, на основании средних цифр потребления всего населения или данной профессиональной группы, то в него пришлось бы включить многое такое, на что он сам не счел бы возможным нести расход или вообще или в текущем году и, значит, соответственно сократить степень пользования по другим статьям его дохода. Я в нынешнем году мог бы не покупать костюма, шляпы, мебели, но мне очень нужно было бы купить белья и то не всякого, а, например, хотя бы одних рубашек и носовых платков, а другой, напротив, очень бы желал обновить костюм, но не нуждался бы в носовых платках и рубашках, и если бы обоим нам было предоставлено сделать выбор самим, расходуя наши денежные доходы, мы устрои-

*) «Записки из мертвого дома». Ф. М. Достоевского.

лись бы одинаково удобно и нашими закупками сообщили бы и надлежащее направление мануфактурной промышленности. Если же бы нас стали довольствовать натурой, то или каждому из нас пришлось бы дать и по костюму, и по дюжине рубашек, и носовых платков, что создало бы излишнее бремя для общественного производства, а при невозможности нести его привело бы к выдаче соответственных продуктов по жребию или, еще хуже, по созданным специально для этого случая привилегиям одних и умалению прав других. В конечном же результате один из членов общества остался бы совершенно неудовлетворенным при сравнительно слабом избыточном удовлетворении другого члена, снабженного привилегией. И главная задача распределения продуктов сводилась бы при таком порядке вещей не к тому, сколько нужно дать, а сколько у каких групп общества отнять, чтобы иметь возможность удовлетворить остальных.

Если денежная форма дохода дает наиболее совершенное выражение общественному спросу, то при ней же достигается и наиболее рациональное приспособление к имеющемуся предложению товаров.

При сравнительно небольшом предложении товаров цены на них должны естественно подниматься, и это приведет к тому, что из группы покупателей отпадут все те, для которых это повышение представляется невыгодным, которые предпочтут ему иное употребление соответственной части своего дохода, и останутся лишь те, которые согласятся для удовлетворения данной потребности пожертвовать другими, в их глазах, менее важными. Равным образом, при сокращении спроса на некоторые товары, понижение их расценок привлечет к ним некоторых покупателей, которые при понизившейся цене их найдут возможным предпочесть приобретение их покупке других предметов, ставших, вследствие этой перемены, еще менее ценными для них. Этот тонкий и чувствительный анахронизм товарного рынка не может быть заменен никаким внешним регулирующим аппаратом, ибо суть дела здесь не в одних средних величинах, но и в надлежащем распределении общей суммы продукта между отдельными лицами соответственно их индивидуальным потребностям. Только здесь идут от периферии к центру, а не от центра к периферии. Центр здесь—начало воспринимающее, а не побуждающее, и ему надо зорко присматриваться и чутко прислушиваться к тому, что совершается в глубинах народно-хозяйственной жизни, и, сообразно с этим, вести свою регулирующую работу.

Конечно, превосходство денежного дохода над натуральным проявляется резко только при эластичности спроса, при условии, что данное общество в состоянии обеспечить своих членов сверх самых необходимых, чисто животных, потребностей. Если бы все общественное производство свелось к добыванию немногих видов самых необходимых пищевых продуктов в количестве, еле хватающем для самого скудного пропитания, то расчеты были бы просты, и натуральная система была бы как раз по плечу такой общественной организации. Но и такое состояние было бы возможно только при полном возвращении кусловиям примитивного быта с его сравнительным обилием даров природы. В современных обществах, при известной степени густоты населения и проявлении действия так называемого закона уменьшения земледельческого продукта, уже одно снабжение всех членов общества предметами первой необходимости становится довольно трудным и сложным делом и требует рациональной организации хозяйства, которую также невозможно наладить без помощи денег. Всякое рационально поставленное хозяйство требут учета. Но что такое учет хозяйства, как хозяйства, т. е. экономической стороны той или иной человеческой деятельности. Это есть, прежде всего, некоторое ценностное сравнение, подведение баланса доходов и расходов, которое опять-таки немыслимо без денег. Безденежный учет хозяйства превратил бы все хозяйственное счетоводство в необозримый ряд инвентарных записей, в итоге которых никак нельзя было бы определить, правильно или неправильно ведется данное дело с экономической стороны, ибо без общего знаменателя, без общей единицы меры хозяйственного значения всех разнообразных предметов, занесенных в инвентари, никакое общее суждение о хозяйственных результатах дела невозможно. Вот почему всякое хозяйственное счетоводство ведется на денежные суммы, и баланс выводится также в результате сравнения денежных величин, благодаря которым только и возможно сравнение издержек и выручки, расходов и доходов. Значение денег, как всеобщего показателя цен, выступает здесь особенно отчетливо, подчеркивая неразрывность употребления денег и рационального ведения всякого хозяйства. Трудно представить себе, каким образом была бы устроена отчетность национализированных предприятий и чем определялись бы взаимные отношения друг с другом, если бы все предметы, входящие в них и выпускаемые ими, отмечались бы лишь в натуре, без всякой денежной оценки. Путаница, которая неизбежно возникла бы при таком порядке, неми-

нуемо привела бы к тому, что деньги, как счетная единица, возродились бы в той или иной форме.

Здесь опять-таки нельзя не отметить, что рациональная постановка учета требует и рациональных денег, т. е. денег с устойчивой покупательной силой, ибо при падающей валюте всякая калькуляция будет проблематичной сверх допустимой меры (что наблюдается опять-таки в наше время, когда составление хозяйственных смет стало делом почти безнадежным). Легкость отношения к деньгам, как элементу хозяйственной организации, часто вытекает из недостаточного внимания к тому, что составляет суть всякого хозяйства,—к ценностному сравнению хозяйственных благ. Даже совершенно изолированный хозяин, который ничего не покупает и не продает, должен, однако, оценивать свои продукты и средства производства, т. е. производить ценностное сравнение между ними, если он желает установить правильное отношение между своими затратами и выручкой. Этот случай, как справедливо замечает Зиммель, только подтверждает общее положение, что всякое хозяйство есть некоторое взаимодействие и именно взаимодействие в специфическом смысле обмена, пожертвования одной вещью ради другой. «Ибо всякое взвешивание, оправдывает ли определенный продукт определенный расход труда или иных благ, есть для хозяйствующего суб'екта совершенно то же самое, как при обмене предшествующая оценка того, что отдают, сравнительно с тем, что покупают» *).

Иначе говоря, хозяйство невозможно без сравнения ценностей, сравнение же ценностей предполагает некоторую меру, т. е. опять-таки деньги. Всякая ценность имеет относительное значение и устанавливается, определяется только сравнением между вещами. Одно—желание вещи, возвращаюсь опять к прекрасной характеристике Зиммеля, еще недостаточно для определения ее ценности. «Ибо практической, т. е. входящей в движение хозяйства, ценностью желаемый предмет становится только в силу того, что желаемость его сравнивается с желаемостью другого и через это вообще получает некоторую меру. Только тогда имеется второй об'ект, о котором я знаю, что я могу дать его за первый или первый за него, каждый из них приобретает некоторую обозначенную хозяйственную ценность. Отдельная единичная ценность столь же мало первоначально существует для практики, как единое для сознания

*) G. Simmel. «Philosophie des Geldes». 2-е изд. Leipzig. 1907. Стр. 35.

С различных сторон было указано, что два старше одного. Куски разломанной палки требуют слова для выражения множественного числа, целое же есть просто «палка», и повод обозначать его «единой» палкой представится лишь тогда, когда две палки будут рассматриваться в каком-либо отношении друг к другу. Так и простое желание какого-либо об'екта не приводит еще к тому, чтобы он имел хозяйственную ценность, ибо в себе самом он не находит требуемой для этого меры: только сравнение желаний, т. е. обмениваемость их об'ектов, фиксирует каждого из них, как определенную по своей высоте, следовательно хозяйственную, ценность»*). А раз нужна мера, то общество будет инстинктивно стремиться найти для нее наиболее подходящую форму, и такой формой и явились деньги, в которых функция посредничества в товарном обмене и выражения ценности товаров осуществляется наиболее чистым образом. Главный смысл замечательного анализа процесса образования денег у Маркса заключается именно в том, что общество после ряда последовательных проб останавливается, наконец, на некотором всеобщем эквиваленте, противополагаемом, как нечто своеобразное всей пестрой массе сравниваемых с ним товаров. «Деньги это—кристалл, который неизбежно образуется в процессе обмена товаров, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются один к другим и этим фактически превращаются в товары. Историческое развитие обмена и вширь и вглубь все более и более придает продуктам труда характер товаров и, вместе с тем, развивает присущую их природе противоположность между потребительною и меновою стоимостью. Необходимость дать внешнее выражение такой противоположности для целей торговых сношений стремится породить самостоятельную форму товарной стоимости и до тех пор не успокаивается, пока такая форма не будет, наконец, достигнута, вследствие раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, по мере того, как происходит превращение продуктов труда в товары, совершается, вместе с тем, и превращение товара в деньги». Сюда Маркс присоединяет характерное примечание: «Поэтому можно судить о проницательности мещанского социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время уничтожить противоречие денег и товара, следовательно, и самые деньги, так как они существуют только, как результат этого противоречия. Это все равно, что уничтожить

*) Там же. Стр. 47—48.

папство, оставив католицизм»[*]). Или, как указывает Зиммель, необходимость для образования обыкновенной ценности установления известного расстояния между суб'ектом и вещью наилучшим образом воплощается в денежном обмене. Деньги реализуют в себе общую философскую формулу, что вещи находят свой смысл друг в друге, и что взаимность условий, в которых они находятся, образует их бытие и форму их бытия» [**]).

Нет надобности останавливаться на неудобствах, создаваемых отсутствием денег, в самом механизме товарного оборота—слишком уже они бросаются в глаза и слишком живо запечатлелись в сознании современного русского человека вынужденной практикой непосредственной мены. Но, может быть, нелишне отметить, что затруднения непосредственного товарообмена должны неминуемо приводить к сужению товарного рынка и всем вытекающим отсюда следствиям—сокращению поля применения разделения труда, гибели и невозможности нового налаживания крупного производства, к распылению общества на мелкие самодовлеющие хозяйственные единицы. При денежном обмене тяжесть товарного тела, его малоподвижность облегчаются непрерывным движением ценностных единиц, принимающих на себя значительную долю экономического трения в сношениях между отдельными хозяйствами. Товарный оборот есть, прежде всего, перемещение ценностей, не требующее, как известно, немедленного и непосредственного передвижения самих товаров в натуре. Перемещение ценностей из рук в руки может обойтись и без передвижения самих реальных носителей этих ценностей, а если передвижение товаров в натуре необходимо, то оно происходит тогда и в такие пункты, когда и где это представляется наиболее экономически выгодным. Медленно двигающиеся товары приобретают, благодаря деньгам, как наиболее ходкому представителю ценности, такую же быстроту ценностного перемещения, как и двигающиеся более быстро. При отсутствии денег это выравнивание скоростей ценностных перемещений не могло бы происходить, и в результате рыночный оборот свелся бы к сравнительно немногим товарам, которые, несомненно, должны были найти скорый сбыт, т. е. быстро находили бы себе подходящий ценностный эквивалент в натуральной форме товаров, непосредственно нужных для их обладателей. А скудость ассортимента на товарном рынке должна была

---

*) «Капитал», т. I. Стр. 49.
**) Г. Зиммель «Философия денег». 2-е изд. Лейпциг. 1907. Стр. 98.

бы повлечь за собой и упрощение форм производства. Такое установление близких и непосредственных связей между производителем и потребителем было бы в конечном счете невыгодно для того и другого и налагало бы стеснительные путы на всю хозяйственную деятельность общества. Деньги являются и здесь о с в о б о ж д а ю щ и м фактором, открывающим более широкий простор развитию производительных сил. Производство, благодаря деньгам, получает возможность наиболее рационального территориального распределения, отделяясь от места потребления создаваемых продуктов, а с тем самым оказывается в состоянии проводить самую дробную специализацию занятий в пределах общей потребности весьма широкого рынка. Каждый специальный производитель имеет возможность немедленной реализации дохода сбытом продуктов на таком рынке, и это дает ему твердую точку опоры в проведении специализации своего дела до желательной степени. Обеспеченность сбыта продуктов за деньги может, таким образом, легко и без стеснения для хозяйственных деятелей поддерживать чрезвычайно сложную, многоветвистую систему общественного разделения труда. Взаимная зависимость всех отдельных хозяйственных деятелей при этом остается и чувствуется весьма живо, но, как справедливо замечает Гельферих, «чем больше развивается хозяйство.... тем меньше становится отдельное лицо зависимым от о п р е д е л е н н ы х других лиц; его зависимость относится, напротив, к неопределенной и безличной совокупности и «рынку». Эта совокупность не предписывает ему с резкой строгостью личной воли, что он должен делать и чего не должен делать; напротив, она руководит им, делая ему указания в сторону его собственной выгоды, согласно с которой он должен принимать свои решения, и это чувствуется, как свобода; с другой стороны, зависимость отдельного лица от больших совокупностей, чувствуемая не как свобода, есть важнейший принцип, на котором покоится общественная культура» *).

Конечно, крупное производство и общественное разделение труда продолжали бы существовать в руках общественной власти, снабжающей население некоторым кругом предметов первой необходимости, но мы видели уже, насколько затруднительным был бы ход этих предприятий при отсутствии общей счетной единицы. Словом, с какой стороны мы не стали бы подходить к хозяйству, отказавшемуся от помощи денег, мы увидели бы, что оно имеет

*) Helfferich «Das Geld». Стр. 246—248.

неопреодолимую тенденцию к «опрощению» и изоляции, превращению в ряд единообразных, хотя в своем роде и живописных, Робинзонад, сколько-нибудь сносных только в благодатном климате и среди роскошной природы далекого юга, а никак не на нашем угрюмом, неприветливом севере. Наконец, накопление и перемещение капиталов из рук в руки невозможно в сколько-нибудь широком об'еме без помощи денег. Совершенно ясна невозможность широкого развития кредита в хозяйстве, не знающем денег. Но и простое накопление средств, хранящихся в хозяйстве до поры до времени за невозможностью реализовать их в близкое время в предметах, необходимых для хозяйства, чрезвычайно стесняется, если такое накопление должно совершиться в натуральной форме. Здесь также нелишне отметить, что правильный ход накопления требует опять-таки рациональной постановки денежного обращения, т. е. денег с устойчивой покупательной силой. Во время войны и больших потрясений народной жизни, когда хозяйственная деятельность замирает, выжидая лучшего будущего, слои населения, имеющие возможность накоплять, образуют своими сбережениями большой резервный фонд для будущего хозяйственного строительства и для исцеления ран, нанесенных хозяйственным расстройством. В частности, даже в современной России, с перемещением центра тяжести накопления в крестьянские массы, накопление капиталов в деревне дало бы возможность с наступлением спокойных условий для хозяйственной деятельности преобразовать русское крестьянское хозяйство в сторону его рационализации и тем двинуть вперед и общее экономическое развитие России. При современных же условиях нашего денежного обращения, грозящих обесценить всю массу бумажного резерва, вся эта капиталообразующая сила современной деревни может превратиться в ничто.

Я ограничился немногими указаниями на роль денег в современном трудораздельном хозяйстве, имея в виду не исчерпать этот вопрос (сам по себе обширный и сложный), а лишь обратить внимание на то, что к деньгам нельзя относиться слишком легко, считая их несущественной принадлежностью хозяйственной жизни, без которой можно обойтись при новых формах социального строя, значительно урезывающих круг частно-правовых отношений. Я пытался показать, что дело здесь не в этих формах, а в самом фундаменте народного хозяйства, без которого немыслимы рациональные формы социального порядка. Деньги нужны постольку, поскольку есть нужда ставить хозяйство р а ц и о н а л ь н о; можно

мыслить, конечно, и иррациональные формы хозяйства, можно мечтать о временах величайшего изобилия, когда не за чем будет кропотливо считать и мерить хозяйственные ценности, а предоставлять всем и каждому беззаботно черпать, что захотят, из невидимо пополняемого общего запаса и, значит, совершенно позабыть о деньгах и денежном счете,—но сейчас едва-ли в России найдется человек, которому была бы охота предаваться таким мечтаниям.

В. Железнов.

Проблема денег и оценки в социализме.

Доклад З. С. Каценеленбаума, прочитанный 2 июля 1920 г.

I.

Россия подошла вплотную к практической постановке проблемы о дальнейшей судьбе денег и денежной системы. Возможно, что крайняя актуальность проблемы является результатом до некоторой степени случайного обстоятельства, того, что октябрьская революция унаследовала от прошлого основательно испорченное денежное обращение, что первые годы после октябрьской революции протекали в условиях бумажно-денежного хозяйства. Но как бы то ни было, в результате денежное обращение дошло до такого расстройства, при котором оставаться нельзя. Жизнь требует того или иного решения денежного вопроса. В то же время с полной очевидностью выступает разница в положениях, в которых находятся в отношении этого вопроса, с одной стороны, капиталистические страны Запада, а, с другой—перестраивающаяся на коммунистических началах Россия. Для Австрии, Германии и др. стран, страдающих от бумажно-денежной инфляции и находящихся в этом отношении в положении, весьма похожем на положение России, денежный вопрос в целом не вызывает сомнений. Для этих стран ясно, что их задача заключается в исправлении валюты, и речь может идти лишь о способах этого исправления. Для России встает предварительный принципиальный вопрос: следует ли, вообще, идти в сторону восстановления и исправления денежного обращения, или же задача заключается в полной ликвидации денег, как таковых, упразднении денежной системы в ее целом. Известно, далее, что среди руководителей экономической и финансовой политики Советского правительства преобладает второе течение.

Задача настоящего доклада заключается в том, чтобы осветить этот вопрос с теоретической стороны, выяснить то место, которое должны занимать деньги в социалистической системе.

Социалистической литературе нельзя сделать упрека в том, что она уделила мало внимания проблеме денег. Виднейшие социалисты XIX века—Прудон, Родбертус, Маркс и Энгельс—ставят проблему междухозяйственного обмена и, вместе с тем, денег в центре своего внимания. Маркс, разделяя в этом отношении судьбу Рикардо, начинает свои выступления в экономической литературе с разработки теории денег и уже от нее переходит к другим сторонам экономической теории. Первые работы Маркса: «Нищета философии», «Zur Kritik», первые главы «Капитала» посвящены исключительно или преимущественно денежному вопросу. И, тем не менее, на практический вопрос, поставленный жизнью перед практиками социализма, на вопрос о том, как быть с деньгами и денежной системой при переустройстве общества на социалистических началах, вся эта литература, в сущности, ясного и определенного ответа не дает.

Два направления мы можем заметить в разработке проблемы денег у тех социалистов XIX века, которых мы выше назвали.

Прудон («Systéme des contradictions économiques» и Philosophie de la Misère, Paris 1846; «Solution du problème social». P. 1848, «La Banque d'échange» 1848), предшественниками которого Маркс считает английских социалистов начала XIX века и главным образом John Gray'я («The social system Treatise on the principle of Exchange», Edinburgh 1831 и «Lectures on the Nature and use of Money» Edinburgh 1848) и Bray'я (Labour's Wrongs and Labours Remedy. Leeds 1839), а также Родбертус видели основную болезнь капиталистического общества, главную причину нищеты и тяжелого положения низших классов, в недостатках обмена. Исходя из теорий ценности Рикардо, из положения, что ценность товара определяется количеством затраченного на его производство труда,* считая, с другой стороны, принципом высшей справедливости, чтобы люди при обмене своих товаров, обмене, неизбежном в обществе, основанном на разделении труда, обменивались эквивалентами, эти писатели констатировали в современной организации общества ряд отклонений от этого принципа. Один, как Грэй—слабый социалист, видел причину этого уклонения от обмена эквивалентами в невозможности снабдить хозяйства достаточным количеством золота и серебра, другие, как горячий комму-

нист Брэй, считали причиной этого уклонения частную собственность на орудия и средства производства. Но все они подчеркивали, что главное зло проистекает от плохой организации обмена, в результате которой рабочий, отдавая свою рабочую силу капиталисту, получает, как эквивалент, не весь продукт своего труда, а только часть его. Видя в недостатках обмена основную причину социальных бедствий, все эти экономисты в той или иной форме выдвинули в качестве основной задачи социального переустройства реорганизацию обмена, создание такой системы, при которой был бы осуществлен высший принцип социальной справедливости, обмен эквивалентами. Но все несправедливости обмена связаны с нынешней системой денег и денежных цен. Отсюда указанное направление социалистической мысли и делает вывод, что для социального переустройства необходима реорганизация денежной системы, создание новой системы денежного обращения, при которой денежная цена товара соответствовала бы его настоящей ценности, т. е. количеству затраченного на них труда. Логическим выводом из этих положений для всех писателей рассматриваемого направления является необходимость создания «трудовых денег» и определение ценности товаров не по произволу его владельца, а по решению компетентного органа, переход от системы рыночных цен к системе «конституированной ценности» (т. е. к системе твердых «указных» цен).

Самую организацию обмена и трудовых денег в новом обществе все эти экономисты представляли себе несколько различно. Более ранний из них Грэй, который, как рассказывает Маркс, в 1848 году после февральской революции послал французскому временному правительству докладную записку, доказывающую, что Франция нуждается не в «организации труда», а в «организации обмена» на основе проектируемой им денежной системы *), выдвигает следующий план.

Лица, решившие об'единить свой капитал для лучшего его использования и лучшего снабжения себя предметами первой необходимости и комфорта, образуют ассоциацию, принимающую следующую «коммерческую конституцию». Ассоциация избирает из своей среды «национальную торговую палату» (National chamber of Commerce) в составе президентов и достаточного число членов, которые берут на себя контроль и управление делами ассоциации.

*) Marx. Zur Kritik der Polit. Olkon. B. 1859. Стр. 61.

Ассоциация обращается с предложением о вступлении в ее состав ко всем лицам, владеющим землей и капиталом. Земля и капиталы, переданные ассоциации, оцениваются, и их владельцы получают ежегодно фиксированный доход, соответствующий их ценности. Обработка земли и ведение промышленных и торговых дел поручаются служащим и управляющим, получающим фиксированную плату и действующим под наблюдением Торговой Палаты. Каждый продукт всякого наименования, выработанный на фабриках и землях ассоциации, складывается в национальных товарных складах и поручается охране служащих, также получающих твердую плату, фиксированную Торговой Пататой. Все розничные магазины, также управляемые назначенными Торговой Палатой служащими, снабжаются всеми продуктами из национальных товарных складов. Вся заработная плата рабочим и служащим выплачивается деньгами, не имеющими внутренней ценности; цены товаров должны слагаться, во-первых, из стоимости материала, во-вторых, из заработной платы и, в третьих, из прибыли такого %, который обеспечивал бы постепенное и быстрое накопление капитала, выплату ренты, процентов, погашения капитала, оплаты непроизводительного труда, вознаграждения за несчастные случаи и покрытие всех государственных расходов. Земля, капитал и труд ассоциации посвящаются, в первую очередь, на снабжение национальных товарных складов продуктами, необходимыми для удовлетворения разнообразных потребностей. Первой задачей ассоциации должно быть стремление выплатить возможно скорее занятый капитал, с которым она начнет свои операции, и перейти на работу с собственным капиталом. Счета всех оборотов ассоциации должен вести Национальный Банк *). Этот банк имеет только две задачи: он, во-первых, сосредоточивает в своих руках изготовление и выпуск бумажных денег, которые он передает агентам ассоциации, и, во-вторых, ведет всю национальную бухгалтерию, открывая отдельный счет каждому служащему ассоциации **).

Несколько иначе подходит к вопросу другой английский экономист Брэй ***). «Труд один», говорит Брэй, «создает ценность...

---

*) John Gray. The Social System. 1831. Ch. III. Стр. 31—37.

**) Там же, стр. 64.

***) Нижеследующие цитаты взяты из «Нищеты Философии» Маркса, в которой на многих страницах приводятся длинные выписки из книги Брэя «Labours Wrong e. t. c. (см. 3 изм. изд. «Das Elend der Philosophie») 1895, стр. 45—53. Первоисточник мне в данное время недоступен.

Каждый человек имеет безусловное право на все то, что создано честно его трудом. Присваивая себе плоды своей работы, он этим не совершает никакой несправедливости по отношению к другим людям, так как он не лишает другого права поступать таким же образом... Согласно самой природе труда и обмена, высшая справедливость требует, чтобы все участвующие в обмене не только получали взаимные выгоды, но и выгоды равные. Существуют только две вещи, которые люди могут выменивать друг у друга, это труд и продукты труда. Если бы обмен происходил на справедливых началах, то ценность всех продуктов определялась бы стоимостью их производства и равные ценности всегда обменивались бы на равные ценности»... «До сих пор мы всегда применяли в высшей степени несправедливую систему обмена: рабочие отдавали капиталисту труд целого года в обмен на ценность только одной половины года и отсюда, а не от мнимого неравенства физических и интелектуальных сил индивидуумов, произошло неравенство в богатстве и силе»... «Никакой взаимности не может быть там, где нет равенства в обмене. Неравенство в обмене, как причина неравенства в обладании имуществом, есть тот тайный враг, который нас пожирает»... «Размышление над целями общества дает мне право утверждать, что не только все люди должны работать для того, чтобы они были в состоянии обмениваться, но и что обмениваться должны равные ценности на равные ценности»... «При помощи равенства в обмене богатство потеряет его нынешнюю способность, так сказать, самопроизвольно возобновляться и возрастать: оно не сможет из себя возмещать потерю, происходящую от потребления; ибо там, где богатство не воссоздается трудом, оно, будучи раз израсходовано, теряется навсегда. То, что мы теперь называем прибылью и процентами, при системе равенства в обмене существовать не может»...

«Но если», говорит далее Брэй, «для возможности построения общественной системы на началах коммунизма в законченной форме безусловно необходимо изменение характера людей, если, с другой стороны, современная общественная система не дает ни возможности, ни обстановки, которые необходимы для этого изменения характера и для подготовки людей к лучшим условиям существования, которых мы все желаем, то ясно, что положение неизбежно останется таким же, каким оно является сейчас, если не открыть и не провести подготовительную стадию развития—процесс, который принадлежит как нынешней системе, так и будущей системе (системе

коммунизма)—своего рода переходной стадии, в которую общество вступило бы со всеми своими ненормальностями для того, чтобы ее оставить по накоплении тех свойств и способностей, которые являются необходимыми жизненными условиями системы коммунизма *)».

В качестве такой переходной стадии—в этом отличие данной системы от планов Грэя, а также Прудона и Родбертуса, которые видели в своих проектах реорганизации обмена последний идеал, Брэй рекомендует переустройство общества на кооперативных началах. Все общество представляет собою большую ассоциацию, состоящую из независимых отдельных ассоциаций. Отдельные лица об'единяются по семействам, семейства по общинам. Общественный строй превращается в большую акционерную компанию, которая состоит из бесконечного числа маленьких акционерных обществ, которые работают совместно и обмениваются своими продуктами. Но этот обмен совершается на базисе полнейшего равенства. Общие и местные бюро («Boards of trade») вырабатывают план производства. Они устанавливают общую массу различных предметов, необходимых для удовлетворения потребностей в течение известного периода, предметов, изготовление которых и принимают на себя хозяйственные ячейки. Эти же бюро и устанавливают относительную ценность каждого отдельного товара по сравнению с другим, ценность, основанную на количестве труда, необходимого для его производства. В этой ассоциации каждый имеет равное право на использование сил природы и успехов техники. В этих пределах каждый имеет право накоплять из заработанного продукта столько, сколько он хочет, и располагать накопленным так, как это ему желательно.

Здесь уместно будет остановиться на попытках по осуществлению идеи «трудовых денег» и замены ими металлической монеты, которые были сделаны в разных странах в первой половине XIX века. Маркс связывает эти попытки с идеями Брэя **), но Антон Менгер правильно указывает, что английские попытки связаны не с выступлением Брэя, а с деятельностью Роберта Оуэна, и в самом деле те учреждения, на которые ссылается Маркс, были основаны и даже частью успели сойти со сцены за несколько лет до выхода в свет цитированной книги Брэя ***).

*) У Брэя стр. 136 см. Marx «Das Elend der Philosophie» стр. 51.
**) См. цит. соч. стр. 57.
***) См. A. Menger «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag» 3 Aufl. B. 1904, стр. 97, а также его Neue Staatslehre Jena 1903 стр. 130—131.

Идея «трудовых денег», по сообщению Noyes, принадлежит американскому последователю Оуэна, Warren'у, который предложил этот план Оуэна около 1826 года *). Сам Warren делал несколько раз попытки осуществить этот план в Цинциннати, Оуэновской колонии: «Новая Гармония» и др. местах. Он оперировал в течение 30 и 40 годов и твердо верил в свою идею. Но попытки Warren'а не получили большого развития и остались малоизвестны. Сам Оуэн оказался в этом отношении счастливее. Его попытка осуществления трудовых денег имела значительно больший успех, хотя и кратковременный, и идея «трудовых» или «рабочих» денег оказалась навсегда связанной с его именем.

История Оуэновских «трудовых денег» вкратце такова. В 1832 г. Р. Оуэн поместил в своем журнале «Кризис» такое об'явление:

«От Института справедливого трудового обмена трудящихся классов.

«Equitable Labour Exchanges Institution of industrial classes.

«Земледельцы, садовники, мануфактуристы, торговцы продовольствия, посредники, лавочники, оптовые и розничные деятели всех наименований, механики и все прочие, кто готовы распорядиться различными предметами своего производства и торговли единственно справедливым способом, которым люди могут отчуждать друг другу свою собственность, т. е. отдавая их ценность, выраженную в труде, за равную ценность, выраженную в труде, без посредства денег, приглашаются снестись с м-ром Самуэлем Остином в «справедливом трудовом обмене». Почтовые расходы должны быть оплачены. Роберт Оуэн».

Для осуществления предприятия было снято большое помещение, в котором находились обмениваемые товары. Всякий участник учреждения (National Equitable Labour Exchange) приносил в это помещение («базар») свой продукт и получал за него «трудовой бон» (labour note), на котором было обозначено число часов труда, затраченных на производство данного продукта. Для определения числа часов владелец продукта представлял счет, в котором каждые шесть пенсов калькулировались, как один час труда. Продукт подвергался оценке и за него уплачивалось в трудовых бонах не то количество «часов», которое требовал владелец, а «общественно-необходимое» количество часов. Получив трудовой

*) I. H. Noyes History of american socialism Philad. 1870. стр. 94 и сл.

бон, его владелец мог купить за него в магазине тут же или в другое время любой выставленный предмет. Сапожник, сдававший башмаки, мог приобрести здесь картошку, мясо и пр. За каждую операцию учреждение взыскивало комиссию в $8^1/_3\%$, причем в некоторых местах эта комиссия взималась деньгами.

В первое время «базары» имели громадный успех. Вслед за главным базаром на King's Cross, руководимым самим Оуэном, по крайней мере номинально, его последователями были основаны ряд базаров в Лондоне и др. городах Англии. Вклады товарами в отдельные «базары» достигали 10 тыс. фунтов стерлингов в неделю, суммы громадной по тогдашнему времени. Обмен несколько отставал от сдачи товаров, но все же протекал удачно. Среди сдаваемых товаров были такие, как мясо, мануфактурные изделия и др. предметы широкого спроса. «Трудовые боны» представляли собою настолько интересную бумагу, что ее охотно принимали и посторонние лица. В частности лавочки вывешивали об'явления об их готовности принимать боны. В Бирмингаме до 300 лавочников об'явили, что они будут принимать эти боны. Их принимали и в театрах. Трудовые «базары» стали извлекать значительные доходы от посредничества. Они начали издавать свои газеты, печатать регулярно отчеты. Для завершения всей операции предполагалось основать банки, которые регулировали бы обращение «трудовых денег» и производили бы обмен их на деньги металлические, но эта идея осуществлена не была *).

Все эти учреждения и весь этот «бум» продержался в Англии около 2—3 лет, и в 1834 году «базары» стали ликвидироваться. Едва-ли приходится об'яснять, почему эта идея потерпела крушение. Гораздо поразительнее то, что «базары» хотя и не долго существовали, но имели успех. В самом деле в основе лежала идея «справедливости». Всякий труд оценивался одинаково, по шести пенсов за 1 час. Но ясно, что на «вольном» рынке меновая пропорция не всегда была такова. А так как «базары» оуэнистов были ничтожными оазисами среди безбрежного моря вольного рынка, то естественно, что в «базарах» некоторые товары должны были залеживаться и на боны не всегда можно было получить то, что нужно. И в самом деле, «трудовые боны» скоро стали обесцениваться. Уже в конце 1833 г. их расценивали не в

*) Подробности см. у Holyoake The History of Cooperation 1906 vol I. Ст. VIII, а также A. Menger «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag». B. 1904, стр. 94 и сл.

6 пенсов за 1 час, а в $4^1/_2$ пенса за час. И надо думать, что поскольку «базары» некоторое время имели успех, то это происходило оттого, что во главе их стояли практики, которые идею «справедливости» в обмене осуществляли не очень строго. Иными словами, при приеме товаров и их оценке руководители базаров, вероятно, считались не столько с количеством труда, фактически затраченного на предмет или даже «общественно-необходимого», а с рыночной ценой. Если при приемке пары башмаков «базар» просто оценивал их предварительно в пенсах и затем за каждые 6 пенсов давал «1 час», то, разумеется, опасности обесценения трудовых бон становились меньше. Надо, кроме того, думать, что «базары» на практике делали известный выбор при приеме товаров и так или иначе отклоняли предметы, на которые не было постоянного спроса и менее интересные. Только при этих условиях можно понять, как, вообще, могли некоторое время обращаться эти «трудовые боны» в условиях денежного хозяйства.

Повидимому, независимо от идей Оуэна, аналогичную попытку сделал во Франции забытый социалист, марсельский адвокат, Мацель. Мацель в 1829 году основал вместе со своим братом в Марселе «банк обмена», имевший ту же задачу устранения денег и замены их непосредственным обменом. Банк, об'единявший до 50 тыс. рабочих семей, просуществовал несколько лет, имел отделения в разных городах Франции, Бельгии и Швейцарии и, видимо, развил даже более интенсивную деятельность, чем некоторые «базары» Оуэна *).

Возвратимся, однако, к истории идеи трудовых денег.

Своеобразную постановку денежной проблемы мы встречаем у Прудона. И для него центр социальной проблемы лежит не в области производства, а в области обмена. Почти в тех же выражениях, что и Джон Грэй, он пишет в марте 1848 года: «Не в организации труда нуждаемся мы в настоящий момент... То, в чем мы нуждаемся, то, что я об'являю именем рабочих, это взаимность, справедливость в обмене, это организация кредита» **).

Этот вывод, к которому Прудон приходит в 1848 г., когда ему пришлось давать ответ на практические вопросы, имеет свои корни в той предварительной критической работе, которую он про-

*) См. S. Engländer, Geschichte der franzosichen Arbeiter-Associationen. 4-er Th, Hamburg 1864. гл. LV.

**) Organisation du crédit et de circulation et solution du problème social (Oeuvr. compl. P. 1868. T. VI. Стр. 93).

делал в предыдущих трудах. Известно, что Прудон резко выступил против собственности, что уже в первой своей работе: Qu'est ce que la propriété, опубликованной в 1840 году, он бросил свою знаменитую формулу, затем повторяемую им на всяком шагу: La propriété c'est le vol («Собственность—это воровство»). Но одинаково отрицательно Прудон относился и к коммунизму. «Общность», говорит он в другом месте, «есть неравенство, но в смысле, обратном тому, в каком существует ныне неравенство в строе частной собственности. Собственность есть эксплоатация слабого сильным, а общность собственности есть эксплоатация сильного слабым» *). «Общность имуществ—есть религия нищеты» **).

Каков же должен быть новый мир, который хотел построить Прудон? В чем социальный идеал Прудона? Определенного ответа на это он, в сущности, не дает. Но из его своеобразного отношения к собственности и коммунизму этот идеал вырисовывается с известной ясностью. Как правильно замечает Рист, этот идеал заключается в уничтожении «не трудового дохода», который нарушает принцип взаимности услуг**). Желая уничтожить этот основной атрибут собственности, Прудон хотел бы сохранить самую собственность. В «декларации», которая предшествует нотариальному договору об учреждении «Народного Банка», Прудон клянется, что, «критикуя собственность или, лучше сказать, совокупность институтов, рычагом которых является собственность», он никогда не стремился «нападать на индивидуальные права, признанные предыдущими законами, оспаривать законность приобретенных имуществ, призывать к произвольному разделу имуществ или ставить препятствия свободному и правильному приобретению имущества путем продажи и обмена; ни даже запретить или упразднить путем изданного свыше декрета земельную ренту и прибыль на капитал» ***).

Итак, новый мир Прудона, это мир—построенный на взаимности, хозяйственный строй, при котором каждому должна быть гарантирована возможность реализировать продукт своего труда. План, который Прудон выдвигает для осуществления этого идеала, весьма

---

*) «Memoires sur la propriété» стр. 204, цитир. по Ристу «Прудон и социализм 1848 г.», гл. V, перев. на русск. яз. книги Ш. Жид.—«История экономических учений», М. 1915, стр. 174.

**) Там-же, стр. 174.

***) См. «Memoire sur la propriété» стр. 204. Цитир. по Ристу «Прудон и социализм 1848 г.», гл. V, перев. на русск. яз. книги Ш. Жид:—«История экономических учений», М. 1915, стр. 174.

****) Banque de Peuple, Oeuvr. Comp. т. VI, стр. 260.

прост. Для преобразования общества, думает Прудон, необходимо лишь устранить прибыль на капитал и процент, а это последнее может быть достигнуто путем организации дарового кредита. С этой целью Прудон в 1848 г. выдвигает идею учреждения «Банка Обмена (Banque d'échange). Основная задача банка заключается в устранении из оборота золота и металлических денег. Об'единяемые банком хозяйственные деятели, «купцы, ремесленники, предприниматели, промышленники, собственники, экономисты, юрисконсульты, профессора, писатели, артисты, рабочие...», являющиеся его членами, обязуются принимать выпускаемые банком «меновые билеты» (bons d'échange) купюрами в 20, 100, 500 и 1.000 франков. Все члены банка сдают ему для комиссионной продажи свои изделия, за которые банк платит указанными билетами. Эти билеты банк в любой момент оплачивает, но не металлом, который изгоняется из оборота, а теми разнообразными товарами, которые накопляются в его складах. В то же время банк оказывает своим членам даровой кредит под товары и будущие продукты. Таким образом, по выражению последователя Прудона А. Даримона, достигается то, что обмен становится «непосредственным, взаимным и даровым» *).

Прудон не ограничился одной лишь пропагандой идеи «Банка обмена», заменяющего деньги «меновыми бонами». 31 января 1849 года парижский нотариус Dessaignes зарегистрировал устав банка, представленный «гражданином Пьером Жозефом Прудоном, представителем народа, проживающим в Париже, улица Мазарин, 70», того самого банка, посредством которого его учредитель и расчитывал воздвигнуть «новый мир». В виде компромисса Прудон не только огласил приведенную выше декларацию о собственности, декларацию сомнительной искренности, но и решил собрать денежный капитал в 5 милл. франков путем подписки и установить начисление 2% за даваемый в кредит капитал. Но § 9 устава твердо устанавливал принцип банка, а именно, «что всякий сырой материал дан природой человеку даром; что в хозяйственном строе всякий продукт происходит от труда, и следовательно капитал непроизводителен; что всякая кредитная операция выливается в операцию обмена, а следовательно предоставление капитала и учет ценностей не может давать место наложению процента»... Банк, названный «Народным», Banque de Peuple собрал большое

*) См. предислов. А. Даримона к ст. Прудона «Banque d'échange» в т. VI цит. «Oeuvr. Compl.», стр. 142.

число подписчиков, до 12.000 человек, хотя сумма подписанного капитала достигла только 36.000 фр. Но, спустя 2 месяца после учреждения устава, Прудон был приговорен к 3 годам тюрьмы за статьи против Люи Бонапарта и он об'явил, что вынужден отказаться от организации банка.

Мы не станем останавливаться здесь на критике банкового проекта Прудона. Надо сказать, что ни из работ самого Прудона, ни из длинных интерпретаций его последователей, в сущности, нельзя себе уяснить, на чем могла быть основана вздорная мысль, будто путем организации учреждения, впоследствии получившего значительное распространение в форме «Общества взаимного кредита», можно в условиях капиталистического хозяйства «воздвигнуть новый мир», да еще такой прекрасный, который не будет иметь ни недостатков собственности, ни недостатков коммунизма. Нам важно было установить отношение Прудона к деньгам, отношение, которое нашло свое выражение в его проекте устранения металла и замены его «меновыми свидетельствами». Важно лишь отметить, что в проекте «меновых свидетельств» Прудона отсутствует идея твердой фиксации товарных цен. В его «Банке» существует контрольная комиссия оценщиков, но эти оценки не фиксируют цен принимаемых банком товаров, и цены эти устанавливаются рынком путем спроса и предложения. Разрешение социальной проблемы должно произойти «без максимума».

Переходим к Родбертусу.

Родбертус впервые выступил с идеей конституированной ценности и трудовых денег в 1842 году в работе: «Zur - Erkentniss unserer Staatswirtschaftlichen Zustande» за несколько лет до Прудона. На этом основании он оспаривал приоритет на эту идею. Более полное развитие эти взгляды Родбертуса нашли в его позднейших работах, в «социальных письмах» и, в особенности, в его «четвертом социальном письме к фон-Кирхману».

Выдвигая в качестве идеала общественного устройства «государственное хозяйство без собственности на землю и капитал», Родбертус рекомендует организацию «центрального учреждения», которое «соразмеряло бы национальное производство с национальными потребностями, держало бы национальный продукт на высоте производительных средств, регулировало бы распределение национального дохода» *). «Каким образом», спрашивает Родбертус,

*) См. «Капитал 4-е соц. письмо к фон-Кирхману», русск. пер. П. Давыдова, С.П.Б. 1906, стр. 8.

«должно поступать центральное учреждение, что бы распределять национальный доход сообразно принципам предположенного здесь правового порядка. Эти принципы, напомню, не «коммунистические», т. е. они не определяют, что индивидуальная доля должна быть независима от индивидуального труда и должна определяться только общественным произволом. Напротив, они определяют, что всякий имеет право собственности на полную ценность продукта своего индивидуального труда... В предположенном здесь общественном строе государственно-хозяйственное учреждение устанавливало бы принципы взаимного значения, как вообще продуктов по отношению друг к другу, так, следовательно, и продуктов по отношению к доходу. Именно, учреждение должно было бы определить, сколько ценности заключалось бы в продукте труда каждого по отношению ко всякому иному продукту труда и, следовательно, также и по отношению к готовым благам, составляющим доход, и затем на его попечении лежала бы забота о том, чтобы всякий получал в свое собственное распоряжение именно столько дохода *). «В состоянии ли выполнить это какое-либо учреждение?», спрашивает Родбертус, и на это отвечает: «Оно может достигнуть этого двумя мерами:

а) путем конституирования ценности всех продуктов,

б) путем создания денег, вполне соответствующих своей идее **).

Конституирование ценности, что на современном языке означает установление твёрдых цен, должно производиться, по мнению Родбертуса, сообразно сумме «непосредственного и посредственного труда, которого стоит продукт» (по формуле $m + \frac{n}{x}$, где m есть непосредственный труд, а $\frac{n}{x}$ — изнашивание орудия производства). Процесс конституирования ценности наталкивается на затруднения, проистекающие оттого, что труд бывает различного вида, различного качества, различной производительности. Это затруднение может легко быть устранено, как думает Родбертус, при помощи сведения всех этих различных видов труда к одной общей мере: «нормальному труду». В виду изменений, которые постоянно происходят в количествах труда, необходимого для производства того или

*) Там-же, стр. 89.
**) Там-же, стр. 89.

иного продукта, система конституированной ценности, естественно, предполагает «периодический пересмотр нормировок».

Переходим к последнему звену социалистической системы Родбертуса, к вопросу, который нас здесь главным образом занимает, а именно к организации денежной системы. Эта организация представляется Родбертусу в той форме, чтобы «государственно-хозяйственное учреждение выдавало бы каждому производителю свидетельство на такое количество доставленного нормального труда, сколько заключал бы в себе действительно произведенный им продукт, причем расчет производился бы сообразно только что изложенным принципам. Это свидетельство точно обозначало бы произведенную им ценность и, поэтому, могло бы также служить для пред'явителя свидетельством на получение такого же количества ценности. Пред'явив это свидетельство, он мог бы получить эту ценность в качестве вознаграждения за свой труд из общественных магазинов в любых благах, составляющих доход, подобно тому, как ныне получают блага за деньги из магазинов частных лиц. Эти нормальные трудовые свидетельства служили бы в этом общественном порядке средством обращения, насколько в нем была бы еще тогда нужда. Действительно, так как вся почва и весь капитал составляли бы общее состояние производителей, и, следовательно, также одно учреждение заведовало бы ими, то не было бы никакой нужды в средствах обращения для того, чтобы, напр., шерсть попала в руки прядильщику, другими словами, чтобы совершалось все движение капитала с одной производственной ступени к другой... Эти нормально-трудовые свидетельства служили бы лишь средством ликвидации для связанных разделением труда производителей... Они представляли бы собой самые совершенные деньги, какие только мыслимы. Деньги, которые, во-первых, были бы самой совершенной мерой ценности, так как каждое бумажное денежное свидетельство выражало бы также известное количество ценности в той самой мере, в какой была бы конституирована ценность, которые, во-вторых, давали бы абсолютную уверенность, так как они выпускались бы только тогда, когда, действительно, была бы в наличности указанная в них ценность; которые, в третьих, сами по себе представляли бы не что иное, как не имеющий никакой ценности клочек бумаги, который, однако, самым совершенным образом выполнял бы все условия денег» *).

*) Там же, стр. 98—99.

Мы рассмотрели ряд теорий, которые выдвигали в качестве основной причины социальных бедствий несправедливости обмена и считали средством устранения этих бедствий реорганизацию обмена и усовершенствование денежной системы. Подход их к проблеме денег был таков: они критиковали несовершенства денежного обращения в условиях капиталистического хозяйства и рекомендовали планы его преобразования. «Идеальные» деньги, нормально-трудовые деньги, вполне соответствующие конституированной ценности, деньги из бумаги с фиксированной ценностью должны заменить собою в будущем строе нынешние плохие металлические деньги. Круг их обращения будет более ограничен, если собственность на землю и капитал будет упразднена, но в пределах того оборота, где эти деньги будут иметь хождение, они будут исполнять все функции денег. Вместе с тем, они из орудия угнетения обратятся в орудие высшей справедливости *).

Чтобы понять подход к денежной проблеме того направления социалистической мысли, которое мы только что охарактеризовали, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Они различно представляли себе задачу и осуществление своих планов. Одни смотрели на систему «трудовых денег», как на окончательный идеал хозяйственного устройства, другие видели в ней переходную стадию. Одни предполагали упразднение прибыли и процента, другие считали, что совершенствование обмена может произойти и при существовании, по крайней мере, временной прибыли и нетрудовых доходов (взгляд Грэя, а также более ранний взгляд Родбертуса). При всем том у всех этих писателей была одна общая черта, черта, которая, по нашему мнению, и об'ясняет их принципиальное отношение к деньгам. Все они примыкают к тому направлению социалистической мысли, которое, усматривая корень социального зла в существовании эксплоатации и нетрудовых доходов, считает основной задачей общественного переустройства устранение этих последних. Их общественный идеал это — право каждого на полный продукт своего труда. Каждый работает в меру своего желания и получает компенсацию в меру своего труда. Разделение труда делает невозможным непосредственное присвоение каждым работником своего продукта. Он вынужден пускать его в обмен. Задача в том и заключается, чтобы этот обмен был спра-

*) Несколько иначе подошел к вопросу об устранении денег и безденежном обороте в новое время основатель Института Социальных Наук в Брюсселе Solvayes. См. его—«Le Comptabilisme social» Bruxelles. 1896.

ведливый, чтобы работник получал в других продуктах сумму, вполне эквивалентную своему труду. Для лучшего достижения этого идеала необходимо обобществить орудия и средства производства, перейти к социалистическому переустройству общества. Это необходимо сделать, но социалистическое переустройство должно служить лишь средством для осуществления высшего идеала справедливости, права каждого на полный продукт труда. Это переустройство должно помочь каждому реализовать в продукте свой труд.

Таков общественный идеал Родбертуса и его предшественников. Из права каждого на полный продукт труда проистекает и отношение этого направления к обмену и деньгам. Обмен должен остаться и в обществе будущего, ибо только обмен дает возможность реализовать ценность продукта соответственно с количеством проработанных нормально-трудовых дней. Каждый имеет право на такую часть общественного продукта, какая соответствует его работе. Прилежный должен получить больше, чем ленивый, способный и талантливый больше, чем плохой работник. Это и достигается обменом на основе конституированной ценности и «трудовыми деньгами». Деньги не могут быть устранены из общественного устройства, стремящегося осуществить право каждого на полный продукт его труда, ибо они то и должны реализовать продукт, они то и должны воплотить различие между прилежным и ленивым, способным и бездарным.

После всего сказанного должно быть ясно, почему тот подход к проблеме денег и их роли в социалистическом строе, который мы находим у Прудона и Родбертуса, был неприемлем для другого направления социалистической мысли, направления, представленного Марксом и Энгельсом. Социалистический идеал Маркса и Энгельса это—не право каждого на полный продукт своего труда, а такая организация хозяйства, при которой труд вообще обезличивается, становится общественным в чистом виде. Все работают по мере своих сил и по мере пред'являемого к ним со стороны общества требования и все получают из общей выработки часть по мере своих потребностей («от каждого по его способностям, каждому по его потребностям»). Не о каком «моем», «твоем» труде в социалистическом обществе не должно быть речи, как не может быть и речи о каком-то «праве» на ту или иную долю продукта со стороны работника. Это и есть тот «коммунистический» идеал (кавычки Родбертуса), который, как тонко отмечает последний, существенно отличается от его собствен-

ного, идеал, при котором «индивидуальная доля должна быть независима от индивидуального труда и должна определяться только общественным произволом» *).

Этот общественный идеал логически несовместим с понятием обмена. Продукты распределяются не в порядке «обмена», не в порядке возмещения и удовлетворения каких-то прав, а в порядке общественного распоряжения, считающегося с наличностью продуктов и степенью нужды того или иного индивидуума. Система премирования может быть применена, в особенности в переходный период, но не в порядке оплаты «справедливого» вознаграждения за прошлый труд, а в порядке поощрения будущего труда. Но деньги являются функцией обмена. Отсюда очевидно, что вместе с обменом из коммунистического хозяйства устраняются и деньги. Я не знаю, высказывает ли Маркс где-либо последнюю мысль с полной определенностью. Одно для меня несомненно, что такой вывод сквозит во всех его рассуждениях о деньгах в капиталистическом хозяйстве и логически вытекает из всей его системы.

Вот почему на тех десятках и сотнях страниц, на которых Маркс и Энгельс говорят о деньгах, Маркс в «Нищете Философии», «Zur Kritik», «Капитале», Энгельс в предисловии к «Нищете Философии» Маркса, их рассуждения ведутся совершенно не в той плоскости, в какой их ведет первое направление социалистической мысли. Проблема денег при коллективизме их не занимает, очевидно, потому, что, с их точки зрения, деньги в будущем обществе существовать не могут. Они рассматривают проблему денег с двух сторон. С одной стороны, они,—собственно только Маркс,—занимаются анализом проблемы денег в условиях капиталистического хозяйства, как теоретической проблемы, продолжая в этом отношении работы Юма, Рикардо, Тука, с другой стороны, они полемизируют с тем направлением социалистической мысли, которое считает деньги совместимыми с социализмом, и хочет разрешить социальный вопрос при помощи улучшения денежной системы. На этой почве развертывается двойная полемика: Маркса против Прудона (в «Нищете Философии» и, отчасти, в «Zur Kritik») и

*) Морис Бургэн («Соврем. социалистические системы и экономическое развитие», СПБ. 1906, стр. 122 и сл.), ссылаясь на одно из писем Маркса и некоторые цитаты из Энгельса, утверждает, что и они не были противниками распределения по принципу полного продукта труда, по крайней мере в первый период существования социалистического общества. Это толкование мне представляется неверным.

Энгельса против Родбертуса (в предисловии к «Нищете Философии»).

Мы не станем останавливаться на этой полемике.

Маркс и Энгельс критиковали систему Прудона и Родбертуса с точки зрения капиталистических отношений. Идеал Прудона и Родбертуса характеризуется ими, как мелкобуржуазный. Но идея «трудовых денег» не выдерживает критики и потому, что лежащее в их основе требование о праве на полный продукт труда само по себе логически не выдержано. Можно ли в самом деле установить, сколько должен получать сапожник за свой труд в продуктах труда печника; а профессор в продуктах труда дворника? Родбертус думает разрешить эту проблему при помощи «конституирования» ценности, установления всеобщей системы твердых цен, с которой мы теперь так хорошо знакомы. Может ли ценность быть «конституирована» с полной справедливостью, может ли труд различной формы, различного качества, различной интенсивности быть сведен к одному знаменателю? Родбертус думает, что это возможно при помощи сведения всех видов труда к «нормальному труду», но он совершенно не об'ясняет тех принципов, при помощи которых это сведение возможно. Между тем проблема сведения различных видов труда к «нормальному труду» является логически неразрешимой. Какой труд важнее, труд парикмахера или труд булочника, труд ученого или труд носильщика тяжестей? Сколько дней труда первых должны соответствовать 1 дню труда вторых? Это не трудно «конституировать», но конституирование не может не быть произвольным. Может даже случиться, что и парикмахер, и булочник, и ученый, и носильщик будут вполне удовлетворены теми пропорциями, которые «конституирующий» орган установит между их трудом, и, тем не менее, нельзя будет доказать, что это конституирование справедливо, что каждый в самом деле осуществил полное свое право на продукт свого труда. Поскольку существует разделение труда, и производитель реализует свой труд не в своих, а в чужих продуктах, индивидуальный труд неадэкватен вознаграждению за этот труд, и никакой орган не может этой проблемы разрешить. В капиталистическом хозяйстве, когда вознаграждение за труд определяется рынком и конкурренцией в порядке денежного обмена, рабочий ощущает себя ограбленным со стороны предпринимателя. В обществе с конституированной ценностью, выдвигающем принцип права на полный продукт труда, каждый работник будет себя считать ограбленным своим соседом.

Если, напр., установить («конституировать»), что труд университетского профессора относится к труду университетского швейцара, как 2:1, то оба будут обижены и оба будут иметь логически совершенно одинаковые основания, ибо их труд логически несравним, а потому установленная пропорция 2 : 1 не может не быть произвольной. Проблема «нормального труда» неразрешима, а вместе с тем неразрешима и проблема конституированной ценности и проблема «нормально-трудовых» денег, как средства осуществления социальной справедливости. Но в то же время нельзя не отметить, что последовательно произведенный принцип права на полный продукт труда при существовании «нормально-трудовых» денег скоро привел бы к социальному неравенству. Самые небольшие различия в оценке труда, различие затрат, сосредоточение средств в руках отдельных семей в результате наследования скоро привели к сосредоточению больших запасов потребительных благ в отдельных руках. Накопление, может быть, было бы не столь стремительным, как при хозяйстве с частной собственностью на капитал, но и без непосредственной эксплоатации, при «эксплоатации», проистекающей от пропорции в системе конструирования ценности, дворцы, автомобили, бриллианты и т. д. скоро сосредоточились бы в руках избранных, а на долю большой массы населения остались бы койки и пешее хождение. Надо ли говорить, что даже «идеальные деньги» при этой системе только облегчили бы процесс аккумуляции капиталов. Под видом «предметов потребления» богатые люди при помощи «идеальных денег» сосредоточили бы у себя постепенно и средства производства. При существовании денег и свободном обмене эксплоатация нашла бы лазейку через «конституированную ценность».

Итак, мы приходим к выводу, что из двух направлений в социализме совместимость денег с новым общественным устройством признает то, для которого задача социализма заключается в устранении эксплоатации, в осуществлении права каждого на полный продукт труда. Другое направление, направление чисто коммунистическое, понимающее распределение в новом строе не в форме предоставления каждому его продукта, а исходящее из принципа работы по мере сил и удовлетворения по мере потребностей, не видит в социалистическом устройстве элементов обмена, а вместе с тем и базиса для существования денег. Поскольку нам представляется социализм логически мыслимым только во второй коммунистической форме, мы должны признать, что с о ц и а л и с т и ч е-

ским устройством существование денег несовместимо.

II.

Здесь возникает тогда другой вопрос. Известно, что деньги исполняют в капиталистическом хозяйстве ряд общественных функций. Деньги, как общественное явление, возникли не случайно, а в результате глубоких причин, глубоких потребностей. Можно ли считать, что в социалистическом обществе не должно быть тех задач, которые разрешали деньги в обществе капиталистическом? Только в этом случае «проблема денег в социализме» разрешается утверждением, что деньги социалистическому обществу не нужны. Если же допустить обратное, а именно, что и в социалистическом обществе будут существовать те задачи, которые разрешались деньгами в обществе капиталистическом, то, естественно, возникает вопрос: что же заменит деньги в социалистическом обществе? Как будут разрешаться те проблемы, которые в капиталистическом аппарате разрешались деньгами?

Эта проблема в социалистической литературе, насколько известно, не подвергалась серьезной и всесторонней разработке. Между тем, как видно будет из дальнейшего, она имеет большое практическое значение и требует решительного ответа. Чтобы подойти к ее разрешению, надо проследить ту эволюцию, которую должны проделать различные функции денег. Если исходить из традиционной классификации, функции денег в капиталистическом хозяйстве распадаются на 4 группы. Деньги являются орудием обмена, мерилом ценности, средством накопления и средством погашения отсроченных платежей. Надо признать, что из этих 4 функций три должны отпасть в социалистическом обществе, и в этом, быть может, лежит причина того, что самое устранение денег представлялось старым писателям социалистического направления несложной задачей. В самом деле, в социалистическом государстве не нужно «орудия обмена», ибо в нем, вообще, не должно быть обмена. Распределение продуктов осуществляется в коммунистическом обществе не в процессе обмена, а путем выражения общественной воли. Каждый должен получить из общественных магазинов долю, соответствующую его потребностям. Он должен получить ее конкретно в тех именно продуктах, которые нужны для удовлетворения его потребности. Кто любит получше одеваться и может удовлетвориться менее обильной пищей, тот должен получить соответственно больше

предметов одежды и соответственно меньше предметов питания, а тот, кто по своему физическому состоянию нуждается в более усиленном питании, но не привык обращать слишком большого внимания на свой туалет, тот должен получить соответственно большую долю пищевых продуктов и соответственно меньше одежды. Кто имеет склонность к занятию науками и к чтению книг, тот должен получать печатные издания, а кто обладает музыкальным вкусом и способностями, тот должен получить рояль и др. музыкальные инструменты. Если же в ком-либо счастливо сочетаются и музыкальные вкусы, и любовь к философствованию, и вкус к изящной одежде, если он в то же время по состоянию здоровья нуждается в лучшем питании, то общество должно дать ему удовлетворение во всех этих областях, если даже материальная ценность всех этих продуктов будет во много раз превышать получку среднего простака, лишенного всех этих вкусов и потребностей. Этому последнему общество может лишь предложить повышать и развивать свои вкусы, дабы этим путем приобрести право на соответствующие блага. Этот порядок распределения не оставляет места для обмена. Правда, предметы потребления и в коммунистическом обществе составляют индивидуальную собственность. Вещью, полученной из общественного магазина, ее обладатель может располагать совершенно свободно. Он может ее обменять на другую вещь, полученную другим членом общества. Нетрудно, однако, видеть, что при правильном функционировании распределительного аппарата в таком обмене никакой нужды быть не должно. Только при общем недостатке продуктов и при неналаженности аппарата, словом, в переходный период, может случиться, что одни получают слишком много одних продуктов, а другие слишком много других, и люди вынуждены менять селедки на муку. При налаженности распределительного аппарата, при правильном применении коммунистических принципов распределения, такие неправильности должны быть исключением, а если кто-либо по той или иной причине получил не тот продукт, который ему нужен, то замену его другим может осуществлять общественный магазин точно так же, как в капиталистическом строе частный магазин нередко меняет своему покупателю одну вещь на другую, если покупатель неудачно определил свою потребность или свой выбор. При таких условиях обмен в развитом коммунистическом хозяйстве может сохраниться лишь в форме случайной мены, не имеющей экономического значения. Деньги, как орудие обмена, в этом обществе не нужны. В то же время, в социалистическом

строе не может, повидимому, проявляться и другая функция, выполняемая ими в обществе капиталистическом, функция накопления. Ибо никакое накопление, выходящее за пределы непосредственных потребностей, в социалистическом обществе не может иметь места. Только социализм Родбертуса, допускающий накопление «честно заработанного» продукта, может с этой целью сохранять деньги. С коммунистическим же обществом накопление стоит в полном противоречии. Такое общество не может мириться ни с одним из стимулов накопления. Поскольку этот стимул лежит в приобретении богатства, как средства власти над людьми, он, разумеется, явно противоречит идее экономического равенства. Но и постольку, поскольку стимул накопления хозяйствующих людей является стремлением обеспечить себя, на случай инвалидности и старости, или обеспечить свое потомство, этот стимул противоречит социалистическому устройству, в котором социальное обеспечение заменяет собою индивидуальную страховку от старости и инвалидности, а общественное воспитание заботу о детях.

Еще меньше можно говорить в коммунистическом обществе о деньгах, как средстве погашения отсроченных платежей. И в самом деле, основа кредита заключается в переносе капиталов из одного предприятия в другое. Общество без права частной собственности на землю и капитал не имеет базы для развития кредита и долговых отношений. В социалистическом обществе мыслим чисто «потребительский» кредит, разумеется, без процентов, для которых источника не существует, но этот потребительский кредит вполне может осуществляться в натуральной, продуктивной форме и нисколько не нуждается в деньгах, как абстракции.

Совершенно не так обстоит дело с четвертой функцией денег, с их ролью «мерила ценности», орудия оценки. Эта роль, про которую очень много и интересно говорит Маркс, когда он анализирует функции денег в капиталистическом обществе, упускается из вида, когда думают об обществе, в котором денег не нужно. Является ли «измерительная» функция денег такой же, как и «обменная» и «сберегательная» функция, чем то, вызываемым только капиталистическим хозяйством, отпадающим вместе с этим последним? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Задача измерения ценности, та задача, которую выполняют в капиталистическом обществе деньги, должна стоять и в обществе социалистическом. Отказываясь от денег, социалистическое государство должно поду-

мать о том, как будут исполняться в нем работы по измерению ценностей, чем будут в этом смысле возмещены в нем деньги.

Мы не сказали бы, что измерительная задача стоит перед социалистическим обществом во всем том ее об'еме, в котором она осуществляется в обществе капиталистическом. Ибо измерительная функция денег сама по себе разлагается на ряд элементов, из которых не все могут иметь отношение к социалистическому строю.

Мы имеем в виду то обстоятельство, что измерительная функция денег осуществляется в капиталистическом обществе как в процессе обмена, так и в процессе производства и процессе потребления. В процессе обмена измерительная функция денег выражается в том, что хозяйствующий суб'ект оценивает в деньгах как продаваемый, так и покупаемый товар. Эта оценка предшествует обмену и служит основой меновой пропорции. В процессе производства измерительная функция денег выражается в том, что хозяйствующий суб'ект сводит все конкретные виды капитала, которыми он располагает, к одному «всеобщему товару»—к деньгам, измеряет в денежной единице все эти разрозненные элементы и, на основании этого процесса измерения, учитывает результаты своего хозяйствования, определяет, в какой мере она работает, с прибылью или убытком, и в каком направлении он должен вести свое дело в дальнейшем. Наконец, в сфере потребления измерительная функция денег проявляется в том, что рынок путем понижения цены одного товара и повышения цены другого указывает, какой товар произведен с избытком и какой в недостаточном количестве, чем и намечается путь для более правильного определения общественных потребностей.

Из трех проявлений измерительной функции денег, которые мы наметили, первое, действительно, отпадает в социалистическом хозяйстве. Для измерительной функции денег, как функции, предшествующей обмену, не остается места ни в отношениях между отдельными людьми, ни в построении государственного хозяйства. Отдельные хозяйствующие люди, поскольку вообще можно назвать члена коммунистического общества хозяйствующим лицом в широком смысле этого слова (ибо здесь хозяйствует не отдельное лицо, а коллектив), не нуждаются в мериле ценности при обмене, ибо обмен, как мы показали выше, вообще, не должен играть никакой роли в их хозяйственной деятельности. Не нуждается в мериле ценности для соответствующей цели и государственное хозяйство. Так как государство не ставит себе задачей, чтобы каждый работник полу-

чал «свой» продукт, так как оно не меняет труд на продукты, а распределяет последние в ином совершенно порядке, то и ему нет никакой надобности для этой цели оценивать, измерять путем какого-либо мерила получаемый им от индивидуума труд или выдаваемые им продукты. Но за то два других проявления измерительной функции денег—проявление ее в процессе производства и проявление ее в процессе потребления—не отпадают с переходом к социалистическому устройству. Ибо ясно, что социалистическое хозяйство должно иметь свой аппарат для выявления потребностей и оно должно иметь аппарат для учета результатов производства.

Из этих двух последних проблем, проблемы учета потребностей и проблемы учета результатов производства, только первая, т. е. проблема учета потребностей, как мы покажем дальше, проблема менее сложная, находит некоторое отражение в цитированной выше социалистической литературе. Мы имеем в виду полемику Энгельса с Родбертусом.

Полемизируя с «глупостями утопии трудовых денег», выдвинутой Родбертусом, Энгельс говорит следующее:

«В совершенном капиталистическом обществе каждый индустриальный капиталист производит на свой страх, что, как и сколько он хочет. Общественная потребность остается для него неизвестной величиной как в отношении качества и сорта потребных предметов, так и в отношении их количества. То, что сегодня не может быть доставлено с нужной быстротой, может завтра быть предложено в количествах, далеко превосходящих потребность. Несмотря на это, в конечном счете потребности, так или иначе, плохо или хорошо, бывают удовлетворены, и производство в конце концов в общем и целом направляется на те предметы, которые необходимы. Каким образом достигается разрешение этого противоречия? При помощи конкурренции. Каким образом конкурренция осуществляет это? Просто тем, что она понижает ценность товаров, не нужных для немедленной общественной потребности, по их количеству или по их роду ниже их трудовой ценности, и этим окольным путем дает почувствовать производителям, что они произвели или вообще ненужные товары или хотя сами по себе и нужные, но в чрезмерном количестве... Осуществляя в рамках общества обменивающихся производителей товаров закон ценности товарного производства, конкурренция вместе с тем осуществляет единственно возможные в данных условиях организацию и порядок общественного производства. Только в результате понижения или

повышения ценности продуктов отдельные производители товаров узнают, что и сколько общество желает или не желает из них брать, но как раз *этот единственный регулятор* (курсив наш) — утопия, защищаемая Родбертусом, желает устранить. И если мы тогда спрашиваем, какая же у нас гарантия, что будет выработано нужное количество каждого продукта, а не больше, что мы не будем голодать от недостатка ржи и мяса, задыхаясь от избытков свекловичного сахара и перепиваясь картофельным спиртом, что мы не будем иметь недостаточно штанов, чтобы прикрыть нашу наготу, в то время, когда пуговицы для штанов будут кишеть миллионами,—тогда Родбертус с триумфом указывает нам на свой замечательный расчет, по которому для каждого лишнего фунта сахара, для каждой непроданной бочки спирта, для каждой непришитой к штанам пуговицы была выставлена правильная квитанция, расчет, который точно «сходится», по которому «все требования удовлетворены и ликвидация проведена верно». А кто не верит, тот пусть обратится к Regierungs Hauptkassen Rentamts-kalculator X. в Померании, который проверил расчет и нашел его правильным, и который, как никогда еще не уличенный в неправильности при ведении кассы, заслуживает безусловного доверия *).

По поводу этого рассуждения Энгельса необходимо заметить следующее. Несомненно верно, что в условиях товарного производства цены являются единственным регулятором производства, единственным средством для выявления общественной потребности. Колебание цен есть необходимая предпосылка для действия этого регулятора. Там, где цена «конституируется», устанавливается высшим органом власти, изменения цен не отражают изменений спроса и перестают быть регулятором. Деньги в качестве измерителя ценности не исполняют в этих условиях своей функции согласования предположения со спросом, производства с потреблением. Но дело в том, что вопрос о «регуляторе» встает не только по отношению к той организации общества на основе «конституированной» ценности, которая выдвинута в «утопии» Родбертуса. Ведь, тот же вопрос встает и по отношению к любой форме социалистического хозяйства и, в частности, к той форме коммунизма, которую имел в виду Энгельс. Если там, где действует «конституированная» ценность, денежная цена не есть регулятор производ-

*) Marx «Das Elend der Philosophie 3-tte Aufl. St. 1895. Vorwort. von. Fr. Engels, стр XVI—XVIII.

ства и не дает возможности судить о спросе, то тем менее ценность может служить таким регулятором в обществе, где, вообще, не должно быть ни обмена, ни цен, ни денег. Вопрос о регуляторе, который Энгельс ставит Родбертусу, в одинаковой степени относится и к нему самому.

Между тем, как раз по адресу Родбертуса упрек, выдвинутый Энгельсом, был несправедлив. Ибо еще годом раньше, чем было написано цитированное выше предисловие Энгельса к «Нищете Философии» (помеченное октябрем 1884 г.), опубликовано было (в конце 1883 г.) «4-ое социальное письмо» Родбертуса, в котором указанный вопрос об учете потребностей поставлен и разрешен в том смысле, в каком, очевидно, пришлось бы разрешить его и Энгельсу. Сохраняя «конституированную» ценность, обмен и деньги, Родбертус вовсе не собирается возложить на них по-прежнему работу «регулятора» в вышеуказанном смысле, функцию измерения ценности для выявления потребности. Выявление потребностей Родбертус предполагает производить в другом порядке. Порядок этот весьма простой и хорошо нам знакомый.

То «общественное учреждение», которое регулирует все хозяйство, должно «привести в известность» национальные потребности. «Как оно может это выполнить»?, спрашивает Родбертус. «Какие потребности следует удовлетворять, так как число как общественных, так и индивидуальных потребностей бесконечно? Посмотрим. Существуют общественные потребности (государственная потребность), к удовлетворению которых индивидуумы принуждаются обществом, и частные, удовлетворение которых оно предоставляет каждому. Национальная экономия вообще может не приводить в известность первые, они определяются общественной волей... Таким образом, дело идет только о той возможности, какая имеется для нее в этом строе в большей степени для выяснения индивидуальных потребностей. В чем заключается, в сущности, трудность выяснения частных потребностей? Не столько в том, какими потребностями обладают индивидуумы и чем должно их удовлетворить. В общем, потребности образуют у каждого человека—об этом заботятся человеческая природа и мода—одинаковый ряд, и можно также считать за известное, какие и сколько необходимо средств удовлетворения для отдельных потребностей. Трудность заключается в выяснении того, насколько ряд потребностей каждого отдельного человека должен быть удовлетворен наличными средствами, следовательно, она заклю-

чается в сравнении производительной силы нации и доли каждого в ней с его подлежащими удовлетворению потребностями».

Разрешая эту последнюю задачу определения производительной силы нации при помощи всеобщего учета различного рода труда, сведенного к «нормальному труду», Родбертус следующим образом предполагает разрешить проблему согласования производства с потребностями. «Если, таким образом, приведена в известность национальная потребность, то соответствующее ей ведение национального производства не может быть затруднительным. Центральное учреждение, знающее всю сумму национального труда и обязанное само распоряжаться совокупным национальным капиталом, должно только, сообразно приведенным в известность потребностям, организовать отдельные производства и затем распределить в них труд и капитал нации. Для этого необходимы только соответствующие с его стороны распоряжения. Для того, чтобы... удержать национальный продукт на высоте наличных производительных средств, центральное учреждение должно было бы только направлять всякий наличный труд, согласно выраженным в труде же потребностям и производствам, в эти последние и организовать их в самых удобных для этого местах и вести при помощи самых подходящих средств».

Нельзя не признать, что схема Родбертуса, по которой построены центральные органы регулирования хозяйства в Советской России, является логически единственно мыслимой схемой согласования производства и потребления в социалистическом государстве. То, чего опасался Энгельс, изобилие брючных пуговиц при недостатке штанов, здесь вовсе не должно иметь места, хотя оно, разумеется, может иметь место при плохом функционировании аппарата. Измерительная функция денег заменяется здесь, и, в общем, с успехом, всеобщим учетом потребностей и всеобщим распределением труда и капитала.

Одно лишь надо иметь в виду. Родбертус слишком упрощает проблему, утверждая, что потребности образуют у каждого человека одинаковый ряд. Как ни велико значение в этом смысле «человеческой природы и моды», все же потребности разных групп людей крайне разнообразны и сильно меняются с течением времени. Учет потребностей должен принимать во внимание разнообразие и изменчивость вкусов и интересов. С точки зрения чисто хозяйственной, для регулирующего органа было бы наиболее удобным считать потребности стационарными в качественном отношении. Это избавляло бы хозяйство от потерь, неизбежно свя-

занных с переходом от изготовления одних предметов к изготовлению других. В условиях товарного производства публика легко имеет возможность, путем сокращения спроса и вызываемого им понижения цен, дать знать предпринимателям об изменении своих вкусов и потребностей и заставить их считаться с этим фактом. Публика легко дает знать предпринимателям, что она склонна перейти от карусели к кинематографу или от кинематографа к театру-варьете. По схеме Родбертуса, ныне осуществляемой в России, есть опасность давления хозяйствующих органов на вкусы, главным образом, в смысле их упрощения и стабилизации. Хозяйственный орган, сам по себе, заинтересован в этой стабилизации, как облегчающей его работу. Кормить все население простейшей пищей, одеть всех в одинаковую форму, питать всех одинаковыми зрелищами было бы наиболее экономно с точки зрения хозяйствующих органов, и увлечение такой политикой с их стороны весьма естественно. А между тем капиталистический строй показывает нам, как сильно могут действовать предприниматели на вкусы потребителей, и как часто это действие имеет вредный характер и понижает культурный уровень масс. Не ново в этом отношении, что мода, разрабатываемая предпринимателями, является одним из способов давления на вкусы и на спрос. Массовое производство суррогатов, предметов худшего качества немало содействовало понижению вкусов в наше время. Но в условиях свободного рынка человек имеет хотя бы некоторую возможность заявить свой протест против насилия производителей в этом отношении, путем сокращения спроса. В условиях централизации предложения это давление на потребности легко может принять еще более резкие формы. Между тем постоянство вкусов и потребностей представляет собою худший вид культурного застоя, и такое постоянство может служить опаснейшим тормозом для прогресса. Вот почему проблема учета потребностей не решается так просто, как это думал Родбертус. Вкусам и склонностям должен быть дан какой-либо выход. В социалистическом обществе должны быть выработаны более сложные методы изучения и учета этих вкусов при условии отсутствия давления и предоставления им свободного проявления. Должно быть гарантировано развитие этих вкусов и потребностей, удовлетворение новых и новых физических и умственных запросов человека. Возможно, что эта задача не может быть разрешаема одними лишь хозяйствующими органами. Возможно, что на помощь экономике здесь должны быть привлечены психология, искусство, медицина

и другие отрасли знания, которые помогали бы выявлять истинные потребности человека в каждый данный момент и запросы, вытекающие из его естественного развития. Возможно, что здесь встают широкие задачи перед статистикой, которая должна выработать правильные методы опроса и учета потребностей во всем их многообразии. Словом, проблема не так легка, как это думал Родбертус. И, тем не менее, надо признать, что его схема разрешает тот вопрос о регуляторе, который поставлен Энгельсом. Ибо можно спорить о методах более совершенного учета потребностей, но раз потребности более или менее точно учтены, а абсолютно точный учет не достигается и при помощи цены, то и согласование их с производством достигается на основании схемы, выдвинутой Родбертусом.

В этом смысле мы и приходим к выводу, что учет потребностей может компенсировать в социалистическом государстве отсутствие денег в качестве мерила ценности в сфере потребления.

III.

Переходим к третьей форме, в которой проявляется измерительная функция денег, к проявлению ее в области производства. В товарном хозяйстве деньги служат средством для учета результатов производства. Отдельные предприятия стремятся извлечь возможно большую прибыль. Недостаточная прибыль или, тем более, убыток служит для предпринимателя основанием к тому, чтобы извлечь свой капитал из данного предприятия и перенести его в другое. Таким путем регулируется передвижение капиталов из одного предприятия в другое, из одной отрасли в другую, из одного района в другой, из одной страны в другую. Нецелесообразное хозяйство уступает место более целесообразному, невыгодное—выгодному. Так, в результате тенденции нормы прибыли к некоторому равенству стихийный процесс приложения труда и капитала находит более или менее правильное направление. Но как выявляется результат хозяйствования, прибыльность или убыточность предприятия? Оно находит свое выражение в денежной единице. Прилагая сюда выражение Энгельса, мы бы сказали, что деньги являются единственным регулятором целесообразного приложения труда и капитала в товарном хозяйстве. В самом деле, каждый фабрикант начинает хозяйственный период, свой «отчетный» год с известным запасом самых разнообразных элементов производства и кончает его с запа-

сом тех же или иных элементов. Учесть результаты он может, лишь сведя все эти элементы к какой-нибудь общей единице, каковой в товарном хозяйстве и является денежная единица. Фабрикант-прядильщик, допустим, имел к началу года 10.000 пудов хлопка, пять цистерн нефти, три фабричных корпуса, сто тысяч веретен и т. д., а к концу года 2.000 пудов хлопка, 3 цистерны нефти, три фабричных корпуса, 120 тысяч веретен, 1.000 пуд. пряжи и т. д. Как решает он вопрос о результатах годичной работы? Он имеет теперь больше веретен, но меньше хлопка, больше пряжи, но меньше нефти и т. д. Что перевешивает: прибавление одних предметов или убыль других? Этот вопрос решается путем оценки всех, без исключения, элементов капитала, всех товаров, в одном товаре, деньгах. Эта операция и дает возможность судить о результате деятельности предприятия, а вместе с тем и о дальнейших задачах предприятия.

Переход к социалистическому хозяйству, предполагающий устранение цен и денег, как мерила ценности, как всеобщего товара, разумеется, делает невозможным учет результатов производства в деньгах. Можно ли, однако, вести какое-либо хозяйство, индивидуалистическое или коллективистическое без учета его результатов? На этот вопрос нельзя не ответить отрицательно. Социалистическое хозяйство в такой же мере нуждается в учете результатов хозяйствования, как и капиталистическое. Социалистическое государство обладает известным запасом труда и капитала. Руководствуясь хозяйственным принципом, одинаково обязательным для всякого хозяйствования, оно должно с этим запасом получить максимум продуктов, удовлетворить максимум потребностей.

Кроме того труд и капитал, которым располагает нация в каждый данный момент, есть тот резерв, который обеспечивает жизнь не только данного поколения, но и поколений грядущих. Заботясь об удовлетворении текущих потребностей, социалистическое государство должно, вместе с тем, заботиться и о сохранении и умножении запасов орудий и средств производства, а также и рабочей силы. При централизованном хозяйстве нетрудно добиться временного эффекта в смысле удовлетворения текущих потребностей за счет истощения рессурсов национального капитала и труда. Можно увлечься и другой крайностью: направить слишком большое количество наличных запасов труда и капитала на увеличение орудий и средств производства, ограничивая снабжение наличного населения средствами потребления. Словом, социалистическое госу-

дарство должно правильно распределить наличные запасы труда и капитала между двумя общественными потребностями: между производством средств производства и производством средств потребления. Все эти вопросы в условиях капиталистического хозяйства разрешаются—плохо или хорошо, это—вопрос другой—в порядке конкурренции между предпринимателями, базирующимися на денежном учете. В государстве социалистическом этот денежный учет должен так или иначе быть компенсирован.

Говоря конкретно, в области распределения труда и капитала стоят следующие задачи. Раньше всего весь наличный запас труда и капитала должен быть определенным образом распределен между производством предметов потребления и производством средств производства. Речь идет в данном случае не о воспроизводстве того сырья и тех орудий труда, которые затрачиваются в течение известного периода, но и о целесообразном их приумножении. Нормально прогрессирующее государство, население которого из года в год возрастает, должно приумножать те орудия производства, которые обслуживают его труд. Но так как конкретные виды машин и других орудий меняются, то перед социалистическим хозяйством стоит задача оценки и сопоставления всего своего наличного капитала к началу и концу того или иного производственного периода. Только на базисе такой оценки государство может решить, увеличился ли или уменьшился весь общественный капитал за истекший период, следует ли в дальнейшем изменить пропорцию между производством средств производства и производством средств потребления, или оставить ее в прежнем виде, увеличить ли процент удовлетворения имеющихся потребностей или его уменьшить.

Задача правильного распределения труда и капитала между производством средств производства и производством средств потребления является предварительной задачей в области направления труда и капитала. Когда эта задача так или иначе решена, и общество определило, какие доли труда, орудий и средств производства должны быть направлены в ту или иную область, тогда встает второй вопрос, а именно вопрос о точке приложения труда и капитала. Во-первых, труд и капитал должны быть правильно распределены между различными районами страны. Россия, напр., должна решить, какая часть ее наличного труда и капитала должна быть приложена в центре страны, какая направлена на окраины, какая на Урал, какая на Сибирь, какая на

Туркестан. Во-вторых, капитал и труд должны быть распределены известным образом между отдельными отраслями хозяйства, между сельским хозяйством и индустрией, между отдельными видами индустрии. В-третьих, капитал и труд должны быть распределены в известном отношении между отдельными типами предприятий. Вопрос о преимуществах крупной или мелкой формы предприятий далеко не решен в пределах капиталистического хозяйства. Не только в сельском хозяйстве, но и в индустрии рынок указывает известные пределы, за которыми централизация делается нерациональной. В условиях социалистического государства вопрос о размерах предприятий должен быть поставлен, конечно, иначе, чем в капиталистическом, и здесь он требует своего решения. Наконец, поскольку социалистическое государство не является изолированным и находится в торговых отношениях с другими странами, вопрос о распределении труда и капитала соприкасается с общим вопросом о внешней торговой политике, ибо страна должна решить, какие продукты она будет вырабатывать у себя и какие получать из заграницы при помощи товарообмена. В переходный момент, немедленно после перехода от денежного хозяйства к социализму, трудность этих вопросов может не ощущаться, ибо государство может некоторое время руководствоваться опытом, основанным на прошлом денежном учете. Но положение изменяется. С ростом населения, с изменением техники и т. д. должно происходить и изменение в группировке труда и капитала. Старые критерии не могут долго служить, и социалистическое хозяйство должно иметь свои методы распределения труда и капитала. Все это делает совершенно необходимым замену измерительной функции денег в социалистическом хозяйстве чем-нибудь иным, выработку новой системы учета результатов производства взамен учета денежного.

Не трудно видеть, к каким тяжелым последствиям может повести в этом отношении отсутствие учета. Достаточно остановиться на одной из упомянутых группировок, на распределении капитала по районам. Известно, напр., что наш Туркестан при затрате на орошение известного капитала может удовлетворить всю потребность русской текстильной промышленности в хлопке, а при большей затрате он может даже дать излишек для вывоза. Это было хорошо известно и в России и заграницей уже, по крайней мере, в течение 30—40 лет. Тем не менее, хлопководство в Туркестане развивалось постепенно, осуществление планов искусственного орошения откладывалось, Россия пополняла свою потребность в хлопке

привозом его из Америки, а капитал шел в другие отрасли, на развитие той же текстильной промышленности, на расширение угольной и железной промышленности юга и т. д. Можно ли отрицать, что это в общем и целом было целесообразно, что помещение громадных капиталов в туркестанское орошение 20 лет тому назад в ущерб другим отраслям было бы губительно для русского хозяйства? Но чем было достигнуто это целесообразное распределение капитала и труда? Конечно, денежным учетом, который нерациональность затрат на орошение в то время проявлял убытками в денежной форме, убытками, которые терпели слишком поспешные «пионеры». Без такого учета можно было бы уже десятки лет затрачивать громадные капиталы на это дело без того, чтобы указанная ошибка была обнаружена. Потребности населения удовлетворялись бы и при этом условии, но удовлетворялись бы в пониженном размере. Общая сумма труда и капитала не дала бы максимума результата.

В сущности нет такого хозяйственного акта, рациональность которого не могла бы быть подвергнута сомнению при отсутствии учета. Возьмем, напр., пару фактов из современной действительности. Вот лозунг: «все на транспорт». Казалось бы, что это— такое положение, которое при настоящих условиях является бесспорным. Россия крайне нуждается в паровозах. От транспорта зависит снабжение населения продовольствием и т. д. Все, как будто, совершенно ясно и бесспорно. А, между тем, и здесь возможно сомнение. Быть может, если бы были подсчитаны и сведены к одной единице все усилия, затраченные на ремонт паровозов, если бы они были сопоставлены с усилиями и затратами на производство известного количества пшеницы, льна или заготовку леса, то в данных условиях вовсе оказалось бы выгоднее вместо ремонта паровозов заняться производством добавочного количества пшеницы, льна или леса и выменивать у англичан эти добавочные количества на паровозы. Вот другой пример: постройка Шатурской электрической станции. Достижение это само по себе велико. Но поскольку в настоящих условиях нет подсчета затрат на это сооружение, нет оценки той доли национального труда и капитала, которые затрачены на это сооружение, мы не в состоянии сказать, что постройка Шатурской станции была действительно целесообразна с народно-хозяйственной точки зрения, а не представляет собою лишь достижение техническое, и что не было бы выгоднее затраченные на это дело труд и капитал употребить на другое предприятие.

Было бы, разумеется, неправильно думать, будто тот учет, который существует в капиталистическом хозяйстве, учет денежный, является там единственным и в то же время совершенным средством рационального построения хозяйства, правильного распределения труда и капитала. Хорошо известно, что и в капиталистическом обществе существует вмешательство государства в хозяйственные отношения. Правительство ведет здесь свою экономическую политику, стремится регулировать хозяйство, направить труд и капитал не туда, куда их влечет естественное движение цен, а в другие отрасли. Государство «покровительствует промышленности», т. е. отвлекает труд и капитал из сельского хозяйства в индустрию, оно покровительствует отдельным отраслям индустрии, отдельным районам. В этом смысле денежный учет является здесь не всегда безраздельным регулятором. В результате, хозяйственная политика оказывается иногда правильной, а иногда неправильной. Здесь многое, слишком многое зависит от случая, от того, насколько предугадано будущее. Оказываясь в одних случаях весьма невинным, это вмешательство, поскольку оно стремится распределить труд и капитал не так, как это предуказывается свободным рынком, имеет иногда неисчислимые последствия: оно приводит то к расцвету государства и народного труда, то к полному его упадку.

Но и там, где денежный учет действует безраздельно, там, где движение капитала и труда предуказуется только рынком, т. е. ценами и денежной оценкой, там также аппарат работает далеко не всегда точно. Напротив, капиталистическое хозяйство изобилует ошибками в расчетах. Сплошь и рядом новое предприятие, новая отрасль или новый район в первые годы дают прибыль, производят обманчивое впечатление расцвета, чтобы затем вылетать в трубу. Нерациональное распределение труда и капитала и является главной причиной капиталистических кризисов. Целесообразность в этом распределении нередко достигается в результате основательных потрясений, достигается, словом, дорогой ценой.

Из всех этих недостатков денежного учета, конечно, отнюдь не может вытекать сомнение в необходимости учета вообще. Плохой учет и вызываемые им кризисы есть, в сущности, один из главных хозяйственных аргументов против капитализма, которым, как известно, сильно пользуется антикапиталистическое направление мысли.

Это тем более делает необходимым для социалистического государства поставить и правильно разрешить проблему учета хозяйственных результатов производства, заменить в этом смысле измерительную функцию денег.

Но чем заменить? Как поставить учет результатов производства в социалистическом хозяйстве?

Первая мысль, которая приходит в голову по этому поводу, заключается в том, нельзя ли денежный учет заменить учетом натуральным, учитывать результаты производства в продуктах. Натуральный учет тем более соблазнителен, что натурализация проводится в социалистическом обществе в других областях, как, напр., в области распределения. Тем не менее, от натурального учета необходимо отказаться, так как проблема натурального учета логически не разрешима. Совершенно очевидно, что она не разрешима для отдельных частей социалистического хозяйства, для отдельных хозяйств, для отдельных отраслей, для отдельных районов. Допустим, что прядильная фабрика получает от государства хлопок, нефть и рабочую силу и дает ему взамен пряжу. Получаемые продукты несравнимы с продуктами выпускаемыми, и никто не может сказать, каков в данных условиях тот максимум пряжи, который должна давать фабрика взамен получаемого сырья, топлива и рабочей силы, и рационально ли использованы в данном случае эти последние. Может быть, можно решить вопрос путем сравнения работы двух фабрик, вырабатывающих пряжу? Но одна из них работает на нефти, другая на торфе, третья на дровах; одна находится ближе к пункту распределения, другая дальше и т. д. Наконец, сравнение может оказаться в пользу одной из двух, между тем, как обе уступают третьей, находящейся в другом районе. Словом, поскольку продукт производства не совпадает с сырьем, натуральное сравнение и учет результатов производства отдельного предприятия невозможны. Такой учет мыслим лишь там, где сырье совпадает с продуктом производства, т. е. на низших стадиях сельского хозяйства, там где собирается тот же продукт, который затрачен на посев. Но и здесь при более высокой технической стадии производства, при применении машин и удобрений, непосредственное сравнение затраты и выручки в натуре невозможно.

Но если невозможно поставить натуральный учет в отдельных предприятиях, в отдельных частях социалистического хозяйства, то нельзя ли поставить его по отношению к хозяйству в его целом? Мы бы не сказали, что это решительно невозможно. Можно соста-

вить инвентарь в продуктах всего национального капитала в начале и конце хозяйственного периода и на основании сопоставления этого инвентаря сказать, произошло ли увеличение или уменьшение национального богатства. Если сопоставлять, таким образом, результат двух или трех последовательных периодов, то это сопоставление даст основание для некоторых выводов. Но только для некоторых и далеко не точных. В один год увеличилось количество коров, но уменьшилось количество паровозов, в другой—наоборот. Трудно будет сказать, какой год был более и какой менее благоприятным по своим хозяйственным результатам. Только в том случае, когда мы будем наблюдать увеличение или уменьшение по всем или почти по всем рубрикам инвентаря одновременно, мы сможем с большей определенностью судить о результатах хозяйства. Затруднение, однако, усиливается оттого, что хозяйственный инвентарь в современном обществе должен иметь много сотен, а то и тысячи рубрик, одновременное движение которых в одну и ту же сторону мало вероятно. Вдобавок самые рубрики из года в год меняются: одни выпадают, а на их место появляются новые. Между тем количество рубрик имеет здесь принципиальное значение. В этом разнообразии товаров— отличие нового коммунистического общества, которое должно быть построено в нынешних условиях, от первобытных коммунистических общин. Там, где капитал состоит из двух-трех предметов, овец, коз и колодцев, натуральный учет результатов хозяйствования всего общества достаточно прост, и там эта проблема, конечно, иначе решается, чем в современном хозяйстве с тысячами отдельных продуктов.

Допустим, однако, что натуральный инвентарь дал бы возможность учесть результаты хозяйства всего общества в его целом. При всем том задача учета результатов производства осталась бы неразрешенной. В самом деле, задача эта, как мы выяснили, заключается в том, чтобы указать путь правильного распределения труда и капитала. Но путь этот при общем учете результатов всего хозяйства в его целом все же не будет указан. Допустим, что мы в результате общего учета найдем, что хозяйство велось плохо и требует исправления. Можно ли будет на этом основании сказать, в каком направлении это исправление должно быть произведено? Конечно, нет. Ибо мы не будем знать, где ошибка, куда направлено слишком много и куда слишком мало капитала и труда, откуда и куда капитал и труд должны быть перенесены. Это последнее указание нам мог бы дать только учет результатов отдельных частей

всего общественного целого, отдельных отраслей производства, отдельных предприятий.

Итак, от натурального учета результатов производства социалистическое общество должно отказаться, если оно не решится для этой цели пойти по пути упрощения потребностей, уменьшения числа товаров до самого незначительного их числа. Проблема замены измерительной функции денег в области производства остается открытой. Должна создаться какая-то новая наука, которая поставила бы и разрешила бы этот вопрос во всей его полноте.

Но без учета практически невозможно хозяйствовать. Вот почему по мере выпадения денег и денежной оценки социалистическое хозяйство вынуждено будет пользоваться каким-либо другим, хотя бы и несовершенным, методом. Этим методом, к которому в конце концов необходимо прибегнуть для замены денег в этой роли, очевидно, является все таки «трудо-час» или «нормальный труд» Родбертуса и других утопистов. Мы отметили выше все недостатки этой единицы измерения, ее производительность, неразрешимость проблемы сведения разных видов труда к «нормальному труду». Все это делает «нормальный труд», как полупроизвольное установление, совершенно непригодным для выполнения функции орудия обмена и для осуществления принципа о «праве каждого на полный продукт труда». Но негодный в той роли, для которой предназначал его Родбертус, в сфере обмена, этот же «нормальный труд» может служить хотя бы и несовершенным средством для внутрихозяйственного учета. Как ни плоха эта единица измерения, она все же может дать хотя некоторую точку опоры для сравнения различных затрат и выручек и для суждения о результатах хозяйствования, как в его целом, так и в отдельных его частях.

IV.

В предыдущих рассуждениях о проблеме денег в социализме мы имели в виду постановку и решение этого вопроса в развитом социалистическом государстве. Но мы переживаем сейчас «переходный период». Как стоит проблема денег в этот период? Трудность вопроса заключается в том, что унаследованная от буржуазного строя денежная система пришла в полный упадок раньше, чем этот переходный период закончился. Мы хотели бы высказать по этому вопросу лишь одно соображение. Мы думаем, что двойственной по-

литики в денежном вопросе вести нельзя. Государство в настоящее время может или вести политику перехода к безденежному обращению или заняться восстановлением валюты. Тот или иной курс зависит от взгляда на то, в какой мере пройден «переходный период». Если считать, что переходный период пройден в большей своей части, что мы уже на $^3/_4$ или на $^4/_5$ находимся в условиях социализма и только на $^1/_4$ или $^1/_5$ «торчим» в буржуазном или мелкобуржуазном хозяйстве, тогда нет никакого резона восстанавливать сейчас валюту. Остаток пути можно кое-как пройти и без денег.

Но если считать, что путь к социализму пройден лишь на $^1/_4$ или $^1/_5$, а $^3/_4$ или $^4/_5$ пути впереди, то тогда политика отказа от валютной политики уже в настоящее время едва-ли может быть признана целесообразной не только с точки зрения нужд и интересов мелкобуржуазных элементов и, главным образом, крестьянства в данный момент, но и с точки зрения задач социалистического строительства. Ибо, поскольку у нас сохранились буржуазные и мелкобуржуазные отношения, отсутствие валюты означает просто развал хозяйства, а развал не может служить благоприятной обстановкой для какого бы то ни было строительства, а тем более для переустройства всего хозяйства в его целом.

З. С. Каценеленбаум.

Социалистическое хозяйство, цена и деньги.

Доклад А. А. Соколова, прочитанный 2 мая 1921 г.

Сохранятся ли цена и деньги в социалистическом хозяйстве? Так как понятие цены и денег связано с понятием рынка, а рынка в социалистическом хозяйстве не будет, то отсюда сам собою, как будто бы, напрашивается тот вывод, что с переходом к социалистическому строю категория цены должна будет отмереть вместе с другими категориями капиталистического хозяйства.

Однако, есть авторы, которые держатся на этот счет другой точки зрения. К числу их принадлежит К. Каутский. Каутский совершенно правильно связывает понятие цены и денег с понятием распределения и максимального удовлетворения. Упомянув о том, что в социалистическом обществе производство и потребление будут подвергнуты планомерному регулированию, он говорит: «Но, скажут нам, разве мыслимо выполнить эту задачу в современном крупном государстве? Попробуйте-ка, напр., в Германии представить себе государство в роли заведующего не только производством целых двух миллионов предприятий, но и обращением их продуктов, которые надо отчасти доставлять из одного предприятия в другое в виде средств производства, отчасти сбывать в виде предметов потребления 60 миллионам потребителей с разнообразными и непостоянными потребностями. Задача представляется подавляющей, если не предполагать, что можно регламентировать и потребности людей по одному простому шаблону, что можно сократить их потребности и выдавать каждому причитающуюся ему порцию, как делается в казарме, т. е., другими словами, низвести современную культурную жизнь на неизмеримо более низкую степень. Так неужели же «государство будущего» должно представлять из себя не что иное, как казарму или тюрьму» («На другой день после социальной революции», стр. 40)?

Чтобы избежать этих последствий, т. е. превращения жизни в казарму или тюрьму, Каутский считает необходимым сохранение денег. Приступать при социальной революции сейчас же к упразднению денег было бы, по мнению Каутского, нежелательно и невозможно. «Деньги, — говорит он, — самое простое из известных доныне средств обращения продуктов, средств распределения их между отдельными членами общества в таком сложном механизме, каким является современный способ производства со свойственным ему гигантским разделением труда. Это такое средство, которое дает возможность всякому удовлетворить свои потребности сообразно с его индивидуальными склонностями (в пределах экономической силы, разумеется). Как средство обращения, деньги останутся необходимостью, пока не придумано ничего лучшего. Но само собою разумеется, что они утратят, по крайней мере в сфере внутреннего обращения, некоторые из теперешних функций и, прежде всего, функцию мерила стоимости» (Там же, стр. 26—27).

Итак, по мысли Каутского, деньги должны остаться в социалистическом обществе.

Но если в социалистическом обществе останутся деньги, то, очевидно, должны остаться и цены на продукты. Каутский так именно и думает, причем, по его мнению, задача социалистического общества отнюдь не будет заключаться в том, чтобы осуществить закон стоимости во всей его полноте, т. е. принять меры к тому, чтобы обменивались только равные стоимости на равные. В действительности закон стоимости есть закон, исключительно свойственный обществу товарного производства. При общественной собственности на средства производства он «заменяется общественным регулированием производства при помощи обмена равных стоимостей. Вместе с тем исчезает также необходимость того, чтобы деньги были мерилом стоимости и предметом, имеющим стоимость. Металлические деньги могут быть заменены каким-нибудь денежным знаком. Самые цены на продукты можно будет устанавливать тогда независимо от стоимости. Однако, же, количество вложенного в продукты рабочего времени всегда будет иметь крупное значение при их оценке, и очень возможно, что при этом будут сообразоваться с исторически установившимися ценами» (Там же, стр. 29).

Небезинтересны также соображения Каутского, касающиеся заработной платы. Раз в социалистическом обществе сохранятся деньги и цены, то отсюда, по мнению Каутского, следует, что и труд в этом обществе будет оплачиваться деньгами, но должна,

будет, следовательно, существовать и рабочая плата. Правда, рабочая плата при пролетарском режиме будет представлять собою нечто совершенно иное, чем при капиталистическом режиме. «В настоящее время рабочая плата есть цена товара: «рабочая сила». Она определяется в конечном счете издержками содержания рабочего, ее колебания зависят от колебаний спроса и предложения. В обществе, где господствует пролетариат, все это исчезает. Работника уже не заставляет нужда продавать свою рабочую силу, рабочая сила перестает быть товаром, цена которого определяется издержками его воспроизведения, и цена ее становится независящей от отношения между предложением и спросом. Высота рабочей платы определяется теперь в конечном счете количеством продуктов, имеющихся на-лицо для распределения между рабочими»...

Однако, уровень заработной платы, по мнению Каутского, не во всех отраслях производства будет одинаков. «Так как рабочие будут назначаться на различные работы не по военному, не без их собственного согласия, то может случиться, что в некоторых отраслях промышленности окажется избыток, а в других недостаток рабочих. Восстановить нарушенное равновесие можно будет, понижая заработную плату в тех отраслях промышленности, где замечается чрезмерный наплыв рабочих, и повышая плату там, где рабочих слишком мало, до тех пор, пока в каждой отрасли труда не будет именно столько рабочих, сколько нужно»... (29—30).

Итак, хотя Каутский и говорит, что в социалистическом обществе заработная плата будет независима от соотношения предложения и спроса, однако, в дальнейшем, как мы только что видели, он сам признает, что даже и она не будет вполне свободна от действия этого закона.

Остановимся теперь на мнении Ад. Вагнера. В своей «Social-ökonomische Theorie des Geldes und Geldwesens» Вагнер посвящает особый экскурс социалистическим рабочим деньгам. Его соображения по этому вопросу сводятся к следующему. По его мнению, последовательное проведение социалистических идей должно привести к натуральному распределению продуктов личного потребления, т. е. к такому их распределению, при котором не только ценностные доли (die Wertanteile) каждого «товарища» (кавычки Вагнера) в народно-хозяйственном чистом доходе трудовой коммуны (Arbeitsgemeinschaft) определяются авторитарно, но при этом доли

эти передаются «товарищу» для удовлетворения его потребностей в форме определенных конкретных благ определенного рода и количества. Но ради такого порядка распределения пришлось бы уже, очевидно, пожертвовать всякой «свободой потребления», всяким свободным выбором благ. Чтобы избежать «ужасающей чудовищности» (abschreckende Ungeheuerlichkeit) этой системы, выдвигается идея т. н. рабочих денег, при которых эта свобода потребления, по крайней мере, в известных пределах, может быть сохранена.

Вагнер считает, однако, этот проект рабочих денег неосуществимым. Как он указывает, для осуществления проекта рабочих денег требовались бы следующие предпосылки:

1) При этом следовало бы все качественно различные виды труда рассматривать как равноценные и их количества определять временем, затраченным на работу, соответственно с чем выдаваемые каждому рабочему и гласящие на единицы времени (часы) удостоверения о произведенной им работе и выступали бы в роли рабочих денег. Либо следовало бы действовать подобным же образом, но лишь после того, как качественно различные виды труда были бы сведены с помощью какого-либо неизбежно произвольного коэффициента к ценностным единицам какого-нибудь определенного рода труда (простого ручного труда), измеряемого опять-таки временем, и удостоверения выдавать уже на исчисленное таким образом количество работы. Оба эти метода не могут, однако, применяться без величайшего произвола. Но если бы даже эта трудность была преодолена, этим была бы пройдена лишь первая стадия на пути разрешения всей задачи.

2) После этого пришлось бы идти дальше и для всех благ («товаров» также и здесь, ибо они производились бы для сбыта), устанавливать таксы соответственно сведенной к единицам труда стоимости каждого блага. Здесь мы опять сталкиваемся с проблемой, вряд-ли разрешимой.

3) Предположим, однако, что и эта задача будет разрешена. В таком случае продукты по этим таксам на складах должны были бы быть предоставлены товарищам, соответственно их потребностям в обмен на их, полученные ими как рабочие деньги, удостоверения о количестве произведенного ими труда.

4) Но тут возникает новая трудность, заключающаяся в том, что понадобилось бы приноровить предложение товаров как количественно, так и качественно (т. е. по роду, сорту, виду благ) к проистекаю-

щему из соответствующей потребности и черпающему свою покупательную силу из рабочих денег спросу.

5) Этого, однако, нельзя гарантировать, даже если бы размеры производства можно было установить на основании данных предыдущего времени. Ибо, благодаря ограничению новой позднейшей потребности размерами и видами прежнего производства, свобода потребления была бы все же сильно урезана и, отчасти, даже совершенно упразднена.

6) Последствия всего этого были бы следующие: обращающимся за товарами «товарищам» некоторые продукты навязывались бы, т. к. иначе эти блага не нашли бы сбыта, следовательно, появился бы «принудительный обмен» рабочих денег на товары. Если же пожелали бы этого принудительного обмена избежать, то не оставалось бы ничего другого, как понижать таксы тех продуктов, которые совсем не находят сбыта или спрашиваются в меньшем количестве, чем сколько их имеется для продажи, таксы же тех товаров, спрос на которые превышает имеющиеся запасы, наоборот, соответственно повышать, чтобы, таким образом, уменьшить спрос. Таким образом, и при социалистических рабочих деньгах пришлось бы опять вернуться к «рыночному закону» свободного оборота, закону спроса и предложения и к регулированию цен соответственно этому закону (142—143).

Таким образом, с точки зрения А. Вагнера, цена и деньги суть такие явления общественного хозяйства, без которых это последнее обойтись не может.

Ту же мысль высказывает Парето. «Даже если бы социалистическое государство, — говорит он, — уничтожило всякую возможность обмена, если бы оно препятствовало всякой купле-продаже, цены от этого не исчезли бы; они остались бы, по меньшей мере, как средство учета для распределения товаров и их преобразований. Употребление цен есть самое простое и легкое средство для разрешения уравнений обмена, и если бы стали намеренно воздерживаться от применения этого средства, вероятно, дело кончилось бы все-таки его употреблением под другим именем, и мы имели бы чисто словесное изменение, суть дела осталась бы прежней» (Manuel d'économie politique. Paris, 1909, p. 211. цит. у Струве «Хозяйство и цена», ч. II, стр. 69, прим. 9).

В русской литературе о неупразднимости цен и денег говорит Струве. «Социализм, — говорит он, — может упразднить частную собственность, может устранить свободу оборота, но не может

упразднить ни денег, ни цен, ибо самая идея «справедливого распределения» благ предполагает их измеримость и требует их «измерения» («Хозяйство и цена», ч. II, стр. 68—69).

Заметим, что поскольку Струве признает понятие меновой ценности понятием производным от цены, постольку он естественно не может мыслить себе общественного хозяйства без категории цены. Как он сам указывает, «лишь в изолированном хозяйстве можно отвлечься от цен и денег» (Там же, стр. 65). Правда, Струве различает цену вольную, возникающую в процессе свободного образования цен, и цену указную, возникающую на основе социального регулирования или веления государственной власти. И возникает, следовательно, вопрос, не будут ли цены социалистического общества представлять собою указные цены, устанавливаемые властью вне всякой зависимости от закона спроса и предложения. На этом вопросе нам придется остановиться ниже. Сейчас же отметим только, что исследование самого Струве не позволяет нам сделать этого заключения, ибо его собственный вывод, основанный на изучении исторической феноменологии цены, сводится к тому, что «принцип и явление указной цены вырабатывается медленно и с трудом и в самом своем развитии неизбежно прислоняются к стихийно слагающемуся явлению вольной цены» («Хозяйство и цена», т. I, стр. 311). У Струве же мы находим мнение, что «идея полной рационализации цен и всецелого управления их царством представляется фантастической» (Там же, стр. 313).

Отметим здесь кстати некоторую непоследовательность Л. Н. Юровского, который, с одной стороны, всецело присоединяется к Струве в его полемике против метафизики ценности и цен, а, с другой стороны, склонен рассматривать цену, как историческую категорию, а именно как категорию, свойственную меновому (капиталистическому) хозяйству («Очерки по теории цены», стр. 74 и 142, прим. на стр. 180).

В заключение укажем еще, что проф. М. И. Туган-Барановский также полагает, что при социалистическом строе закон спроса и предложения сохранит свое значение. Но нужно иметь в виду, что Туган-Барановский проводит разницу между социалистическим и коммунистическим строем, усматривая эту разницу в том, что при социалистическом строе, в отличие от коммунистического, категория индивидуального дохода не будет полностью упразднена (См. его работу «Социализм, как положительное учение»).

Попытаемся теперь разобраться в этих мнениях. Остановимся,

прежде всего, на понятии цены. Сохранится или не сохранится цена в социалистическом хозяйстве?

Как известно, новейшая теория кладет в основу учения о цене понятие равновесия или уравнения спроса и предложения *). Простейший же случай равновесия, как указывает Маршалл, наблюдается тогда, когда человек удовлетворяет одну из своих потребностей своим собственным трудом. Для примера Маршалл берет мальчика, который рвет ежевику для собственного удовлетворения. Вначале, когда мальчик только что начинает собирать ягоды для себя, процесс собирания ягод в течение некоторого времени сам по себе доставляет ему некоторое удовольствие. Несколько времени спустя, работа по собиранию ягод начинает уже утомлять мальчика, однако, то удовольствие, которое он получает от ягод, еще настолько велико, что оно оказывается более, чем достаточным для того, чтобы вознаградить мальчика за потраченные усилия. В дальнейшем, однако, когда мальчик уже достаточно насытится ягодами, удовольствие, получаемое им от ягод, будет все более уменьшаться, а утомительность работы, быть может, не столько вследствие ее тяжести, сколько вследствие ее монотонности, будет все более возрастать. Равновесие будет достигнуто тогда, когда желание поиграть и утомление собиранием ягод составят у мальчика явный противовес желанию есть ягоды. В этот момент удовлетворение, получаемое мальчиком от срывания ягод, достигает своего максимума, ибо до этого момента каждое новое усилие прибавляло к его удовольствию больше, чем сколько у него брало, а после этого, наоборот, отнимало бы от его удовольствия больше, чем сколько к нему прибавляло бы (См. Marshall, Alfr. Principles of Economies. 5 ed. p. 331). Если угодно, то мы уже имеем здесь дело со своего рода обменом,—обменом затраченных усилий на полученное удовлетворение (такую точку зрения высказывает, напр., Шумпетер, полагающий, что «можно перенести схему обмена на всякое хозяйственное действие», см. Das Wesen u. der Hauptinhalt der theoretischen - Nationalokonomie, стр. 50). Правда, указанное построение, т. е. подведение соразмерения выручек и затрат

*) Впрочем, нельзя сказать того, чтобы теория уравнения спроса и предложения была выдвинута лишь в новейшее время, ибо понятие уравнения спроса и предложения было известно и более старым писателям. См., напр., «Основания политической экономии», Дж. Ст. Милля, где мы находим превосходную формулировку закона уравнения спроса и предложения или, как Милль предпочитает выражаться, уравнения взаимного спроса (ибо предложение мы можем рассматривать как спрос) в применении к внешней торговле.

в пределах строго индивидуального хозяйства единичного хозяйствующего суб'екта под понятие обмена может показаться слишком искусственным (см. Юровский, Л. Н., ук. соч., стр. 32, прим.). Однако, нельзя не признать, что уже в этом сопоставлении выручек и затрат, производимом единичным хозяйствующим суб'ектом,— сопоставлении, выявляющем количественный принцип наших ценностных суждений, заложены основы феномена цены и денег (Ср. Струве, «Хозяйство и цена», т. I, стр. 4—5).

Из примера равновесия, приведенного Маршаллом, видно, что в тех случаях, когда нам приходится иметь дело с единичным хозяйствующим суб'ектом, являющимся одновременно производителем и потребителем, оба противоборствующие элемента равновесия—усилия и затраты, с одной стороны, и удовлетворение—с другой, непосредственно соприкасаются друг с другом, представляя собою психические оценки одного и того же лица. В меновом, в особенности же в капиталистическом, хозяйстве, построенном на применении наемного труда, положение складывается уже иначе. Здесь указанные два момента—оценка усилий и жертв—с одной стороны и оценка удовлетворения—с другой стороны—раз'единяются, образуя—первая цену предложения, исходящую от производителей или продавцов вторая—цену спроса, исходящую от потребителей или покупателей (причем, однако, не следует забывать, что предложение мы можем рассматривать, как спрос, а спрос, как предложение, вследствие чего и раз'единение оценок покупателей и продавцов, очевидно, не может быть полным).

Если мы обратимся, напр., к Маршаллу, то увидим, что в своем учении о равновесии он подробно анализирует оба эти элемента рыночной цены—элемент спроса и элемент предложения. Под ценой спроса Маршалл разумеет ту цену, по которой все имеющееся на рынке количество товара в известную единицу времени (день, неделю, год) может найти для себя покупателей. Условия, управляющие этой ценой для данного количества блага,— говорит Маршалл,—в отдельных случаях бывают различны (в данном случае необходимо, между прочим, считаться с различной степенью эластичности наших потребностей), но, во всяком случае, чем больше предлагается данного блага на рынке, тем ниже цена, по которой оно может найти себе покупателей, или, другими словами, цена спроса для каждого, скажем, бушеля или ярда понижается с каждым увеличением предлагаемого количества (342).

Что касается цены предложения, то, допуская на минуту, что для производства данного предмета не требуется ничего, кроме затраты труда, Маршалл приходит к выводу, что ценой предложения для данного количества блага будет та, которая должна потребоваться для того, чтобы вызвать трудовые усилия рабочих, необходимые для производства этого количества в данную единицу времени. Но так как для производства благ, вообще, требуются не только различные виды труда, но и употребление капитала в его различных формах, то реальные издержки производства блага, по мнению Маршалла, должны складываться из всех различных видов труда, которые прямо или косвенно вложены в производство предмета плюс жертва воздержания или, лучше сказать, ожидания, необходимая для сбережения капитала, употребляемого в производстве блага. Денежную сумму, которую требуется заплатить за все эти усилия и жертвы, Маршалл называет денежной стоимостью производства или, короче, издержками производства. Эти издержки производства суть те цены, которые требуется заплатить для того, чтобы вызвать соответствующее предложение усилий и жертв, необходимых для производства, или, другими словами, это есть цена предложения (Там же, стр. 339).

Однако, как указывает Маршалл, общие условия предложения представляются менее определенными, чем общие условия спроса. Они меняются в зависимости от длины периода, к которому относится исследование, главным образом потому, что как материальный капитал производства в форме машин и других приспособлений, так и не материальный капитал в форме искусства, ловкости и организации медленно растут и медленно уменьшаются (Там же, стр. 342).

Дело в том, что, по мнению Маршалла, большое влияние на рынок оказывает элемент времени. Как он указывает, рынки изменяются, во-первых, в зависимости от периода времени, который предоставляется «силам спроса и предложения для того, чтобы придти в равновесие друг с другом, и, во-вторых, в зависимости от площади, на которую они простираются. При этом этот элемент времени требует в настоящее время даже более пристального внимания, чем элемент пространства. Ибо природа самого равновесия так же, как и причин, которыми оно определяется, зависит от длины периода, на который простирается рынок. Если период короткий, то предложение ограничивается имеющимися на-

лицо запасами; если период длинный, то на предложение в большей или меньшей степени будут оказывать влияние издержки производства данного продукта, и если период очень продолжителен, то на эти издержки производства, в свою очередь, в большей или меньшей степени будут влиять издержки производства труда и материальных предметов, необходимых для производства блага. Эти три класса, конечно, неуловимыми ступенями переходят один в другой (Там же, стр. 330).

Итак, спрос и предложение приходят на рынке в соприкосновение друг с другом, и это приводит к установлению между ними известного равновесия. Но что же такое равновесие? Маршалл отвечает на этот вопрос таким образом: «Когда,—говорит он,—произведенное (в единицу времени) количество таково, что цена спроса выше цены предложения, тогда продавцы получают больше, чем сколько достаточно для того, чтобы стоило производить блага на рынок в этом количестве, и тогда в производстве появляется активная сила, стремящаяся к увеличению количества, производимого для рынка. С другой стороны, когда произведенное количество таково, что цена спроса менее, чем цена предложения, тогда продавцы получают меньше, чем достаточно, для того, чтобы стоило производить товары для рынка в таком размере. В таком случае те, которые как раз находились на границе сомнения, следует ли им увеличивать производство, решают не делать этого, и, таким образом, в производстве возникает активная сила, стремящаяся уменьшить количество, доставляемое на рынок. Когда цена спроса равна цене предложения, производимое количество не имеет тенденции ни увеличиваться, ни уменьшаться: это есть равновесие.

Когда спрос и предложение находятся в равновесии, количество блага, которое произведено в единицу времени, может быть названо количеством равновесия, а цена, по которой оно продается, может быть названа ценой равновесия» (Там же, стр. 345).

Мы не предполагаем здесь подробно изучать проблему равновесия, исследовать различные возможные случаи этого равновесия и т. д. Тот теоретический подход к разрешению этого вопроса, который мы находим у Маршалла, является одним из лучших, но он не единственный. У. Л. Н. Юровского, напр., мы уже находим дальнейшую переработку теории Маршалла, причем Л. Н. Юровский, опираясь на работы наиболее выдающихся представителей новейшей политической экономии, особенно подчеркивает связь теории цены,

с учением о статике и динамике хозяйства (Очерки по теории цены, стр. 125 и сл.). Наоборот, П. Б. Струве стоит на той точки зрения, что идеи: 1) экономического равновесия и 2) различения статики и динамики в экономике—идеи, тесно между собою связанные и характерные для новейшей политической экономии в ее самых проницательных представителях (Кларк, Шумпетер), составляют тот доктринальный груз, который мешает ей решительно и последовательно встать на почву эмпиризма («Хозяйство и цена», ч. II, стр. 104, прим.). На всех этих разногласиях и различиях в оттенках мнений мы можем, однако, здесь не останавливаться, так как они нисколько не затрагивают и не колеблют основного и для нас в данном случае особенно важного положения, разделяемого всеми названными нами авторами, несмотря на различие их взглядов в других вопросах,– того положения, что цены не могут складываться вне зависимости от спроса. Но нам необходимо остановиться на вопросе о том, насколько правильно самое это основное положение, т. е. насколько верно то, что цены определяются соотношением предложения и спроса.

Известно, что теория издержек производства в том ее виде, как она была развита классической школой политической экономии, стояла на иной точке зрения. В тяготении цены к издержкам производства она видела такой закон, который стоит вне зависимости от спроса и определяется одними производственными условиями. Так именно, думал, напр., Рикардо. Однако, Рикардо в данном случае стоял на неправильной точке зрения, как это было доказано в русской литературе В. К. Дмитриевым.

«Рикардо — читаем мы, — в «Экономических очерках», вып. I, В. К. Дмитриева,—дает нам безукоризненный анализ закона, управляющего ценностью продуктов, отдельные порции которых производятся с различными издержками производства (в частности для случаев, когда издержки производства могут быть сведены к одному труду— с различными затратами труда), но анализ этот вовсе не доказывает, как это думает Рикардо, что ценность подобных продуктов не зависит в конечном счете от условий спроса и предложения, стремясь установиться на некотором уровне, зависящем исключительно от производственных условий. Напротив,... всякое изменение в условиях спроса и предложения (в конечном счете сводящееся к изменениям в области потребления...) неизбежно ведет к изменению цены продукта (= ценности в некотором продукте, собственная ценность которого принимается

за постоянную), хотя бы все производственные условия (не зависящие от хозяйственного расчета, а лишь от состояния техники и наличности различных природных факторов производства) остались без изменений» (34).

Существование такой же зависимости ценности блага от условий спроса и предложения устанавливается В. К. Дмитриевым также в отношении благ редких, монопольных—с одной стороны,—и благ, бесконечно воспроизводимых приложением труда и капитала в условиях, исключающих возможность возникновения ренты,—с другой (стр. 49—51, 60 и сл.).

Впрочем, существует мнение (его высказывает, напр., Маршалл), что даже и Рикардо не отрицал влияния полезности на цену продукта. Он только брал полезность за данное, так как ее влияние относительно просто, и рассматривал стоимость производства, так как влияние этой последней менее очевидно (цит. соч., стр. 314 и сл.). Что касается самого Маршалла, то он, как известно, отнюдь не отрицает значения закона издержек производства (в условиях стационарного государства, по его мнению, цена продукта определялась бы даже исключительно этим законом); но закон издержек производства, по теории Маршалла, как бы входит в систему закона спроса и предложения, поэтому он и полагает, что спорить о том, управляется ли цена полезностью или издержками производства, столь же бесполезно, как бесполезно спорить о том, какое лезвие ножниц — верхнее или нижнее — режет кусок бумаги (цит. соч., стр. 348—349; 367).

Те же самые соображения развивает Л. Н. Юровский. «Мы,—говорит он,—рассматривали все время цену, как функцию спроса и предложения. Кривая спроса указывает нам связь между оценками покупателей и ценою; кривая предложения—связь между ценою и оценками продавцов. Две эти кривые (или соответствующие им уравнения) определяли искомое значение цен. «Закон издержек производства» должен как бы войти в эту систему кривых или уравнений; кривая спроса так же, как и кривая предложения, должна учитывать его. Он не влияет на высоту цены какими-то особыми путями. Он не стоит вне закона спроса и предложения, а составляет содержание последнего при динамической постановке вопроса... Закон издержек производства не есть какой-либо принцип, занимающий положение рядом с теми общими началами, которые мы излагали в предыдущем очерке (где цена исследовалась, как функция количества благ, и выводилась из уравнений

спроса и предложения. А. С.); он выделяет, лишь в пределах общих зависимостей один практически чрезвычайно важный ряд и указывает его значение. Не два механизма образования цен противопоставляются друг другу, а вслед за рассмотрением общих принципов всего механизма мы лишь переходим к изучению отдельных его частей» (Юровский Л. Н., у. с., стр. 152).

Итак, мы приходим к выводу, что правильная оценка блага, определяющая его действительное хозяйственное значение, не может основываться на учете одних только производственных условий и находиться вне всякой зависимости от спроса.

Но не стоит ли этот вывод в противоречии с трудовой теорией ценности К. Маркса? Мы полагаем, что он не стоит в противоречии и с этой теорией.

В самом деле.—Как известно, согласно ученик К. Маркса, ценность продукта определяется количеством потраченного на его производство общественно-необходимого рабочего времени. Но что такое общественно-необходимое рабочее время? И может ли количество этого общественно-необходимого времени определяться независимо от условий спроса и предложения?

На этом вопросе останавливается В. К. Дмитриев и приходит к выводу, что, ставя ценность в зависимость от количества общественно-необходимого труда, теория, выводящая ценность из количества общественно-необходимого рабочего времени, тем самым ставит ценность в зависимость от условий спроса и предложения (в конечном счете от условий потребления), так как ничем иным, как условиями спроса и предложения, определяется, какое именно количество труда является в каждом данном случае общественно-необходимым.

Как указывает, далее, В. К. Дмитриев, чтобы поставить определение количества общественно-необходимого труда вне зависимости от условий спроса и предложения, некоторые сторонники этой формы трудовой теории ценности пытаются отожествить количество общественно-необходимого труда с средним количеством, употребляемым на производство данного продукта. «Но,—возражает Дмитриев, утверждать это—значит отрицать все, что сделано Рикардо для выяснения законов, управляющих ценностью продуктов, отдельные порции которых производятся с различными издержками производства. Анализ Рикардо не оставляет никакого сомнения в том, что ценность продукта определяется количеством труда, употребленного на производство данного продукта не при сред-

них, а при наиболее неблагоприятных условиях его производства».

По мнению В. К. Дмитриева, количество общественно-необходимого труда могло бы равняться среднему количеству лишь в том исключительном частном случае, когда сумма положительной ренты в данной отрасли в точности равнялась бы сумме отрицательной ренты («Экономич. очерки», вып. I, стр. 55—56).

Напомним, с своей стороны, что Маркс принимал теорию дифференциальной ренты и допускал вообще возможность существования разности между индивидуальной ценой производства производителей, поставленных в более благоприятные условия, и общественной ценой производства, регулирующей рынок всей соответственной сферы производства (см. «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 38), откуда, повидимому, следует что и по Марксу ценность не всегда должна регулироваться средним количеством труда [1]). Но, если это так, то, очевидно, и к Марксу относится то положение, к которому приходит В. К. Дмитриев на основании точного анализа теории ценности Рикардо, а именно, что ценность продукта не может определяться одними производственными условиями вне всякой зависимости от спроса.

Что количество общественно-несбходимого рабочего времени не может не находиться в зависимости от условий спроса, это, по нашему мнению, подтверждается следующим рассуждением самого Маркса в т. III «Капитала». «Закон стоимости,—говорит здесь Маркс,—проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся, благодаря разделению труда, сфер производства; следовательно, не только в том, что на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и в том, что из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество; потому что условием остается, чтобы товар представлял потребительную стоимость. Но если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по

---

[1]) Конечно, положение должно было бы стать иным при социалистическом производстве, когда (как указывает Родбертус) ценность данного количества продукта должна будет нормироваться не по нормальному труду работающих в разных местах индивидов, а по среднему количеству труда, затраченного на всю массу производимого в обществе продукта данной категории (Родбертус: «Теория ренты и исследование о капитале». Пер. А. А. Кауфмана, стр. 221—222). Однако, и в этом случае зависимость цены продукта от спроса на него, как будет раз'яснено дальше в тексте, не отпадает.

себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит оттого, адэкватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, оттого, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной, потребностью распределен труд между различными сферами производства... Общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе—вот что определяет здесь количества всего общественного рабочего времени, приходящиеся на различные особые сферы производства. Но это все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно тот закон, согласно которому потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости. Этот пункт имеет лишь то касательство к отношению между необходимым и прибавочным трудом, что при нарушении этой пропорции не может быть реализована стоимость товара, а потому и заключающаяся в ней прибавочная стоимость. Пусть, напр., бумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но, вообще-то, на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда, т. е. часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удастся продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции. Эта количественная граница тех количеств общественного рабочего времени, которое можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще; хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения определенной общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости. Общество, при данных условиях производства на такой-то продукт определенного рода, может затратить лишь столько-то из всего рабочего времени, которым оно располагает»... («Капитал», т. III, ч. 2, пер. под ред. К. Базарова и И. Степанова, стр. 172—173). Впрочем, уже в первой главе I тома Марксова «Капитала» имеется указание на то, что цена продуктов может в некоторых случаях расходиться с их трудовой стоимостью (пример золота и бразильских алмазов, приводимый Марксом на стр. 5).

Такое же понимание общественно-необходимого времени разви-

вает также и К. Каутский. Для иллюстрации Каутский берет следующий пример.

«Предположим,—говорит он,—что в данном обществе общественно-необходимое время в данный период времени составляет для брюк 10.000 рабочих дней, а для подтяжек—1.000 рабочих дней. Это значит, что для того, чтобы удовлетворить общественный спрос на брюки и подтяжки при данном состоянии производительности труда, требуется указанное количество рабочих дней. Если продукт одного рабочего дня оценивается в 10 марок, то стоимость брюк будет равна 100.000 марок, стоимость подтяжек — 10.000 марок... Если теперь на фабрикацию подтяжек идет более рабочих сил, чем общественно-необходимо, то соответствующее количество рабочих сил должно быть взято из каких-нибудь других отраслей труда, так как число находящихся в распоряжении общества рабочих сил ограничено; предположим для простоты, что эти рабочие силы отняты от портняжества. Вместо общественно-необходимого рабочего времени в 10.000 рабочих дней в одной отрасли производства и в 1.000 рабочих дней в другой мы находим, положим, 8.000 действительно потраченных рабочих дней в первой, 3.000—во второй; общество завалено подтяжками и терпит недостаток в брюках. Что произойдет от этого? Цены на подтяжки упадут, цены на брюки поднимутся. 3.000 рабочих дней, действительно потраченных в области производства подтяжек, будут представлять стоимость лишь 1.000 общественно-необходимых рабочих дней; стоимость одной пары подтяжек понизится до одной трети прежней ее величины; цена также упадет и, пожалуй, ниже трети. Стоимость же брюк будет попрежнему определяться общественно-необходимыми 10.000, а не действительно потраченными 8.000 рабочих дней, стоимость отдельных брюк будет равняться пяти четвертям прежней стоимости. Вследствие этого фабрикация подтяжек становится невыгодною, число посвящаемых ей рабочих сил сокращается, и избыток их направляется снова в производство брюк, сделавшееся чрезвычайно выгодным. Так регулируется производство законом стоимости при свободной конкурренции. Это, разумеется, не самый лучший, какой только можно придумать, способ регулировать производство, но он оказывается единственно возможным при частной собственности на средства производства»... («На другой день после социальной революции», стр. 29).

Из приведенных выдержек, как нам кажется, с полной ясностью вытекает, что, по воззрениям самого К. Маркса, за которым сле-

дует Каутский, количество общественно-необходимого рабочего времени не может определяться вне зависимости от общественных потребностей, т. е. вне зависимости от спроса. Ибо, если действительно потраченное рабочее время, хотя бы и соответствующее средним техническим условиям, окажется не пропорциональным общественной потребности, оно при оценке будет приниматься за величину, равную общественно-необходимому, с точки зрения общественной потребности, рабочему времени, хотя бы эта величина и была в одних случаях больше, а в других меньше действительно потраченного времени. Но если это так, то отсюда с несомненностью уже следует, что никакая чисто «производственная» оценка, т.е. оценка, опирающаяся исключительно на производственные условия, напр., в единицах труда («тредах»), не может дать вполне правильного представления о действительной ценности блага, а, следовательно, и не может быть положена в основу хозяйственного плана.

Мы приходим, следовательно, к выводу, что цена продукта не может не находиться в зависимости от спроса. Но при этом мы должны иметь в виду два случая: 1) случай свободной конкурренции и 2) случай монополии. Теория равновесия, развиваемая Маршаллом и другими авторами, предполагает существование свободной конкурренции. При существовании монополии цены, конечно, должны строиться иначе. Если в условиях свободной конкурренции равновесие наступает и цена окончательно устанавливается тогда, когда в максимуме будет количество обмененных благ, то при монополии цена, по общему правилу, установится так, чтобы в максимуме был чистый доход монополиста. Однако, получение этого небольшого чистого дохода вовсе не связано непременно с установлением наиболее высокой цены. Вполне возможны и постоянно бывают такие случаи, когда, понижая цену, монополист достигает большего дохода, так как понижение цены влечет за собою увеличение спроса (См. Marshall, гл. XIV, Теория монополии). Другими словами, это значит, что и при существовании монополии фактор спроса не утрачивает вполне своего значения, откуда, в свою очередь, вытекает, что и монопольную цену мы можем до известной степени рассматривать, как цену равновесия между спросом и предложением.

Сделаем теперь некоторые выводы, вытекающие из предшествовавшего изложения. Выводы эти могут быть формулированы таким образом:

1. При системе свободной конкурренции равновесие между спросом и предложением устанавливается при помощи рынка, при-

чем колебания цен представляют собой тот механизм, посредством которого это равновесие осуществляется и поддерживается.

2. Ни цена спроса, ни цена предложения сами по себе не являются ценою равновесия; последняя возникает лишь из столкновения этих цен (т. е. цены спроса и цены предложения).

3. Большое влияние на рынок, в смысле приспособления предложения к спросу, оказывает элемент времени.

4. Даже и при существовании монополии элемент спроса оказывает влияние на цены.

В условиях социалистического хозяйства также, очевидно, должно будет тем или иным путем устанавливаться равновесие между спросом и предложением. В самом деле, ведь и социалистическое хозяйство будет находиться, по крайней мере, в обозримом будущем под действием «космического факта ограниченности вещных благ». Для ближайшего будущего мы не можем предположить такого развития производительных сил, при котором открывалась бы возможность безграничного удовлетворения всех человеческих потребностей. Следовательно, некоторые потребности и в социалистическом обществе придется урезывать, ограничивать, т. е., другими словами, приводить спрос в равновесие с предложением. С другой стороны, благодаря неправильному распределению производительных сил, всегда может оказаться устранимый избыток или недостаток благ; в этом случае понадобится уже предложение привести в должное соответствие со спросом.

В то же время необходимо иметь в виду, что задача социалистического хозяйства будет заключаться в возможно более полном удовлетворении потребностей граждан. Стремление к максимальному удовлетворению потребностей населения должно, следовательно, стать основным руководящим началом социалистического хозяйства. И, если, как мы видели, даже монополист, стремящийся только к извлечению возможно большего чистого дохода, вынужден в той или иной степени считаться с интересами потребителей, то органы социалистического хозяйства должны будут, конечно, прежде всего руководиться потребностями населения.

Но достижение максимального удовлетворения представлялось бы, очевидно, невозможным на основе карточной, пайковой системы, без предоставления гражданам известной свободы выбора хозяйственных благ (к этому вопросу нам еще придется вернуться ниже). Поскольку же и в социалистическом обществе будет сохранена известная «свобода потребления», постольку здесь мы будем иметь

дело со спросом, в котором будут находить свое внешнее выявление субъективные оценки потребителей. Впрочем, даже и при существовании карточной системы эти субъективные оценки все же могли бы находить свое выражение, напр., в жалобах на недостаток каких-либо продуктов, в обмене одних продуктов на другие, который мог бы происходить между отдельными гражданами, и т. д.

Итак, и в социалистическом хозяйстве при сохранении свободы потребления должна будет выявиться оценка со стороны потребителей, т. е. то, что Маршалл называет ценою спроса.

Спрашивается теперь, возможно ли создать в социалистическом хозяйстве в целях учета благ какую-либо счетную единицу, не зависящую от оценки благ со стороны потребителей?

Несколько времени тому назад вопрос этот подробно обсуждался в нескольких правительственных комиссиях, в которых принимали участие представители различных советских учреждений, при чем, если оставить в стороне проекты чисто материального учета, то здесь наметились два основных течения: одни стояли за расценку в новой счетной единице—т. н. тредах (трудовых единицах); другие же настаивали на сохранении валютирования в денежной единице—рубле. С этой точки зрения представляют интерес мнения, представленные В. А. Миллером и С. Г. Струмилиным—с одной стороны, и А. П. Рудановским— с другой.

В. А. Миллер и С. Г. Струмилин, «исходя из того положения, что в основе стоимости, как экономической категории, лежит труд, что историческая форма стоимости зависит от общественных отношений производства и распределения и что в планомерно организованном трудовом обществе производительные отношения регулируются не стихийным взаимодействием спроса и предложения, а общественными нормами производства и потребления», полагали, что «в рамках советского строя счетным выражением трудовой стоимости может служить лишь абстрактная норма, установленная центральными руководящими органами».

Указанные авторы полагали далее, что «интересы хозяйственного учета требуют форсированного введения новой счетной единицы в форме трудового эквивалента. И как бы несовершенны ни были первые попытки установить трудовой прейс-курант для материальных ценностей, обращающихся внутри советского хозяйства, следует признать, что амплитуда колебаний, во всяком случае, будет ограничена тесными рамками колебаний в области

производительности труда. Поэтому, чем скорее будет приступлено к выражению реального содержания трудовых процессов в их новой общественной форме при помощи трудового эквивалента, лишенного всякого фетишизма и свободного от влияния спроса и предложения, тем короче будет путь к рациональной организации общественного хозяйства».

Иначе подошел к этому вопросу А. П. Рудановский, который в своем мнении выставил ряд положений, в основе своей совершенно правильных, хотя и не совсем удачно формулированных. Заслуживают внимания следующие положения А. П. Рудановского. «Оценкой хозяйственного процесса, с точки зрения производства,— говорит он,—определяется стоимость, которая зависит от количества труда, необходимого для возобновления потребного количества производимых вещей со скоростью, отвечающей времени их потребления; оценкою же хозяйственного процесса, с точки зрения потребления, определяется ценность, которая зависит от числа требований, предъявляемых к произведенному количеству вещей в течение срока или периода, отвечающего их воспроизводству»...

«Так как настоящая оценка хозяйственного процесса,—говорится, далее, в мнении А. П. Рудановского,—достигается лишь постольку, поскольку производственная оценка (стоимость) и потребительная оценка (ценность) в пределе уравниваются между собою, то единица хозяйственной оценки должна быть комплексом единицы стоимости и единицы ценности, где обе единицы безусловно уравнены или, что то же, находятся в неизменно постоянном соотношении или неразрывной связи; тогда измерение стоимости и ценности общею им, связывающею их, производственно-потребительною единицею будет всегда давать баланс, показывающий величину их взаимного отклонения от уравнения».

Итак, по мнению А. П. Рудановского, для правильного учета хозяйственных процессов нужна, как он выражается, «комплексная единица», т. е. единица, представляющая собою «неразрывное сочетание единицы стоимости с единицею ценности». Пользуясь терминологией Маршалла, мы могли бы эту мысль формулировать так: истинное значение каждого блага может быть определено только по цене равновесия; последняя же возникает из столкновения цены предложения и цены спроса (производственной оценки или стоимости и потребительной оценки или ценности по терминологии А. П. Рудановского). В таком виде эта мысль А. П. Рудановского нам представляется совершенно правиль-

ной. Вывод же, который из нее вытекает, сводится к тому, что мы не можем создать какой-то особой производственной оценки или, точнее, мы не можем такую оценку признать достаточной и самодовлеющей вне связи ее с потребительной оценкой (ценою спроса).

Вывод этот, как нам кажется, согласуется и с теми приведенными выше рассуждениями К. Маркса и Каутского, где они развивают ту мысль, что количество общественно-необходимого рабочего времени не может определяться вне зависимости от общественных потребностей, т. е. вне зависимости от спроса. И, в самом деле, если действительно потраченное рабочее время, хотя бы и соответствующее средним техническим условиям, может иногда оказаться непропорциональным общественной потребности и в этом случае оно при оценке будет приниматься за величину, равную общественно - необходимому (с точки зрения общественной потребности) рабочему времени, —хотя бы эта величина и была в одних случаях больше, а в других меньше действительно потраченного времени,—то отсюда, с несомненностью, уже следует, что никакая чисто «производственная» оценка, т. е. оценка, опирающаяся исключительно на производственные условия, наприм., в единицах труда («тредах»), не может дать вполне правильного представления о действительной ценности блага, а, следовательно, и не может быть положена в основу хозяйственного плана.

Итак, и в социалистическом обществе истинное представление о действительном хозяйственном значении блага может дать только цена, т. е. оценка, возникающая на основе уравнения спроса и предложения.

Но здесь возникает вопрос, каким же образом это уравнение спроса и предложения будет происходить в социалистическом хозяйстве?

Дело в том, что социалистическое хозяйство должно будет представить собою совершенно особый тип хозяйства. В отличие от народного хозяйства, как бессубъектной системы единичных хозяйств, социалистическое хозяйство будет до известной степени (хотя далеко не вполне, о чем ниже) приближаться к понятию субъективного телеологического единства, и таким образом по своей формальной структуре обладать чертами индивидуального

хозяйства. Однако, в то же время существенное отличие социалистического хозяйства от единичного хозяйства заключается в том, что первое (т. е. социалистическое хозяйство) будет являться общественным хозяйством—хозяйством, которое должно будет возникнуть на основе народного хозяйства, как системы взаимодействующих хозяйств, которое охватит огромное количество людей, и в котором неизбежно поэтому должны будут возникнуть такие функции и такие явления, которые будут уже сближать это хозяйство с системой хозяйств.

Таким образом, природа социалистического хозяйства будет отличаться, как от природы замкнутого и вообще индивидуального хозяйства, так и от природы народного хозяйства, почему и уравнение спроса и предложения не может здесь устанавливаться ни тем путем, каким оно устанавливается в хозяйстве единичного хозяйствующего суб'екта, ни тем путем, каким оно осуществляется при системе свободной конкурренции [1]).

В хозяйстве единичного хозяйствующего суб'екта, являющегося одновременно производителем и потребителем, равновесие между затраченными усилиями и полученными результатами может осуществляться, как мы видели, на основе чисто суб'ективных оценок. В хозяйстве социалистическом равновесие таким путем осуществляться, конечно, не может, ибо, хотя социалистическое хозяйство приближается, как мы видели, по своей формальной структуре к сингулярному хозяйству, однако, как было выяснено выше, это формальное сходство не устраняет того существенного различия между этими двумя видами хозяйства, что первое является индивидуальным, а второе—общественным, и в первом удовлетворяются собственные потребно-

---

[1]) Говоря об особенностях природы социалистического хозяйства, необходимо, однако, иметь в виду, что те три понятия (простой совокупности, системы и единства), на которых Струве строит свою классификацию, (принятую, между прочим и Бухариным в его «Экономике переходного периода») трех типов хозяйственного строя (натурального хозяйства, народного хозяйства и коллективизма)—отнюдь не раз'единены между собою непроходимой пропастью, ибо система есть совокупность, хотя и не наоборот, и единство есть система, хотя и не наоборот.

Отсюда, между прочим, вытекает то, что основные экономические категории, хотя бы в зародышевой форме, не могут не быть присущи всем этим трем типам хозяйственного строя, а, с другой стороны, то, что выводы, полученные нами при изучении народного хозяйства, в особенности если мы при этом пользуемся т. н. социально-органическим методом, т. е. исходим из представления о народном хозяйстве, как целом (хотя и не как единстве), не могут не сохранять известного значения в применении к социалистическому строю. На этом основании мы, между прочим, думаем, что и теория цены, как она разрабатывается в условиях народного хозяйства, не может не заключать в себе некоторых положений, применимых и к социалистическому хозяйству.

сти с помощью собственного труда, а во втором — чужие потребности с помощью чужого труда (Зомбарт). В то же время в социалистическом хозяйстве не будет и рынка, на котором равновесие устанавливается стихийно на основе свободной игры спроса и предложения.

Каким же образом равновесие будет устанавливаться в социалистическом хозяйстве?

Важнейшая особенность социалистического хозяйства будет заключаться в том, что здесь весь хозяйственный процесс будет регулироваться соответствующим органом (или органами) общественной власти. Установление равновесия между предложением, т. е. между имеющимся в распоряжении общественной власти запасом благ, предназначенных к распределению, и спросом на них, должно составить задачу этого органа социалистического общества. Чтобы выполнить эту задачу, соответствующий орган должен учесть размер производительных сил общества, количество имеющих быть произведенными продуктов, с одной стороны, и размер общественной потребности—с другой. Выполнение уже и первой задачи, очевидно, сопряжено с большими трудностями, ибо действительно полученное количество продуктов всегда может разойтись с предположенным (в особенности, напр., в области сельского хозяйства). Но особенно сложную и трудную задачу должен представить учет человеческих потребностей, крайне разнообразных и изменчивых, постоянно сменяющих одна другую.

Родбертус высказывает ту мысль, что установление размера потребностей не должно будет вызывать больших затруднений, т. к. общество будет исходить при этом из количества имеющихся в его распоряжении рабочих сил. Общество будет производить продукты и оказывать различные услуги лишь настолько, насколько ему позволит это имеющееся в его распоряжении количество труда. Но в том то и дело, что это имеющееся в распоряжении общества количество труда должно быть наиболее целесообразно распределено между отдельными потребностями, и перед обществом должен встать вопрос о том, как это сделать. Конечно, эта задача учета потребностей была бы сильно облегчена, если бы граждане социалистического общества были посажены на определенный паек и должны были бы ограничиваться в своем потреблении лишь тем, что им дают. Но в таком случае, как уже нами отмечалось, нужно было бы отказаться от мысли о максимальном удовлетворении потребностей.

Вот почему и гражданам социалистического государства необходимо будет предоставить возможность самим выявлять свои потребности путем свободного выбора тех или иных благ. При этом всегда может, конечно, получиться, что на один продукт существует большой спрос, и его поэтому не хватает, а на другой — спроса нет, и он поэтому имеется в избытке. В таком случае социалистическому обществу придется, очевидно, пустить в ход тот же прием, который применяется рынком в условиях менового хозяйства, т. е. повысить цену на один товар и понизить на другой и таким путем восстановить равновесие между предложением и спросом. Прибегать к этому приему представится тем более необходимым, что, ведь, и к социалистическому обществу применимо то соображение Маршалла, которое он высказывает в отношении капиталистического общества, а именно его указание на то, что всегда требуется известный срок, известное время для того, чтобы предложение могло приноровиться к спросу.

Правда, равновесие между спросом и предложением может быть установлено не только путем повышения и понижения цен, но и иным путем, а именно путем нормирования потребления тех продуктов и услуг, в которых ощущается недостаток. Быть может, в некоторых случаях, а именно, в случаях крайнего недостатка в предметах самой первой необходимости, потребность в которых не может быть сокращена и за которые люди готовы отдать последнее, что они имеют,— указанный порядок распределения, т. е. равный дележ недостающего продукта по определенным нормам между всеми,— даже в большей степени отвечает принципу максимального удовлетворения, чем распределение на основе колебания рыночных цен,— если только принудительное регламентирование потребления, неизбежно в таких случаях сопровождающееся (при существовании частных производителей) принудительной регламентацией производства, конфискацией имеющихся запасов и т. д., не приводит к дальнейшему сокращению количества производимых продуктов, и если только равный раздел фактически возможен и не приводил бы на практике лишь к крайне нерациональному использованию данных предметов или услуг, напр., услуг железных дорог, трамвая и т. д.

Однако, установление определенных норм для потребления неизбежно основывалось бы на тех или иных предварительных исчислениях и предположениях, которые могли бы разойтись с действительной потребностью отдельных лиц. Вследствие этого установленная норма могла бы оказаться слишком высокой для одних и слишком

низкой для других (мы берем здесь более нормальное положение вещей, а не тот случай, когда потребности населения не удовлетворяются даже в пределах физиологического минимума), а это значит, что распределение по нормам, как это уже нами отмечалось, противоречило бы принципу максимального удовлетворения потребностей. Поскольку же, заметим кстати, это распределение по нормам связывалось бы, кроме того, и с бесплатной раздачей продуктов, постольку это приводило бы к тому, что многие брали бы и те продукты, в которых они не испытывают никакой надобности.

Итак, ни статистика, ни какие-либо другие приемы исчисления не могут дать нам точного учета человеческих потребностей, так как потребности эти, рождаясь не только в области желудка, но и в причудливой области человеческой фантазии, представляют собою нечто глубоко субъективное, изменчивое и непостоянное. Вот почему максимальное удовлетворение потребностей может быть достигнуто только в том случае, если каждому будет предоставлена возможность свободного выбора хозяйственных благ, а предложение будет приноравливаться к этому, постоянно изменяющемуся, спросу. Правда, теория, согласно которой максимум удовлетворения для всего общества достигается в том случае, когда каждый расходует свой доход, как он хочет, нуждается, быть может, в некоторых поправках. Так, Маршалл указывает на то, что для общества не безразлично, расходует ли данное лицо свой доход так, что это ведет к увеличению доходов людей бедных или богатых; в первом случае оно, очевидно, в большей степени содействует общему благосостоянию, чем во втором. Равным образом, не безразлично для общества, будет ли данное лицо расходовать свои средства на блага, подлежащие закону возрастающих издержек производства, или на блага, подлежащие закону уменьшающихся издержек производства, ибо в первом случае оно затрудняет, а во втором облегчает получение тех же благ для своих соседей. Поэтому, по мнению Маршалла, необходимо исследовать, в какой мере общество могло бы воздействовать на отдельных индивидов для того, чтобы направить их действия по таким путям, которые приводили бы к наибольшему увеличению суммы общего благополучия (ук. соч., стр. 474—475).

Не трудно, однако, видеть, что приведенные соображения Маршалла относятся собственно к системе свободной конкурренции. Из них нужно сделать только тот вывод, что система свободной конкурренции, связанная с имущественным неравенством, не есть тот идеальный

экономический строй, при котором должна достигаться наивысшая ступень максимального удовлетворения. Но соображения Маршалла отнюдь не опровергают того положения, что общий максимум удовлетворения может быть достигнут только на основе свободного (по крайней мере, в известных пределах) стремления каждого к осуществлению своего максимума удовлетворения. Лишь таким путем, т. е. в результате «действия разных сил, из которых каждая действительно стремится осуществить свой максимум удовлетворения» (Струве, «Хозяйство и цена», ч. II, стр. 31), возникает общий максимум удовлетворения при системе свободной конкурренции. Но таким же путем должен слагаться общий максимум удовлетворения и при социалистическом строе [1]).

По этим соображениям, мы не можем вполне разделить мнение П. Б. Струве, который полагает, что «в социалистическом хозяйстве самой проблемы максимального удовлетворения в том виде, как она ставится по отношению к системе свободной конкурренции, не может существовать, ибо в социалистическом обществе «ex hypothesi» взаимодействие автономных хозяйствующих суб'ектов отсутствует, и не максимум удовлетворения определяется из хозяйственного процесса, а хозяйственный процесс или план построяется в зависимости от заранее установленного идеала или максимума удовлетворения,— откуда Струве делает, далее, тот вывод, что «система свободной конкурренции» и «социалистическое общество» не могут быть вовсе правомерно сравниваемы с точки зрения максимума удовлетворения» (ук. соч., стр. 31—32).

«Проблема максимума удовлетворения,—пишет далее П. Б. Струве,—как она ставится по отношению к «системе свободной конкурренции» ,могла бы быть поставлена в отношении к социалистическому обществу или вообще ко всякому хозяйству, понимаемому в смысле суб'ективного телеологического единства, лишь в том случае, если бы мы условились такое хозяйство рассматривать по аналогии с системой хозяйств, т. е. идти методологическим путем, обратным тому, который под наименованием метода Кене так усиленно рекомендует Туган-Барановский. В некоторых случаях при-

[1]) Конечно, удовлетворение самых причудливых потребностей со всеми их оттенками не гарантировано и при системе цен. Но принципиально важно то, что при системе цен мы пользуемся свободой выбора желаемых предметов, и эта свобода выбора уже сама по себе является для нас огромным благом которое, не может быть заменено никакими выгодами даже самой совершенной пайковой системы распределения. Но свобода выбора благ неизбежно, конечно, будет вносить расстройство в намеченный план снабжения населения.

менение фикции обмена к безобменному хозяйству может быть, на самом деле, плодотворным, но проблема максимума удовлетворения сама по себе имеет настолько абстрактное и формальное значение, что постановка этой проблемы по отношению к хозяйству, методологически приравниваемому к системе хозяйств, есть не более, не менее как игра ума, бесплодная в научном отношении» (там же, стр. 32).

Однако, между понятиями системы и единства нет какой-либо непроходимой пропасти. С другой стороны, не следует забывать того, что хотя социалистическое хозяйство мы и мыслим себе, как нечто, приближающееся к понятию субъективного телеологического единства, однако, это все же будет не индивидуальное, а общественное хозяйство, об'емлющее большую совокупность лиц, из которых каждое, как бы не была велика солидарность его интересов с интересами всего общества, неизбежно должно будет в той или иной степени противопоставлять себя, как индивида, обществу, как целому [1]). Далее, в социалистическом обществе может, а с нашей точки зрения и должна, сохраниться свобода потребления, в социалистическом обществе может, а с нашей точки зрения и должно, существовать нечто, напоминающее теперешние рыночные цены и рыночный обмен. А, если это так, то нельзя не придти к заключению, что и при социалистическом строе общий максимум удовлетворения может быть достигнут только на основе свободного (по крайней мере, в сфере потребления) стремления каждого индивида осуществлять свой максимум удовлетворения.

Из предшествующего изложения видно, что закон спроса и предложения должен сохранить свою силу и при социалистическом строе. Но, конечно, действие этого закона в условиях социалистического хозяйства видоизменится. При социалистическом строе все, или почти все, производство будет сосредоточено в руках государства. Предложение будет, следовательно, исходить только от него: государство будет выступать как бы в роли монополиста. Другими

---

[1]) В самом деле, нельзя себе представить, чтобы субъективные оценки всех граждан социалистического общества во всем безусловно совпадали. Такое расхождение субъективных оценок постоянно наблюдается даже в пределах семейного, т. е. единичного хозяйства. Тем более возможно такое расхождение субъективных оценок в социалистическом хозяйстве, которое будет охватывать большее число людей с разными желаниями, стремлениями и интересами. На этом последнем основании мы, между прочим, не считали бы вполне правильным подводить социалистическое хозяйство наряду с единичным хозяйством под понятие субъективного телеологического единства, ибо общественное хозяйство никогда не сможет превратиться в хозяйство единичное.

словами, в условии социалистического хозяйства цены должны строиться иначе, чем при режиме свободной конкурренции, когда мы предполагаем наличность соревнования как на стороне покупателей, так и на стороне продавцов; но они, очевидно, не могут строиться и так, как они строятся в условиях капиталистического строя при существовании монополии, ибо социалистическое государство будет монополистом совершенно особого рода,—не тем монополистом, который стремится к извлечению возможно большей выгоды, а монополистом, который ставит себе задачей достижение наибольшей суммы общественной пользы. Следовательно, относительно социалистического государства мы должны предполагать, что оно будет устанавливать цены скорее слишком низкие, чем слишком высокие. Однако, и социалистическому государству придется считаться с тем, что, если оно будет продавать свои продукты по цене, отстающей от цены равновесия, т. е. от той цены, при которой должно установиться уравнение спроса и предложения при данном их соотношении, то это поведет к тому, что спрос превысит предложение, и часть спроса останется неудовлетворенной.

От социалистического государства будет зависеть установить ту или иную цену предложения. Но и социалистическое государство не сможет распространить свою власть на субъективные оценки потребителей. Поэтому, пусть даже социалистическое государство те или иные продукты будет раздавать бесплатно, но, если эти продукты будут раздаваться в недостаточном количестве, оценка их со стороны потребителей будет весьма высока.

Каким образом будет определяться себестоимость продукта при социалистическом строе?

На этот счет проф. М. И. Туган-Барановский высказывает следующее соображение. «Существенная разница между строением цен при социализме и при капитализме,—говорит он,—будет лежать . . . . . в области распределения общественного труда между различными отраслями производства. При социализме это распределение будет управляться . . . . . непосредственно трудовым фактором — относительной трудовой стоимостью каждого продукта; при капитализме же трудовой фактор действует лишь косвенно, как капиталистические издержки производства, осложняясь иными не трудовыми элементами». «Итак,—продолжает проф. М. И. Туган-Барановский,—непосредственным регулятором цен при социализме, как и при капитализме, будет соотношение общественного спроса и общественного предложения; за пределами же рынка при социа-

лизме регулятором общественного предложения будет трудовая стоимость каждого продукта, между тем, как при капитализме таким регулятором являются капиталистические издержки производства». (См. «Социализм, как положительное учение», стр. 106—107).

Для нас, однако, не представляется достаточно ясным, каким образом это может происходить, что в то время, как на продукты будут устанавливаться цены, регулируемые соотношением спроса и предложения,—за пределами рынка при социализме регулятором общественного предложения будет трудовая стоимость каждого продукта. Не ясно ли, что раз сохраняется цена на продукты, то, именно, цены и будут регулировать собою как спрос, так и предложение? И этот вывод для Туган-Барановского, казалось бы, должен был бы быть тем более обязательным, что, вопреки обычному представлению о том, что социализм приведет к трудовой цене, он сам признает и считает нужным это подчеркнуть, что социалистическая цена далеко не всегда будет трудовой ценой (ук. соч., стр. 107) [1]).

Приведенные выше соображения относятся, главным образом, к тем предметам и продуктам, которые идут непосредственно на потребление. Но возникает вопрос о том, как при социалистическом строе будут оцениваться те средства и орудия производства, например, некоторые виды машин, которые по самым своим внешним свойствам предназначаются исключительно для производства? Что касается количества производительных сил, которые общество должно будет затратить на производство таких машин, то оно будет зависеть, конечно, от размеров общественного спроса, который будет проявляться через посредство тех предприятий, которые будут употреблять данные материалы, орудия и средства производства для

[1]) Как известно, Туган-Барановский стоит на той точке зрения, что трудовая стоимость продукта, являющаяся лишь другим выражением понятия производительности труда, «не может не быть одним из условий, определяющих хозяйственный план—распределение человеческого труда между различными отраслями производства. И легко понять, что трудовая стоимость играет решающую роль в составлении хозяйственного плана» («Основы полит экономии». 2 изд. Стр. 46—47). По этому поводу, однако, Н. Бухарин правильно замечает, что хозяйственный план, о котором говорит Туган-Барановский, есть категория индивидуального хозяйства, и притом хозяйства натурального, которое производит для себя самые разнообразные блага. К капиталистическому хозяйству и даже к отдельным капиталистическим предприятиям эта категория уже неприменима «Полит. экономия, рантье». Стр. 194). Мы тоже, с своей стороны, думаем, что, вследствие отличия социалистического хозяйства, как общественного, от индивидуального замкнутого хозяйства, категория трудовой стоимости не может играть решающей роли в социалистическом хозяйстве, где цены продуктов также всегда могут отклоняться от их трудовой стоимости.

выработки соответствующих продуктов и изделий. Но это, очевидно, еще не будет давать оснований к установлению оценки каждой данной машины, каждого данного орудия, инструмента и т. д.; а в то же время, некоторые, по крайней мере, из этих машин и орудий совсем не будут предлагаться на оценку потребителей, а будут непосредственно передаваться из государственного предприятия, вырабатывающего соответствующие материалы и средства производства, в государственное предприятие, их использующее.

По этому поводу нельзя, однако, не указать, что с проблемой оценки т. н. нерыночных продуктов приходится иметь дело и в условиях менового хозяйственного строя. В частности, вопрос об оценке нерыночных продуктов всегда возникает в области сельского хозяйства, где к числу таких нерыночных продуктов относится навоз и, отчасти, об'емистый корм (прежде всего сено) и работа собственного рабочего скота. Проф. А. Скворцов, исследовавший этот вопрос в специальной работе «К вопросу об оценке нерыночных продуктов в сельско-хозяйственном счетоводстве» (см. «Известия Петровской Земледельческой и Лесной Академии», год VIII), пришел к выводу, что оценка таких нерыночных продуктов по рыночным ценам представляет собою неправильный прием, так как при этом в счет были бы введены величины, совершенно внешние для хозяйства и не имеющие никакого отношения к способу производства и потребления данного продукта в хозяйстве. Введенные таким образом в счетоводство величины представляли бы собою величины средние и, в силу этого, были бы несравнимы с другими величинами, входящими в счетоводство, так как последние отражают в себе влияние условий того года, к которому относится отчет. Кроме того, по мнению проф. А. Скворцова, хозяин оценивает продукты, потребленные в хозяйстве по иным основаниям, чем те же продукты, назначенные для рынка. В последних потребительная ценность их имеет для него значение только постольку, поскольку от нее зависит их меновая ценность прежде всего или цена; в продуктах же, потребляемых в хозяйстве, ценится именно их потребительная ценность прежде всего, т. е. их способность доставить при употреблении их в дело большее или меньшее количество потребительных ценностей как в форме рыночных, так и в форме нерыночных продуктов (149—150).

С своей стороны, проф. А. Скворцов предлагает другие способы оценки нерыночных продуктов, а именно оценку по стоимости производства продукта и оценку по высоте оплаты про-

дукта, причем в основу как того, так и другого метода оценки, по его мнению, должны быть положены следующие положения:

1) Все величины, указывающие стоимость и оплату продуктов, обращающихся в хозяйстве, должны быть выведены из данных хозяйства за тот год, к которому относятся эти величины.

2) Все внешние для хозяйства величины (рыночные цены и рента) не должны фигурировать в вычислениях, ибо не этими внешними величинами определяется строй и доходность хозяйства, а, наоборот, внутренние, в самом хозяйстве и его строе лежащие причины определяют величину его доходности и ту цену, по которой данный продукт мог бы быть доставлен хозяйством на рынок (154).

Но любопытно, что когда проф. А. Скворцов переходит к определению стоимости производства навоза (оговариваясь, что цену нерыночных продуктов, особенно навоза, приходится устанавливать все же до известной степени произвольно или, точнее, условно (стр. 157), то к числу расходов он относит денежный расход на оплату работы постоянных рабочих при лошадях и на уборку и хранение соломы после обмолота (182—3). Далее проф. А. Скворцов признает, что для хозяина важно бывает часто узнать, как оплачивается тот или другой, употребляемый в хозяйстве, материал, т. е., другими словами, для него важна оценка по высоте оплаты продуктов (стр. 191 и сл.); под оплатой же продукта проф. А. Скворцов разумеет всю сумму денег, полученную вследствие переработки в хозяйстве данного нерыночного продукта в меновые ценности (стр. 155). Но если все это так, то не доказывает ли это, что и при тех способах оценки нерыночных продуктов, которые рекомендует проф. А. Скворцов, мы все же не бываем в состоянии совершенно избежать обращения к ценам и деньгам.

То же самое, несомненно, будет происходить в социалистическом хозяйстве. Правда, здесь масса нерыночных продуктов будет гораздо более значительна, почему и определение себестоимости этих продуктов будет наталкиваться на еще большее затруднение. Но поскольку и при социалистическом строе сохранится заработная плата, т. е. цена труда, поскольку и при этом строе предметы потребления будут иметь свою цену, постольку, очевидно, и в социалистическом хозяйстве при определении себестоимости предметов, хотя бы и не предназначенных для

непосредственного потребления, нельзя будет отрешиться от цен и денег, ибо в стоимость этих продуктов будет введена цена труда и цена тех материалов и предметов, которые могут быть обращены не только на производство средств производства, но и непосредственно на потребление и, следовательно, должны носить на себе прямую потребительскую оценку (напр., железо для производства машин и железо для кровли). Кроме того, стоимость материалов, орудий и средств в производстве должна будет определиться стоимостью тех предметов непосредственного потребления, которые из них или с их помощью будут вырабатываться, но стоимость предметов потребления, как выше было указано, и в социалистическом хозяйстве будет выражаться опять-таки в ценах.

Переходим теперь к вопросу о деньгах.

Сохранятся ли деньги в условиях социалистического строя?

Родбертус и Каутский, как мы видели, отвечают на этот вопрос утвердительно. Но Родбертус мыслит себе деньги социалистического общества в форме «рабочих свидетельств», которые выдавались бы каждому производителю в удостоверение того, что им выполнено определенное количество нормального труда, и которое давало бы ему право в обмен на это удостоверение получить из общественных магазинов равную ценность в виде любых предметов потребления. Другими словами, проект Родбертуса сводится к проекту создания «рабочих денег». Последние, по мысли Родбертуса, будут служить в социалистическом хозяйстве орудием обращения, поскольку в нем вообще будет надобность (ибо для направления производства с одной ступени на другую при социализации всей земли и всего капитала в таком орудии уже не было бы нужды). При этом, с точки зрения Родбертуса, проектируемые им нормальные рабочие свидетельства являлись бы идеально-совершенными деньгами, ибо они, во 1-х, были бы совершенным мерилом ценностей, так как на каждом из них изображалась бы известная сумма ценности, выраженная в той же единице, в какой ценность была бы нормирована; во-2-х, были бы, безусловно достоверны, ибо выпускались бы лишь по мере изготовления обозначенных ими ценностей, и, в 3-х, исполняя в наивысшем совершенстве все функции денег, сами по себе были бы лишь не имеющими ценности клочками бумаги («Теория ренты и исследование о капитале», перевод А. А. Кауфмана, стр. 223—224).

Однако, если проектируемые Родбертусом нормальные рабочие свидетельства являлись бы лишь представителями соответствующих количеств труда, то не ясно ли, что именно поэтому они и не могли бы служить самостоятельным мерилом ценности, подобно тому, как не служит им банкнота, писанная и разменная на золото?

Что касается Каутского, то его соображения по вопросу о природе и функциях денег в условиях социалистического хозяйства (в брошюре «На другой день после социальной революции») отличаются чрезмерной краткостью и большой неясностью. Ясно, впрочем, что Каутский мыслит себе деньги социалистического государства не в форме рабочих свидетельств, а в форме денег, приближающихся по своему характеру и значению к теперешним деньгам. Однако, он полагает, что при социалистическом строе деньги утратили бы, по крайней мере, в сфере внутреннего обращения, некоторые из теперешних функций и прежде всего функцию мерила стоимости. Но тогда возникает вопрос «чем же будет измеряться ценность продуктов в социалистическом хозяйстве»? С точки зрения Родбертуса, мерилом ценности служило бы количество нормального труда. Но Каутский, как мы знаем, признает, что в социалистическом хозяйстве цены могут отклоняться от трудовой стоимости, а если так, то цены, очевидно, не могут измеряться трудовыми единицами, следовательно, должно понадобиться какое-то другое мерило ценности.

Для Туган-Барановского деньги являются тем признаком, с помощью которого он проводит разницу между социализмом и коммунизмом.

Под социалистическими системами он разумеет те системы, при которых сохраняется (в известных пределах) категория индивидуального дохода, логически предполагающая свободу распоряжения доходом, свободу расходования дохода по своему вкусу, а вместе с тем и право личного владения предметами потребления. При этих системах предметы потребления должны иметь свою цену, цена же должна быть выражена в деньгах.

Что касается коммунизма, то при нем категория индивидуального дохода совершенно упраздняется, а вместе с тем отвергается частная собственность на все предметы хозяйства без различия, в том числе и на предметы потребления. При этом коммунистический строй представляется Туган-Барановскому в двух различных формах. Возможен, прежде всего, коммунизм, принудительно нор-

мирующий предметы потребления; такой коммунизм, по мнению Туган-Барановского, должен быть решительно отвергнут, ибо он не совместим со свободной человеческой личностью. Во-вторых, теоретически можно себе мыслить и такую систему коммунизма, при которой будет осуществляться полная свобода потребления, т. е. такой порядок вещей, когда каждый член общества будет иметь возможность в неограниченном количестве и притом совершенно задаром получать от общественного хозяйства все те блага и услуги, в каких он нуждается. Но такое счастливое состояние, очевидно, создастся для человечества только тогда, когда оно уже перейдет из «царства необходимости» в царство свободы, т. е. когда, в сущности, уже не будет хозяйства, когда исчезнет самое понятие хозяйства, неразрывно соединяющееся у нас теперь с представлением о тяжелых трудовых условиях, с одной стороны, и недостатке благ — с другой. Как бы то ни было, но при коммунистическом строе в деньгах, разумеется, уже не будет необходимости, почему Туган-Барановский и проводит между социализмом и коммунизмом ту разницу, что общественное хозяйство при социалистическом строе будет носить денежный характер, а при коммунистическом строе — натуральный.

Итак, в социалистическом обществе деньги, по мнению М. И. Туган-Барановского, должны будут остаться. Но в социалистическом обществе, так думает Туган-Барановский, деньги будут уже совершенно иной природы: ничего общего с товаром они иметь не будут. «Социалистические деньги — пишет цитируемый нами автор — явятся вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества, как, напр., метрическая система мер была результатом сознательного творчества революционной Франции. Даже более — социалистические деньги в гораздо большей степени, чем метр или аршин, будут актом общественного творчества, ибо метр или аршин все же определенные об'ективные величины, доли об'ективного протяжения. Чтобы измерить длину того или иного предмета, нужно физическое измерение этого предмета при помощи данного физического орудия измерения — метра или аршина. Напротив, единица измерения цен, чем будет социалистическая денежная единица, никакой физической реальностью обладать не будет и даже сама по себе отнюдь не будет ценностью».

Что же будет представлять из себя денежная единица в условиях социалистического строя? Она будет представлять собою просто условный знак, необходимый для счета. «Единицей измерения цен при социалистическом строе будет не ценность того или

иного конкретного предмета и не трудовой час или какая-нибудь другая конкретная величина. Единицей измерения цен будет условный знак, не заключающий в себе никакой ценности. Этот условный знак не имеет сам по себе определенного содержания. Но он получает это содержание, если оказывается, что в одном продукте этих условных величин более, чем в другом».

Какое же, однако, значение может иметь такое условное, фиктивное измерение? По мнению Туган-Барановского, такое условное измерение, безусловно, имеет значение и расширяет наше знание о предметах, ибо «денежное выражение ценности имеет своей целью не определение абсолютных размеров ценности того или иного продукта, а установление соотношения между покупательными средствами того или иного лица и ценами всех продуктов, на которые могут быть затрачены данные покупательные средства. Без знания этого соотношения нельзя знать, какие продукты и в каком количестве могут быть приобретены данным лицом. Для того, чтобы это соотношение было выражено, нет необходимости определять абсолютную величину ценности покупательных средств, а достаточно лишь соотношение цен».

«И в области физических явлений,—поясняет далее свою мысль М. И. Туган-Барановский,—мы сплошь и рядом производим такое фиктивное измерение, которое вполне удовлетворяет нашим практическим целям. Так, измеряя теплоту термометром, мы определяем температуру не количеством тепловых единиц, а условным признаком — расширением столбика ртути. Сами по себе показания столбика ртути не дают никакого знания о количестве теплоты, но они обнаруживают соотношения температуры в той или иной среде, а это все, что нам нужно для данных практических целей. Совершенно также и условная счетная денежная единица в социалистическом хозяйстве, не давая никакого знания об абсолютной величине ценности, явится основанием для измерения соотношений между покупательными средствами и ценами приобретаемых продуктов, а также соотношения цен друг к другу. На практике больше ничего и не потребуется. Итак, социалистические деньги могут прекрасно функционировать, не обладая сами ценностью. Денежная единица при социализме не будет единицей ценности, как ныне, а единицей измерения цен подобно тому, как один градус по Цельсию не есть единица теплоты, но единица измерения температуры».

Какие функции могут выполнять социалистические деньги?

По мнению М. И. Туган-Барановского, в пределах данного государства бумажные деньги социалистической эпохи будут выполнять только часть функций современных денег. Они не будут мерилом ценности, а только масштабом цен; рядом с этой функцией они будут выполнять функцию всеобщего платежного (покупательного) средства. Вместе с тем в большей или меньшей мере они будут орудием обмена, во-первых, в сношениях между отдельными хозяйственными группами внутри государства, поскольку при социалистическом строе известная часть средств производства будет эксплоатироваться за свой собственный счет отдельными общественными группами различного состава и даже отдельными лицами, а, во-вторых, в области международных хозяйственных сношений. Какой внешний вид будут иметь социалистические деньги, это, по мнению М. И. Туган-Барановского,—вопрос техники и практического удобства. Можно себе представлять, что это будут деньги, подобные современным бумажным, т. е. отдельные бумажные листы, переходящие из рук в руки, или же социалистические деньги будут иметь характер именных чековых книжек, вручаемых каждому гражданину на определенную сумму, причем оплата приобретаемых продуктов будет производиться чеком. Наконец, можно себе представить, что и чековых книжек не будет, а каждому будет открываться именной кредит, с которого и будут списываться при покупках соответствующие суммы. В этом последнем случае не было бы денежных знаков, как особых предметов. Но деньги все-таки останутся хотя и в идеальной форме открываемых кредитов на известные суммы.

Денежные единицы могут носить те же названия, что и ныне,—рубля, франка, марки, фунта стерлингов и т. д. Но, конечно, это будут те же названия для вещей совершенно различного рода, ибо «социалистический франк не будет монетой золотой или серебряной, а простым условным знаком. Применение старых денежных названий, по мысли Туган-Барановского, удобно в том отношении, что облегчило бы переход к новым условиям общественного хозяйства: социалистическому обществу не пришлось бы производить новой расценки в новых денежных единицах всех продуктов, и оно получило бы возможность унаследовать (конечно, с нужными изменениями) цены капиталистической эпохи. «Во всяком случае,—замечает М. И. Туган-Барановский,—было бы очень нецелесообразно присваивать денежным единицам будущего трудовые названия, напр., назвать денежную единицу

1 часом труда и т. п. Нецелесообразно это было бы потому, что, как бы ни назвать денежную единицу, цены в социалистическом обществе не могут всегда соответствовать трудовым стоимостям продуктов, и трудовые названия денег были бы, таким образом, словом без определенного содержания или, точнее, словами, вводящими в заблуждение, что, во всяком случае, не может считаться желательным» («Социализм, как положительное учение», стр. 17 и сл., 96 и сл. и 107—109).

На социалистических, чисто номиналистических, деньгах Туган-Барановского мы должны будем здесь вкратце остановиться.

Как мы видели выше, Туган-Барановский утверждает, что единицей измерения цен в социалистическом обществе будет условный знак, не заключающий в себе никакой ценности. Это положение не вызвало бы с нашей стороны никаких возражений, если бы при этом имелось в виду только то, что при социалистическом строе (так же, впрочем, как и при капиталистическом) могут циркулировать бумажные деньги, не имеющие внутренней ценности. Но Туган-Барановский хочет в данном случае доказать совсем другое. Он хочет доказать, что описываемые им социалистические денежные знаки не только будут лишены внутренней ценности, но и сама социалистическая денежная единица будет представлять собою условную величину, лишенную определенного содержания.

Однако, всякая величина, хотя бы и условная, все же представляет собою известную конкретную величину. Аршин, пуд, градус Цельсия или Реомюра—суть условные единицы измерения, но, вместе с тем, все же конкретные величины. Ясно, что и денежная единица не может не быть известной величиной.

Туган-Барановский не согласен с этим и рассуждает таким образом. Пусть единица социалистической цены есть X. Сказав, что цена продукта есть X, я, конечно, ничего не сказал о величине цены этого продукта. Однако, дело принимает совершенно иной вид, если продолжить этот процесс определения цены продуктов в фиктивных ценностных единицах. Пусть цена одного продукта равняется X, цена же другого продукта равняется 2 X; это второе измерение мы получаем, знав, что ценность второго продукта вдвое выше, чем первого. Туган-Барановский сам признает, что в данном случае то утверждение, что ценность второго продукта вдвое выше первого, не есть вывод из выражения ценности в фиктивных ценностных единицах, а, наоборот, это последнее выражение есть вывод из нашего знания, что ценность второго продукта вдвое выше,

чем первого. Однако, он полагает, что подобные условные обозначения все же имеют весьма важное значение, так как дают нам соотношение цен различных продуктов.

Развивая все эти соображения, Туган-Барановский не замечает только одного, того, что если мы сведем ценности всех продуктов к ценности продукта А, а ценность самого продукта А обозначим X, приняв X за денежную единицу, то это и будет означать, что мы измерим продукты денежной единицей, равной по величине ценности продукта А, т. е., другими словами, наша денежная единица X получит в данном случае определенную конкретную величину.

В доказательство возможности проектируемых им социалистических денег, как чисто условных знаков, Туган-Барановский ссылается на то, что и в области физических явлений мы сплошь и рядом производим чисто условное, фиктивное измерение, которое однако, вполне удовлетворяет нашим практическим целям. Так, например, измеряя теплоту термометром, мы определяем температуру не количеством тепловых единиц, а условным признаком—расширением столбика ртути, хотя все показания столбика ртути сами по себе не дают никакого знания о количестве теплоты. Но в том то и дело, что столбик ртути, обладая физической реальностью, поддается воздействию температуры, в точности отражая на себе ее изменения, почему по движению столбика ртути (его расширению или сжатию) мы и можем судить об измерении температуры. Между тем, социалистические деньги Туган-Барановского не будут заключать в себе никакой ценности, а, следовательно, и не будут отражать на себе движения цен.

Ведь у нас нет такого аппарата или инструмента, который автоматически измерял бы цены товаров, и мы знаем, как это подтверждается всей историей денежного обращения, что цены товаров могут измеряться только ценами же, товарами, имеющими известную цену. Вот почему на первых порах денежного обращения в качестве денег всегда выступают предметы, обладающие внутренней ценностью, и вот почему никакая государственная власть не может создать новой денежной единицы, не вложивши в нее материального содержания, не обеспечив ее размен на определенное количество тех или иных реальных ценностей.

Сравнение денежной единицы с термометром, которое приводит Туган-Барановский, скорее говорит как раз против его точки зрения. В самом деле, почему столбик ртути показывает нам температуру? Потому, что он сам подчинен действию этой последней, точно также

и денежная единица лишь постольку может измерять ценности поскольку, будучи известной ценностной величиной, она сама подлежит закону ценности.

Нет сомнения, что и социалистическая власть не смогла бы создать такую денежную единицу, которая измеряла бы ценности, сама никакой ценностью не обладая. Правда, социалистические деньги, по мысли Туган-Барановского, и не будут служить мерилом ценности; они будут служить только масштабом цен, но ведь функция денег, как масштаба цен, могла возникнуть только на основе их функции, как мерила ценности. Только после того, как все товары измерены денежной единицей и получили соответствующую денежную оценку, мы, на основании этих денежных оценок, начинаем определять соотношение цен отдельных продуктов. Так, если я в каком-либо прейс-куранте вижу, что предмет А стоит 5.000 р., а предмет В—10.000 р., то отсюда я заключаю, что цена предмета А относится к цене предмета В, как 1 : 2, и иногда для нас только это и важно бывает знать — не то, какую ценность представляет предмет А и предмет В, а то, каково соотношение цен этих двух предметов. В этом случае деньги уже выступают в роли как бы условного масштаба цен—условного в том смысле, что масштаб этот может быть и большего и меньшего размера. Так, в приведенном нами примере цена предмета А относится к цене предмета В, как 5000 : 10000. Но соотношение между ценами этих двух предметов осталось бы тем же самым и в том случае, если бы цены эти относились друг к другу как 10000 к 20000 или как 2500 к 5000 и т. д.

Однако, повторяем, деньги становятся масштабом цен только тогда, когда цена каждого отдельного товара получила свое выражение в известной сумме денежных единиц, как своем ценностном эквиваленте, и когда, уже через посредство денег, установились определенные соотношения не только между ценами всех товаров и деньгами, но и между ценами самих товаров.

Итак, наши основные возражения против проекта социалистических денег Туган-Барановского сводятся к следующим положениям:

1) так как нельзя себе представить такого общественного хозяйства, которое было бы совершенно чуждо гетерогенического элемента, то нельзя допустить и возможности таких денег, которые являлись бы «вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества». Туган-Барановский впадает в явную непо-

следовательность, когда он, с одной стороны, утверждает, что социалистические деньги являются всецело актом сознательного общественного творчества, а, с другой стороны, сам признает, что закон спроса и предложения сохранит свою силу и в условиях социалистического строя;

2) Туган-Барановский впадает в данном случае в ту же ошибку, в которую впал в свое время Джемс Стюарт, не понявший превращения мерила ценности в масштаб цен (см. по этому поводу К. Маркс—«К критике политич. экономии», русск. пер. П. П. Румянцева, стр. 66—68).

Отметим еще, что полезность существования и при социалистическом строе чего-то похожего на нынешние деньги признается даже некоторыми коммунистами. На этой точке зрения стоит, например, Е. Преображенский, который полагает, что натурализация заработной платы и введение рабочих книжек, по которым служащие и рабочие социалистического государства будут получать от государства необходимые продукты, введение рабочих книжек для крестьян, сдающих свои излишки государству и получающих продукты индустрии, совсем не делает излишним введение особого рода краткосрочных расчетных знаков, в роде чеков или талонов. «Эти знаки, вероятно, придется ввести для удобства распределения, с тем, чтобы каждый работник-потребитель мог получить нужное ему количество продуктов с учетом его индивидуальных склонностей».

Эту свою мысль Е. Преображенский поясняет следующим соображениями. «Допустим,—говорит он,—в складах государственных кооперативов приготовлены для распределения: мануфактура, обувь, сласти, игрушки, ежемесячно, в среднем, каждый рабочий может пойти в театр и т. д. Если на все эти продукты и развлечения выдаются талоны, то один предпочтет получить лишний фунт сахара, другой—лишний аршин мануфактуры, третий—не раз, а два захочет пойти в театр за счет получения продуктов питания, четвертый предпочтет уступить очередь в театр за лишний десяток яиц, пятый захочет получить два пуда яблок от крестьянина, отказавшись от обуви, и т. д. Такой обмен талонами внутри потребителей ничего не меняет ни в самой системе распределения, ни в количестве подлежащего распределению продукта, но в то же время предоставляет достаточный простор для более полного удовлетворения индивидуальных потребностей. Поэтому выпуск таких чеков или талонов, как с обозначением продуктов, которые на них можно получить, так и без обозначения, с указанием лишь тру-

довой ценности талона (есть масса продуктов самых разнообразных, фиксировать названия которых на талон нет ни возможности, ни смысла), будет весьма необходим на тот, весьма продолжительный, период времени, когда социалистическое общество не в состоянии будет дать каждому работнику все необходимое по его потребностям. Такие талоны и обмен ими будут играть существенную роль, как известный корректив к нормам социалистического распределения. Деньги, как средство обращения и накопления, умрут вместе с товарным хозяйством, но одна положительная их сторона—возможность каждому получить в первую голову и в большем размере то, что ему больше нужно (правда, в определенных пределах)—сохранится, поскольку будет введена хорошо рассчитанная в своих пропорциях система талонов» («Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры», стр. 83—84).

Из приведенной цитаты видно, что Е. Преображенский стремится примирить принцип свободы выбора хозяйственных благ с принципом нормирования потребления. Таким путем он избегает возражения, которое направляет по адресу социалистов, допускающих свободу потребления, А. М. Рыкачев, указывающий на то, что «сохранение свободы выбора хозяйственных благ в государстве будущего» означало бы сохранение коммерческих принципов, сохранение товарного характера за производством хозяйственных благ («Деньги и денежная власть», стр. 100—101). Но, с другой стороны, сохраняя нормирование потребления и допуская свободу потребления только в известных ограниченных пределах, Е. Преображенский проявляет некоторую половинчатость и по существу не устраняет своего конфликта с принципом максимального удовлетворения.

Попытаемся теперь, имея в виду изложенные выше суждения отдельных авторов, высказать свою собственную точку зрения по затронутому нами вопросу, а именно по вопросу о том, сохранятся ли или не сохранятся деньги в социалистическом обществе? Впрочем, правильнее было бы этот вопрос поставить в более общей форме и сформулировать его так: возможно ли какое бы то ни было общественное хозяйство без употребления денег?

Тот тезис, который мы выставляем по этому вопросу, сводится к следующему: никакое общественное хозяйство (поскольку оно остается под действием закона ценности) не может существовать без денег; доказатель-

ством этого служат, во-первых, та тесная внутренняя связь, которая существует между понятием денег и понятиями ценности и цены, и, во-вторых, анализ самой сущности денег.

Из предыдущего изложения должно было стать ясным, что никакое хозяйство и никакое хозяйствование немыслимы без понятия ценности, откуда мы сделали еще и тот вывод, что построение хозяйства на основе чисто материального (не ценностного) учета представляется поэтому невозможным. Что же касается самих проэктов чисто материального учета, то наши основные выводы по этому вопросу сводятся к следующему. Вещно-натуралистическая точка зрения всегда оказывала влияние на экономическое мышление (физиократы) и отразилось в ряде понятий, напр.: понятии производительности труда, с которым связано понятие трудовой стоимости, понятии производительных сил, продукта, техники хозяйства и т. д.), с которыми мы постоянно оперируем. Дело в том, что между количеством благ и их ценностью существует несомненная связь и зависимость, ибо есть случаи, когда ценностная производительность, несомненно, обусловлена физической или вещной производительностью, когда прибавочная ценность явственно прикрепляется к прибавочному продукту (Струве, П. Б. «Хозяйство и цена», ч. II, стр. 13). Мы только не можем предположить, что эта зависимость величины ценностей от массы благ является строго определенной. Конечно, если бы мы, согласно известной формуле проф. Туган-Барановского, могли думать, что «полезность последних единиц свободновоспроизводимых продуктов каждого рода — их предельная полезность — должна быть обратно пропорциональна относительному количеству этих продуктов, производимому в единицу рабочего времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех же продуктов» (Основы политической экономии, 2 изд., стр. 47), то в таком случае это в сущности значило бы, что по количеству благ мы можем судить об их ценности. Но формула Туган-Барановского основана на т. н. втором законе Госсена, который вызывает против себя ряд возражений и в который сам Туган-Барановский вносит некоторые поправки (там же, стр. 48, прим.).

Если бы формула Туган-Барановского была верна, то в таком случае, при увеличении запаса благ, совокупная ценность этого запаса никогда не могла бы возрасти, так как ценность единицы блага обратно пропорционально понизилась бы, а между тем Струве, напр., находит возможным утверждать, что нормальным случаем

зависимости величины ценности от массы благ является прямая, положительная зависимость величины ценностей от массы благ». Для уяснения Струве берет простейший случай, когда при данной затрате труда и капитала масса благ увеличивается. «Нормально при этом ценность единицы падает, а совокупная ценность растет. Это означает, что чем производительнее производственный процесс, тем большая величина ценности нормально прикрепляется к его продукту» (Хозяйство и цена, ч. II, стр. 6—7). Таким образом, повторяем, зависимость величины ценности от количества продукта, несомненно, существует, однако, мы не можем считать ее строго определенной—такой, которая поддавалась бы чисто арифметическому вычислению. Вот почему вещно-натуралистическая точка зрения хотя и правомерна, но лишь в известных пределах, и было бы неправильно на ней одной строить хозяйственный расчет.

Чисто материальный учет всего более применим там, где возможна натуральная сравнимость, т. е. где нам приходится иметь дело с физическим приращением, однако, и здесь обойтись без ценностного учета мы не можем, т. к. и в этих случаях чисто материальный учет мог бы привести нас к неправильным заключениям. Так, с точки зрения чисто материального учета нужно было бы признать, напр., животноводство нерациональным занятием, т. к. животные, перерабатывая растительные продукты, возвращают в питательном веществе только часть той энергии, которая аккумулирована растением. Однако, продукты животноводства ценятся потребителями настолько высоко, что занятие животноводством, тем не менее, оказывается выгодным. При этом рыночная оценка продуктов не всегда бывает рациональна, т. е. не всегда соответствует питательному значению продукта, однако, все такого рода оценки, хотя бы и не рациональные, об'ясняющиеся влиянием вкусов привычек и т. п. оказывают влияние на производство (см. Струве, н. с., ч. 2, стр. 51, ср. Скворцов, А. А. проф. «К вопросу об оценке нерыночных продуктов в сельско-хозяйственном счетоводстве», в изв. Петровской Академии, VIII, стр. 57, где факт расхождения рыночных цен с содержанием питательных веществ констатируется также, в отношении кормов для животных).

Отметим еще, что вещно-натуралистическая точка зрения естественно приводит к теории вменения, а теория вменения легко переходит в соответствующую теорию распределения. Впрочем, Н. Бухарин, который в последнее время особенно выдвигал необходимость вещно-натуралистической точки зрения (см. «Экономику переходного периода»), видимо, не

боится этих последствий, т. к. он определенно признает, что вменение ценности продукта различным производственным факторам есть некоторый реально протекающий психологический процесс. (Политич. экономия Рантье, стр. 105—106). Но, во всяком общественном хозяйстве, поскольку оно остается хозяйством и притом, именно, общественным, а не индивидуально-замкнутым, суб'ективные оценки неизбежно трансформируются в об'ективную социально-экономическую форму цены. Во всяком общественном хозяйстве, на каких бы началах оно ни было построено, должна остаться цена. Цены же находят свое выражение в деньгах. Следовательно, во всяком общественном хозяйстве должны сохраниться и деньги. С этой точки зрения прав А. М. Рыкачев, указывающий, что предпосылкой всех его рассуждений о деньгах была общая мысль, что там, где нет употребления денег, нет и цен, нет и рынка, нет и проблемы ценности в обычном смысле этого последнего термина (ук. соч., стр. 78). Действительно, все эти понятия—ценность (суб'ективная), цена и деньги, находятся в тесной связи между собою (хотя и не могут быть непосредственно дедуцированы одно из другого) и, если так можно выразиться, держатся друг другом. Но в основе всего лежит ценность (суб'ективная), и именно поэтому в условиях индивидуального хозяйства весь хозяйственный процесс может совершаться на основе чисто суб'ективных оценок, не выливающихся в форму цен и денег, хотя и заключающих в себе зародыши как явления цены, так и явления денег. В общественном хозяйстве неизбежно возникает социально-об'ективное явление—цена. На основе же явления цены столь же неизбежно возникает феномен денег.

К этому же выводу мы должны будем придти, если будем исходить из анализа сущности денег.

В самом деле, в чем заключается сущность денег? На наш взгляд, наиболее правильный подход к разрешению этой проблемы (так же, как и многих других) мы находим у П. Б. Струве. К сожалению, однако, свои взгляды по этому вопросу Струве высказывает мимоходом, иногда в форме отдельных коротких замечаний, в которых мысль автора не получает достаточно полного развития и обоснования.

Одно из таких коротких замечаний по вопросу о природе и сущности денег мы находим у Струве в самом начале его работы «Хозяйство и цена», там, где, анализируя отдельные моменты, входящие в состав даваемого им определения хозяйства, он останавли-

вается на понятии экономического принципа. «Подчинение хозяйствования принципу наименьшей траты предполагает количественное сравнение или измерение как актов, так и результатов хозяйствования. Вне возможности подобного измерения не может быть рационального хозяйства. Измерение и измеримость актов и результатов хозяйствования есть основа явления денег и определяет собою их существо» («Хозяйство и цена», ч. I, стр. 45).

В другом месте вопрос о природе денег П. Б. Струве ставит в связи с вопросом о характере общественно-экономического процесса вообще. Этот процесс, по мысли Струве, характеризуется основным имманентным дуализмом. В нем существует два рода явлений, в каждый данный момент или, вернее, в каждом изучаемом отрезке времени существенно отличающиеся один от другого. Один ряд, могущий быть рациональным, т. е. направленным согласно воле того или иного суб'екта, другой ряд, не могущий быть рационализированным, протекающий стихийно, вне соответствия с волей какого-либо суб'екта (ук. соч., ч. I, стр. 60—61). При этом граница между «естественным» и «рациональным» элементом в общественно-хозяйственной жизни, по мысли Струве, не есть граница постоянная. Наоборот, она в высшей степени текуча, так как человечество, несомненно, двигается по пути все большей и большей рационализации общественно-хозяйственной жизни, как в ее целом, так и в отношении отдельных ее феноменов, как цена и деньги (там же, стр. 66).

С этим же дуализмом общественно-экономического процесса мы сталкиваемся и при обсуждении проблемы денег: «Есть ли деньги условное установление, всецело подчиняющееся единой телеологической воле суб'екта, или они суть явление, имеющее свою стихийную закономерность? Таков тот вопрос, который, по мнению Струве, мы должны себе поставить, если мы хотим выяснить природу денег. При этом, как раз'ясняет Струве, вопрос этот, т. е. вопрос о том, есть ли деньги явление «естественное» или «рациональное», гетерогеническое или автогеническое, и в какой мере в деньгах представлен элемент естественный и элемент рациональный, совершенно не совпадает или, по крайней мере, не на всем своем протяжении совпадает с тем вопросом, который в теории денег разделяет «номиналистов» и «металлистов». Дело в том, что вопрос о том, прикрепляется ли качество настоящих денег лишь к такому предмету, который в том самом качестве, в котором он употребляется как деньги, имеет цену и помимо денежного употребления,

или деньги могут существовать независимо от такого материально-товарного субстрата,—этот вопрос, говорит Струве, ни исторически, ни—что для нас важнее—статически не совпадает с вопросом об естественности или рациональности денег. Могут ли настоящие деньги быть не материальны с точки зрения товарного оборота, этот вопрос означает совсем не то же, что вопрос о том, суть ли деньги созданье государства и политики, т. е. явление, для которого существенным является «рациональный» элемент. Смешение этих двух различных вопросов, по мнению Струве, происходит потому, что нематериальные деньги генетически также, повидимому, регулярно вытекают из деятельности государства, из рационального источника, как деньги материальные возникают независимо от государства, развиваются стихийно из менового оборота, однако, заявляет Струве,—«генезис той или другой формы денег нисколько не решает вопроса об их природе (в систематическом смысле)» (там же, стр. 74—75).

Сказанным определяется отношение П. Б. Струве к государственной теории денег Кнаппа. Заслуга Кнаппа, по мнению Струве, заключается в том, что он на истории денежного обращения некоторых современных государств подметил и изобразил процесс рационализации денег, главным агентом которого является государство, почему весь процесс принимает характер огосударствления. Этим об'ясняется, почему Кнапп так легко поддался соблазну свои наблюдения над процессом рационализации и огосударствления денег обобщить в систематическую форму государственной теории денег. Однако, именно тот факт, что в истории денег, как это настойчиво подчеркивается самим Кнаппом, действует начало гетерогонии целей, свидетельствует о том, что деньги не суть просто государственное явление. Но, кроме того, государство не есть единый мыслимый и реальный творец автогенических денег. Поэтому государственной теории денег Струве противопоставляет общественное понимание денег, т. е. то понимание их, которое видит в деньгах не продукт государства, как источника рациональных действий, а продукт общества, понимаемого в смысле гетерогенического явления, в котором растворяются рациональные действия государства. Таким образом, государственному пониманию денег логически противостоит общественное понимание их (в указанном выше смысле), а вовсе не металлизм, как думает сам Кнапп. Правда, процесс рационализации денег, совершающийся через посредство государства, повидимому, окончательно отрывает

деньги от их металлической основы. Вот почему государственная теория денег Кнапна противополагает себя металлизму. Однако, в своем походе против «металлизма» сам Кнапп смешал две указанных выше проблемы—проблему сочетания в деньгах гетерогенического и автогенического элементов с проблемой металлизма и номинализма, и в этом, по мнению Струве, заключается главный коренной порок его теории. «В критике металлизма, он (Кнапп) победоносен, всегда попадает в цель, но «государственной» природы денег он вовсе не доказывает» (стр. 75).

Но как же сам Струве отвечает на поставленный им вопрос о том, суть ли деньги по существу явление автогеническое или гетерогеническое? Отвечая на этот вопрос, Струве говорит: «Тут мы сразу должны повиниться в «половинчатости». Оставаясь на почве фактов, мы на явлении денег, на разных ступенях их развития можем констатировать лишь основной дуализм общественного экономического процесса. Момент естественный, гетерогенический в огромной мере преобладает в деньгах в течение очень продолжительного времени, но момент рациональный, автогенический никогда не отсутствует в них. Задача истории развития и теории денег заключается в том, чтобы в реальном явлении денег, рассмотреть и взвесить действие этих элементов (79)».

Природы денег Струве касается еще в третьей главе (указная цена с денег) первой части своей книги «Хозяйство и цена». В этой третьей главе он развивает следующие положения. Прежде всего он устанавливает, что государственный характер денег есть лишь частный случай указной цены. Но указный характер денег, по мнению Струве, развился не из указного характера товарных цен, а из той их функции, которую Кнапп с правильным историческим чутьем поставил в главу понимания всего явления денег, из их функции, как платежного средства.

«Повидимому,—говорит, далее, Струве, всеобщим средством обмена и мерилом ценности, прежде всего, становятся те предметы, которыми первоначально производятся обязательные платежи. Но вполне естественно, что это суть в то же время по общему правилу наиболее обменоспособные, наиболее ходячие товары. Деньги, таким образом, вырастают из двух корней: из обмена (акт двухсторонний) и из уплаты (акт односторонний). Но поскольку деньгам присущ характер государственный, публично правовой, постольку они суть область регулирования, явление автогеническое в нашем смысле,

они выростают из «платежного» строя, из регулирования порядка уплат (417)».

Что указной характер денег вытекает из их функции, как платежного средства, это, по мысли Струве, подтверждается тем, что те ценностные скалы разных товаров, которые устанавливались в примитивных условиях, представляли собою, в сущности, не нормы обмена, а нормы платежа, обозначали цены, которые, в отличие от цен продажных, Струве называет ценами платежными или солюционными.

Итак, цена денег, с точки зрения Струве, носит указный характер, причем указная цена и находит свое выражение, прежде всего, в форме фиксации цены, сначала — товаров, а потом денег — монеты, откуда Струве далее делает тот вывод, что грань между деньгами и товаром есть в то же время грань между ценой указной и вольной. Однако, Струве сейчас же спешит оговориться, что указной характер денег не означает всемогущества государства в области денежного обращения. «Государство,—пишет он,—это показывает вся история денежного обращения всего мира—не всемогуще, но и не бессильно по отношению к деньгам. Связь денежного обращения с государством и его интересами превращает денежную политику в широком смысле в подлинное управление. Секрет силы и действительности этого управления заключается, с одной стороны, в реальной денежной и, вообще, экономической власти самого государства, с другой стороны—в ясном понимании и соблюдении границ этой власти. Возможность освобождения денежного обращения от материальной (металлической или иной) основы определяется не просто явлением государства, а рациональным, основанным на знании реальных условий денежного обращения, характером этого явления. «Идеализация» или «номинализация» денежного обращения сводится не к простому приказу: это есть проблема рационального овладения сплошным переплетом явлений, в которых гетерогенический элемент играет крупнейшую роль. Игнорирование этого элемента, «превышение» экономической власти государства, тотчас же даст себя знать крушением денежной политики: управление денежным обращением превратится в денежную анархию» (стр. 321).

Остановимся теперь еще на тех коротких, но очень ценных, замечаниях Струве по вопросу о природе и сущности денег, которые мы находим во второй части его работы «Хозяйство и цена». Здесь, прежде всего, должно быть отмечено положение Струве,

согласно которому «хозяйственные блага суть необходимо блага, носящие на себе знак цены, выражаемые или выразимые в деньгах». Хозяйственным благом, по мысли Струве, та или иная вещь или услуга является лишь постольку, поскольку она приобретает цену. Хозяйственной жизни не то что не существует, ее нельзя конструировать вне так или иначе осуществляющего процесса установления цен.

Правда, для установления цен нужны деньги. Но это обстоятельство Струве не смущаст. «В только что указанном основном смысле,—говорит он,—хозяйственная жизнь без денег не представима. Ибо явление денег, по самой своей сути, сводится не к той или иной технике обмена и даже вовсе не требует свободного менового хозяйства. Существо денег есть не более и не менее, как так или иначе и для тех или иных целей осуществляющаяся постоянная измеримость и обратимость «благ», превращающая их в цены» (Стр. 44).

Говоря это, Струве не забывает того, что в единичном, напр., семейном хозяйстве, как он и сам утверждал в другом месте, «может не быть фактической (психологической) надобности в точном сравнении и измерении разных вещей и услуг». Однако, эта фактическая ненужность об'ективной оценки или установления цен нисколько, однако, не устраняет того, что, если суб'ект такого хозяйства захочет отдать себе отчет в своем хозяйстве, захочет вести ему счет и учет, то он выдумает именно... деньги (стр. 44—45).

Необходимо отметить еще и другую мысль Струве, ту его мысль, что деньги так же, как и цена, представляют собою некую данность, которая не может быть непосредственно дедуцирована из понятия ценности. Понятия: хозяйственное благо, цена—ценность, деньги,—одно без другого держаться не могут. Причем, по мысли Струве, указанный логический порядок этих понятий можно смело перевернуть и представить его в таком виде: деньги, цена—ценность, хозяйственное благо.

Ибо,—поясняет эту свою мысль Струве,—во всех этих трех понятиях пред нами лишь разные аспекты единого по существу явления, эти разные аспекты суть в то же время для непосредственного наблюдения и эмпирического исследования экономиста три основные данности.

«Без идеи измерения, измеримость сравнимости, которые есть существо денег, не могут быть мыслимы экономические понятия цены—ценности и блага. Но и наоборот: деньги, как специфиче-

ское явление всеобщего орудия мены и платежа, есть лишь воплощение идеи измеримости благ, находящихся в обороте и получающих цену. Это ясно из всех социалистических проектов отмены или реформы денег, которые теоретически тем интересны, что они устанавливают именно неупразднимость денег. Социализм может упразднить частную собственность, может устранить свободу оборота, но не может устранить ни денег, ни цен, ибо самая идея «справедливого разделения» благ предполагает их измеримость и требует их измерения» (68—69).

Изложенное понимание денег, развиваемое Струве, по его мнению, заключает в себе окончательное теоретическое оправдание номинализма, который, однако, вовсе не должен быть «государственным» пониманием денег: «В функциональном существе денег, как орудия ценностного измерения, говорит Струве, заключается возможность денег только «номинальных»... (стр. 68, прим.)».

Мы остановились так подробно на изложении взглядов Струве потому, что, как это уже было отмечено нами выше, мы находим у него, с нашей точки зрения, наиболее правильный подход к разрешению проблемы денег. Его основную мысль, сводящуюся к тому, что природа денег двойственна, что в деньгах переплетаются два элемента—элемент естественный, гетерогенический и элемент рациональный—автогенический, причем соотношение между этими двумя элементами не является постоянным, но меняется в истории, эту мысль мы считаем совершенно правильной и дающей ключ к пониманию эволюции денежного обращения. Но, как это уже было отмечено нами выше, у Струве мы не находим вполне законченной и детально разработанной теории денежного обращения. Вот почему многие вопросы, неизбежно возникающие при изучении проблемы денег, у него остаются неразъясненными.

Одним из таких вопросов, неизбежно возникающих при выяснении понятия и сущности денег, является вопрос о различных функциях денег и об отношении этих функций между собою. К сожалению, на этот вопрос мы не находим у Струве вполне определенного и ясного ответа.

С одной стороны, подчеркивая указный характер денег и признавая, что тарифирование товаров на случай datio in solutum, где бы оно ни встречалось, означает исключение из общего факта господства и исторического первенства вольной цены (ч. 1, стр. 319), Струве тем самым приближается к Кнаппу, которому он ставит в заслугу то, что он, с правильным историческим чутьем, поставил во

главу понимания всего явления денег функцию их, как платежного средства. И в одном месте Струве даже прямо признает, что, повидимому, всеобщим средством обмена и мерилом ценности, прежде всего, становятся предметы, которыми первоначально производятся обязательные платежи. Однако, с другой стороны, признать функцию платежного средства основной функцией Струве не может, потому что такого рода признание означало бы, вместе с тем, признание того, что деньги суть чисто автогенное явление, а это стояло бы в противоречии со всем тем, что он сам говорит о роли и значении гетерогенического элемента в деньгах.

Итак, хотя роль автогенического элемента в деньгах все более усиливается, и, в частности, значение государственного управления в области денежного обращения все более возрастает, тем не менее, признавая, что природа денег двойственна, и что в деньгах всегда присутствует и гетерогенический элемент, мы, очевидно, не можем функцию денег как платежного средства, принимать за их основную функцию. Не можем также мы, с точки зрения учения, развиваемого Струве, видеть основную функцию денег в их функции, как орудия обращения или обмена. Правда, у самого Струве мы по этому вопросу не найдем вполне ясного и определенного мнения. Так, он говорит, напр., что деньги вырастают из двух корней: из обмена (акт двухсторонний) и из уплаты (акт односторонний); и это может дать повод думать, что деньги, по мысли Струве, неразрывно связаны с меновым хозяйством, подобно тому, как само меновое хозяйство неразрывно связано с деньгами, ибо без денег невозможно самое теоретическое представление о состоянии равновесия в обмене (у.с.,ч. II, стр. 66, прим.) Однако, с другой стороны, Струве указывает, что явление денег по самой своей сути сводится не к той или иной технике обмена и даже вовсе не требует свободного менового хозяйства. Действительно, как мы видели, Струве считает, что деньги нельзя будет упразднить в социалистическом хозяйстве. Мало того, он думает, что даже субъекту единичного, напр., семейного хозяйства, если бы он захотел отдать себе отчет в своем хозяйстве, захотел вести счет и учет, пришлось бы выдумать.... деньги.

Правда, поскольку эти деньги будут выдуманные, постольку они, очевидно, не будут настоящие (деньги без гетерогенического элемента), но мы согласны со Струве в том, что зачатки феномена денег заложены уже в индивидуальном (безобменном) хозяйстве,

почему мы и не можем, подобно К. Менгеру (см. его статью «Das Geldl» в «Handwörterbuch des Staatswissenschaften», 3. Auflage) функцию денег, как орудия обмена, считать их основной функцией, т. е. такой функцией, из которой могут быть выведены все остальные функции, или которая, по крайней мере, является необходимым условием других функций.

У нас остается еще одна главная (если не считать второстепенных) функция денег, а именно функция их, как орудия ценностного измерения. Как известно, некоторые экономисты очень умаляют значение этой функции и даже относят ее к числу производных (см., напр., указанную статью Менгера, ср. Рыкачев, ук. соч., стр. 83—85). Однако, Струве, видя в деньгах воплощение идеи измеримости благ, естественно должен был выдвинуть эту функцию на первый план. Для него, как мы видели, измерение и измеримость фактов и результатов хозяйствования есть основа явления денег и определяет собою их существо (ч. I, стр. 5). Существо денег он видит в их функции, как орудии ценностного измерения (ч. 2, стр. 68, прим.).

Мы, с своей стороны, тоже полагали бы, что функция ценностного измерения должна быть признана основной их функцией не в том смысле, что из нее могут быть непосредственно выведены все остальные функции денег, а в том смысле, что она служит условием для возникновения других функций. В самом деле, мы не можем функцию денег, как орудия мены, непосредственно дедуцировать из их функции, как орудия ценностного измерения, уже хотя бы потому, что ценностное измерение хозяйственных благ, в котором мы вслед за Струве видим основу денег, возможно и в безобменном хозяйстве; следовательно, не везде, где уже наметилась функция денег, как орудия ценностного измерения, возникает и функция денег, как орудия мены, а это свидетельствует о том, что функция денег, как орудия обмена, возникает при наличии некоторых особых об'ективных условий и потому не может быть непосредственно дедуцирована из функции их, как орудия ценностного измерения. Невозможность непосредственного выведения функции орудия обмена из функции мерила ценности вытекает, далее, из того, что функции эти могут иногда раз'единяться и выполняться разными об'ектами. Точно также мы, как нам кажется, не можем непосредственно дедуцировать из функции денег, как орудия ценностного измерения, и их функцию, как законного платежного средства, ибо функция ценностного измерения возникает на почве гетероге-

нического, а функция законного платежного средства на почве автогенического элемента денег*).

Но в то же время ни количественные пропорции обмена, ни нормы платежа, очевидно, не могли бы возникнуть, если бы хозяйственные блага не были измеримы.

Нужно, впрочем, сказать, что даже и К. Менгер (будучи склонен функцию денег, как мерило ценности, рассматривать как функцию производную) не проявляет все же в этом случае должной последовательности и считает возможным и эту последнюю функцию (т. е. функцию денег, как масштаба или индикатора меновой ценности благ) на-ряду с функцией их, как менового средства или орудия обмена включить в определение понятия денег. Далее, Менгер признает, что еще и в эпоху натурального хозяйства, когда об обмене не могло быть и речи, оценка благ через посредство других благ все же производилась. В частности, уплата различных односторонних повинностей могла производиться альтернативно различными благами, и сам Менгер по этому поводу замечает: «между тем альтернативно определяемый платеж благ предполагает известное соотношение между ними или их аналогию». Но, с нашей точки зрения, именно в возникновении этих ценностных пропорций между отдельными благами (пропорций, которые могли наметиться еще в условиях натурального хозяйства) и заключается основа феномена денег, как известной формы ценности, как средства выражения этих количественных ценностных пропорций. При этом наше указание на то, что обмену благ должно предшествовать их ценностное измерение, отнюдь не следует понимать в том смысле, что обмениваться могут лишь абсолютно равные, абсолютно эквивалентные ценности. В действительности, как на это справедливо указывает Менгер, обмен потому и происходит, что каждая из

*) К. Менгер высказывает мнение, что, вообще, нет надобности выделять функцию денег, как платежного средства, в особую функцию (см. указанную статью). Но нам кажется, что стоять на этой точке зрения—это значит чрезмерно умалять значение сознательного элемента и, в частности, роль государства в сфере денежного обращения. Наиболее ярко значение денег, как законного платежного средства, выступает в тех случаях, когда деньгам придается принудительный курс. Правда, установление принудительного курса, как справедливо отмечает Менгер, становится необходимым лишь в периоды расстройства денежного обращения; в сфере денежного обращения это есть явление ненормальное, патологическое. Однако, уже самая возможность такого явления, как принудительный курс, показывает, что денежное обращение имеет свою юридическую сторону, опирающуюся, конечно, на экономические функции денег.

О невозможности сведения всех функций денег к какой-либо одной говорит также Ад. Вагнер, см. его («Socialokonomische Theorie des Geldes u. Geldwesens». Стр. 116).

сторон оценивает то, что она получает выше того, что она отдает. Таким образом, обмениваемые блага в глазах договаривающихся сторон могут быть неравной ценности, но все же для обмена необходимо, чтобы обмениваемые блага были ценностно измеримы и сравнимы, измеримость же благ выражается в их денежной оценке.

Итак, деньги со всеми их функциями возникают на основе измеримости или ценностной сравнимости хозяйственных благ, т. е. на почве того свойства их (возникающего на основе нашего ценностного о них суждения), которое должно быть им присуще при всяком хозяйственном строе, причем мы не можем себе представить того, чтобы монета или бумажный знак, не являющиеся прямыми представителями другого об'екта, выполняющего все функции денег, т. е. не являющиеся простыми кредитными знаками, могли выполнять функции орудия обращения, не являясь в то же время средством для выражения ценностных пропорций, т. е. мерилом ценности. Отсюда, между прочим, следует: 1) что деньги никогда не могут лишиться совершенно этой функции служить орудием ценностного измерения (даже и при крайнем расстройстве денежного обращения), если только они выполняют другие функции, и 2) что деньги, как воплощение идей измеримости благ, не упразднимы.

Переходим теперь к вопросу о металлизме и номинализме. Как мы видели, Струве допускает возможность денег только номинальных, причем он полагает то, что эта возможность вытекает из функционального существа денег, как орудия ценностного измерения. Таким образом, особенностью взглядов Струве (по сравнению, напр., с теорией Кнапна) является то, что он обосновывает номиналистическое понимание денег не на юридической функции их, как законного платежного средства, т. е. не на той их функции, которая возникает на основе автогенического элемента в деньгах, а на той функции их (как орудия ценностного измерения), которая возникает в результате стихийного органического процесса. По дело в том, что, с точки зрения Струве, существо денег является чисто функциональным, т. е. заключается в выполняемой ими функции ценностного измерения. Другими словами, существенным, конститутивным признаком денег служит не та или иная материальная конспстенция того предмета, который выступает в роле денег, а единственно выполнение ими упомянутой функции (орудия ценностного измерения). Деньги воплощают в себе лишь идею измеримости благ, но именно поэтому,—такова, очевидно, мысль Струве,—они могут и

не обладать внутренней ценностью, т. е. могут быть только номинальными.

Мысль о том, что существо денег заключается в самой функции, как орудия ценностного измерения, мы считаем весьма важной. Мы, действительно, должны проводить известное различие между ценностью и орудием ценностного измерения, между ценностью и формой ценности.

Хозяйственная ценность выявляется в определенных количественных отношениях, количественных пропорциях, устанавливающихся между отдельными благами в результате хозяйственной их оценки. Другими словами, основа ценностной измеримости благ заложена в глубине нашего ценностного суждения о вещах. Деньги же служат лишь орудием этого нашего ценностного суждения о предметах, лишь средством выражения тех количественных пропорций, которые слагаются на основе ценностного измерения вещей.

Изложенное понимание денег, видящее существо денег в выполняемой ими функции ценностного измерения, несомненно, содержит в себе теоретическое об'яснение того явления, которое заключается в идеализации или номинализации денег (в особенности, если мы поставим это понимание в связь с фактом растущей рационализации общественно-экономического процесса, в частности же, с усиливающейся в сфере денежного обращения ролью государства и с развитием кредита, элемент которого, как справедливо указывает А. Вагнер, всегда бывает присущ денежному обращению, хотя бы и построенному на чисто металлической основе).

В самом деле, что деньги с течением времени в процессе исторического развития все более идеализируются, это—факт, которого в настоящее время никто не будет оспаривать. Таким образом, номиналистическая теория пытается дать лишь об'яснение тому процессу, который фактически уже совершается.

Однако, утверждение Струве о возможности денег только номинальных нуждается все же в некотором ограничении, тем более, что оно, с нашей точки зрения, не вполне согласуется с его собственным воззрением на роль гетерогенического элемента в общественно-экономическом процессе, вообще, и в сфере денежного обращения, в частности.

Впрочем, здесь важно установить тот смысл, который мы будем вкладывать в понятие номинальных денег. Если под номинальными деньгами мы будем разуметь деньги, регулируемые приблизительно на тех же основаниях, как и металлические деньги,

с тою лишь разницею, что это будут деньги, лишенные металлического и, вообще, вещного содержания, то в таком случае нужно будет признать, что существование таких денег еще не означало бы той степени рационализации денежного обращения, которая предполагала бы полное изгнание всякого фетишизма из этой области. Но такого рода бумажные деньги, подчиняющиеся в своем обращении законам органического общественно-экономического процесса, быть может, было бы и не совсем точно называть чисто номинальными.

Чисто номинальными деньгами являлись бы те социалистические деньги, которые описывает проф. М. И. Туган-Барановский в своей работе «Социализм, как положительное учение» (см. выше). Но такие чисто номинальные деньги, как их рисует себе Туган-Барановский, деньги, являющиеся лишь условными знаками, необходимыми для счета, как мы уже видели, совершенно неосуществимы при каком бы то ни было хозяйственном строе.

Приблизительно то же самое приходится сказать и по поводу проекта рабочих денег. Небезинтересно отметить, что Родбертус, проектируя свои нормальные рабочие свидетельства, которые он называет идеально совершенными деньгами, вполне правильно связывает возможность выпуска таких денег с нормированием ценности. «Только тогда,—говорит он,—когда будет отменена частная собственность на землю и капитал, когда то и другое будет поручено заведыванию общественной власти, которая будет регулировать производство сообразно с потребностями, а за мерило будет принят нормальный труд, возможно приноровить нормировку ценности к изменчивым условиям, влияющим на эту последнюю, и удерживать ее на соответствующем уровне, и лишь при тех же предположениях и на тех же началах может быть создан новый род денег, который не несет за собой своего обеспечения, как нынешние металлические деньги, и не лишен всякого обеспечения, как бывает большею частью с нынешними банкнотами и кредитными билетами, могут быть созданы денежные знаки, которые, сами бы по себе лишенные ценности, всегда обеспечены действительною наличною ценностью» («Теория ренты и исследование о капитале» пер. А. А. Кауфмана, стр. 224).

Таким образом, по мысли Родбертуса, выпуск рабочих свидетельств оказался бы возможным только в том случае, если бы ценность всех благ была нормирована по количеству затраченного на них нормального рабочего времени, а такая нормировка ценности

благ, в свою очередь, оказалась бы возможной только в том случае, если бы центральный орган социалистического хозяйства всегда удерживал производства на уровне потребностей. Но выше нами уже было выяснено, что такое точное приноровление производства к бесконечному разнообразию человеческих потребностей представляется задачей совершенно неосуществимой. Поскольку же и в социалистическом обществе цены будут колебаться в зависимости от соотношения спроса и предложения, постольку выпуск рабочих денег, основанных на представлении, что цена всех благ точно соответствует количеству потраченного на них труда, становится, очевидно, невозможным.

Наконец, те же возражения, которые выше выдвинуты нами против проекта Туган-Барановского, в известной мере могут быть выдвинуты и против соображений Струве. Правда, как это уже и было нами отмечено, та номинализация или идеализация денег, о которой говорит Струве, не должна непременно означать полной рационализации денежного обращения, и те номинальные деньги, возможность которых Струве допускает, не следует обязательно понимать в смысле чисто автогенических денег, т. е. «денег, являющихся вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества». Но если даже под номинальными деньгами разуметь только хорошо известные уже и капиталистическому строю бумажные деньги, являющиеся, по мысли Туган-Барановского, лишь эмбрионом социалистических денег, а номинализацию денег понимать лишь в смысле возможности денег, совершенно оторвавшихся от всякой материальной или вещной основы, то все же существование денег, совершенно лишенных внутренней ценности, совершенно оторвавшихся от металлической или, вообще, вещной основы, знаменует собою такую высокую степень рационализации денежного обращения, которая не может не оказаться в некотором противоречии с гетерогеническим элементом хозяйственного процесса и которая, поэтому, если и может быть достигнута, то лишь при особо благоприятных условиях.

Значит ли это, однако, что бумажная валюта невозможна? Отнюдь нет. Бумажная валюта, притом не только расстроенная, но и вполне здоровая, конечно, возможна, и прогресс денежного обращения, несомненно, клонится в эту сторону, т. е. в сторону замены металлических денег бумажными деньгами. Но, прежде всего, бумажное обращение могло развиться лишь на почве вещного денежного

обращения. Бумажное обращение может возникнуть не иначе, как восприняв ту идеальную денежную единицу, которая вырабатывается и запечатлевается в сознании людей на почве обращения вещных денег. Кроме того, хотя та идеальная денежная единица, которая вырабатывается и затем запечатлевается в сознании людей на почве вещного денежного обращения, раз возникнув, отразивши в себе цены товаров и сама отразясь в этих, — и может в дальнейшем выполнять свои функции независимо оттого, несет ли она, по выражению Родбертуса, за собой свое обеспечение или нет, т. е. опирается ли она на металл или нет, — однако такое, благоприятное положение продолжается лишь до тех пор, пока уровень и соотношение цен устойчивы и в них не вносится никаких резких изменений. В этом случае, т. е. пока исторически сложившийся уровень и соотношение цен остаются устойчивыми, идеальная денежная единица, хотя бы и воплощенная в лишенных внутренней ценности бумажных денежных знаках, может успешно функционировать просто потому, что в этих условиях, т. е. при наличности вполне определившихся и достаточно устойчивых меновых пропорций, как между товарами и деньгами, так (через посредство денег) и между самими товарами, когда вся унаследованная система цен держится как бы сама собою, опираясь на свою внутреннюю связанность,—функция денег, как орудия ценностного измерения, однажды ими выполненная, уже утрачивает до известной степени свое практическое значение. Но положение дела сразу меняется, как только в эту сложившуюся систему цен вносятся резкие изменения, благодаря ли причинам, лежащим на стороне товаров, или благодаря причинам, лежащим на стороне денег. В этом случае унаследованная от прошлого идеальная денежная единица уже утрачивает свою определенность и возникает потребность в том, чтобы снова прикрепить ее к некоторой реальной ценности (определенной величине), которая и приобретает значение новой (если не номинально и формально, то материально) денежной единицы (см. некоторые замечания по этому поводу в нашей работе «Обесценение денег, дороговизна и перспектива денежного обращения в России» (стр. 31—33).

Правда, в периоды резкой перестройки прежней системы меновых пропорций обесценению могут подвергнуться не только бумажные деньги, но и реальные ценности, в частности золото (см. ук. нашу работу, стр. 18 и сл.). Но все же материальные об'екты, обладающие внутренней ценностью, выражаясь фигурально, могут активнее бороться за свое положение в кругу других товаров и

быстрее и легче найти место, которое должно им принадлежать в новой системе денег и меновых пропорций.

Наше заключение по этому вопросу, т. е. по вопросу о номинализации и рационализации денежного обращения, сводится, таким образом, к следующему. Рационализация денежного обращения в известных пределах безусловно возможна и желательна. При благоприятных экономических условиях, когда экономическая жизнь совершает свой кругооборот без всяких излишних трений, подобно хорошо слаженному механизму, она, эта рационализация денежного обращения, может пойти весьма далеко. Но она все же имеет свои границы, полагаемые для нее гетерогеническим элементом хозяйственного процесса. И, так как полное и окончательное преодоление стихийного, гетерогенического элемента в общественном хозяйстве, по нашему мнению, представляется невозможным, то отсюда следует, что и рационализация денежного обращения никогда не может быть доведена до конца, т. е. до того предела, когда деньги стали бы «вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества».

Теперь мы можем возвратиться к тому вопросу, который был поставлен нами выше, а именно к вопросу о том, останутся ли деньги при социалистическом строе, и мыслима ли вообще какая бы то ни была форма общественного хозяйства без всякого участия денег?

Выше мы подошли к разрешению этого вопроса, исходя из анализа понятий ценности и цены. Анализ этот привел нас к выводу, что так как понятия хозяйствования и хозяйства совершенно не мыслимы без понятия ценности, а понятие ценности (суб'ективной) в условиях общественного хозяйства неизбежно трансформируется в социально-об'ективное явление цены, то полное упразднение денег нужно признать невозможным, ибо понятия ценности, цены и денег суть понятия, теснейшим образом связанные между собою и представляющие собою лишь различные стороны одного и того же явления.

Теперь к этому же выводу мы приходим, исходя из анализа понятия и сущности самих денег. В самом деле, этот анализ показал, что основа явления денег заложена в нашем ценностном суждении о вещах, благодаря которому все вещи становятся для нас ценностно-измеримыми и сравнимыми. Деньги являются лишь средством для выражения этой ценностной измеримости и сравни-

мости благ (в условиях общественного хозяйства), но так как ценностная измеримость и сравнимость благ будут иметь место во всяком хозяйственном строе, то этим доказывается то, что в условиях общественного хозяйства деньги не упразднимы.

А. А. Соколов.

Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата.

Доклад К. Ф. Шмелева, прочитанный 13 мая 1921 г.

I. Новые методы регулирования государственного хозяйства (тенденции в развитии государственного хозяйства буржуазии и пролетариата и новые методы).

Функции государственной власти имущих классов, а следовательно и их государственного хозяйства ни в каком случае не направляются в сторону полного поглощения государственным хозяйством частных единичных хозяйств с их частными интересами. Этим направлением государственного хозяйства имущих классов обусловливается малый удельный вес его во всем народном хозяйстве. В России, напр., весь чистый доход государственного хозяйства составил в 1913 г. 14,3% во всем доходе народного хозяйства. И хотя, с течением времени, бюджеты всех буржуазных государств быстро возрастают, однако, этот рост в общем и целом не обгоняет роста национального дохода *).

Иную тенденцию являет государственное хозяйство пролетариата. Соответственно основной задаче пролетарской диктатуры—сделать все средства производства достоянием государственной власти пролетариата и организовать государственное производство продуктов, нужных для личного потребления населения,—основной характерной чертой государственного хозяйства пролетариата является увеличение его об'ема: в меру осуществления указанной задачи, удовлетворение все большего и большего количества потребностей населения становится заботой государственной власти. Так как период пролетарской диктатуры кончается тогда, когда в общем

*) К. Шмелев.—«Финансовая политика буржуазии».

исчезают все частные единичные хозяйства и когда государственное хозяйство начинает совпадать с общественным хозяйством, то очевидно, что пределом этому увеличению об'ема государственного хозяйства пролетариата является круг всех потребностей общества.

Но прежде, нежели будет достигнут этот предел, на известных ступенях расширения об'ема государственного хозяйства пролетарской диктатуры уже встает задача перевести методы его регулирования на новые рельсы, неведомые государственному хозяйству буржуазии: возникает необходимость, во-первых, ввести материализацию государственного бюджета и, во-вторых, ввести в государственном хозяйстве в качестве всеобщей однородной единицы учета—вместо денежной (товарной) единицы—единицу сознательного измерения общественно-необходимого труда, как потребного для производства отдельных работ и операций, так и воплощенного в продуктах труда,—короче: возникает необходимость ввести в государственном хозяйстве трудовую единицу учета.

II. Материализация бюджета.

1. Понятие материализации бюджета.

Рассматриваемый по внутреннему своему существу, а не формально по юридическому своему свойству, государственный бюджет представляет собою план государственного хозяйства на тот или иной промежуток будущего времени. Соответственно этому значению слов «государственный бюджет», материализовать государственный бюджет—это значит учитывать в нем вещественные и личные элементы государственного хозяйства, измеряя количества их самих, а не количества их ценности (или стоимости). Задача материализации бюджета состоит, таким образом, не в учете (посредством измерения) ценности (или стоимости) вещественных и личных элементов государственного хозяйства—средств производства, рабочей силы, предметов человеческого потребления,—а в учете (посредством измерения) самих этих элементов—и средств производства, и рабочей силы, и предметов потребления—в их материальных оболочках, лишенных всякого ценностного покрывала.

Так как при этом (т. е. при материализации бюджета) задача заключается в учете самих элементов государственного хозяйства, а не ценностных выражений их, то очевидно, что каждая из

цифр, которыми измеряются эти элементы, охватывает собой и, охватывая, характеризует исключительно элементы, сходные между собою по тому или иному (важному с точки зрения хозяйствующих суб'ектов) физико-химическому эффекту, ими производимому.

Из указанного определения сущности материализации бюджета само по себе не вытекает, что материализованный бюджет исключает ценностное выражение бюджета: наоборот, один и тот же бюджет может быть в одно и то же время и материализованным и ценностным бюджетом, т. е. таким бюджетом, в котором, на-ряду с учетом самих элементов государственного хозяйства, имеет место и учет ценности (или стоимости) этих элементов.

2. Чем становится государственный бюджет в результате материализации?

В результате материализации государственный бюджет становится не чем иным, как планом распределения всех вещественных и личных элементов государственного хозяйства по отдельным его отраслям и сферам.

Распределять что-либо можно лишь зная, что именно и в каком количестве подлежит распределению. По этому плану распределения элементов государственного хозяйства по отдельным его отраслям и сферам,—распределения в собственном (узком) смысле—неизбежно предшествует учет всех элементов государственного хозяйства, подлежащих распределению.

От этого характеристика материализованного бюджета, как плана распределения элементов государственного хозяйства по отдельным его сферам, - не перестает быть верной: слово «поездка» в узком своем смысле означает лишь самый процесс езды, лишь самое движение, а между тем в обычном своем употреблении оно охватывает в себе не только процесс езды, но и самую подготовку езды (сборы, запряжка лошадей и пр.); подобно этому и выражение «план распределения» охватывает собой не только план распределения в собственном (узком) смысле, но и предварительный неизбежный момент—учет того, план распределения чего строится.

Таким образом, материализованный бюджет, являясь планом распределения элементов государственного хозяйства по отдельным его сферам, распадается на две части: первая часть - это учет вещественных и личных элементов государственного хозяйства; вторая же часть—это в собственном (узком) смысле план распре-

деления элементов государственного хозяйства между отдельными сферами этого последнего.

И в той и в другой части дело идет именно о материализованном бюджете, т. е. об учете и распределении самих элементов государственного хозяйства (вещей и лиц, точнее, рабочей силы этих последних), а не их ценности (или стоимости). Учет же и распределение самих элементов государственного хозяйства в их материальных оболочках немыслим без той или иной группировки их по категориям.

Чем же определяется эта группировка в материализованном бюджете элементов государственного хозяйства по категориям?

Вещи характеризуются исключительно своими свойствами; только по сходству и различию свойств вещи группируются и различаются между собою *). Группировка элементов государственного хозяйства по категориям их материального существа есть частный случай группировки вещей вообще, и потому она может быть основана ни на чем ином, как только на сходстве и различии свойств группируемых элементов.

Так как, далее, дело идет о материализованном бюджете, то свойствами, на основе которых производится группировка элементов государственного хозяйства, являются естественные свойства этих элементов, т. е. те физико-химические эффекты, которые проистекают от тех или иных связей их между собой и другими вещами.

Каждому данному уровню развития техники и естественных наук соответствует определенный круг известных физико-химических эффектов тел вообще. Какие из всех возможных на данном уровне развития техники и естественных наук эффектов кладутся в основу группировки элементов государственного хозяйства по категориям в материализованном бюджете, какими сторонами и в какой степени должны сходиться эффекты, чтобы об'единять элементы, свойствами которых они являются, в одну категорию,— все это определяется той целью, какая преследуется составлением плана распределения этих элементов по отдельным сферам государственного хозяйства. А этой целью является обеспечение такого распределения элементов государственного хозяйства по отдельным его сферам, которое способно доставить наибольшую выгоду при наименьших затратах.

---

*) Со всей резкой отчетливостью, вообще присущей гениальным мыслителям, эта мысль была формулирована еще Людвигом Фейербахом в сочинении «Сущность христианства». Спб. 1906, стр. 19.

В обществе с диктатурой имущих классов, т. е. с господством этих классов, позволяющим им распоряжаться государственной машиной принуждения «для защиты своих интересов и для прямого или косвенного подавления всех тех общественных движений, которые нарушают эти интересы» (Плеханов),—наибольшая выгода есть выгода имущих классов, а наименьшие затраты—как будет доказано в IV отделе настоящего очерка—суть денежные издержки этих классов. В обществе с диктатурой рабочего класса наибольшая выгода, это—наиболее полное и наиболее равномерное (во времени) удовлетворение потребностей членов общества, а наименьшие затраты, это—затраты рабочих сил этих членов.

3. Когда и почему приходится материализовать бюджет?

Государственному хозяйству буржуазии в общем и целом достаточно было одного ценностного (денежного) учета. Это обусловливалось двумя рядами причин: во-первых, расходы и доходы государственного хозяйства буржуазии в главнейшей своей массе не носили производственного характера (расходы состояли по преимуществу из расходов на вооруженную силу, на общее управление, на денежные расходы по содействию частным единичным хозяйствам; доходы же заключались по преимуществу из денежных поступлений налогового характера); во-вторых, малый удельный вес государственного хозяйства буржуазии во всем народном хозяйстве и непроизводственный (в общем) его характер делали для него вполне возможным получение в потребных количествах нужных продуктов и работников тех или иных специальностей и квалификаций на рынке.

Государственное хозяйство пролетарской диктатуры в ходе своего исторического развития все больше и больше утрачивает все эти особенности государственного хозяйства буржуазии: во-первых, чем больше расширяется его об'ем, тем больше тают в свом удельном весе расходы и доходы его непроизводственного типа и, наоборот, тем больше увеличиваются расходы и доходы его производственного типа; во-вторых, чем больше расширяется об'ем государственного хозяйства, чем больше оно проникается производственным духом, тем все затруднительнее становится ему доставать нужные продукты и нужных работников в потребных количествах на рынке, так как, с одной стороны, все увеличиваются количества нужных государственному хозяйству продуктов и работников, и так как, с другой стороны, все уменьшаются те количества этих про-

дуктов, которые поставляют на рынок частные единичные хозяйства. Чтобы не оказаться в тот или иной момент в тупике, государственное хозяйство пролетарской диктатуры должно учитывать все количества тех продуктов и работников, которые ему нужны, в их специфических видовых единицах измерения. А это означает, что оно должно поставить бюджет на те рельсы, которые принято называть материальным учетом.

Тот тупик, в котором может очутиться государственное хозяйство пролетарской диктатуры, если оно не будет поставлено на рельсы материального учета, заключается в том, что утрачивается всякая возможность установить распределение наличных запасов вещественных и личных элементов производства не только пропорционально различным массам потребностей, но и пропорционально различным отраслям производства.

Так как государственное хозяйство пролетарской диктатуры уже с первых шагов своего исторического существования поглощает всю крупную промышленность, которая даже в отсталых капиталистических странах составляет ныне не менее половины всего промышленного производства, так как поглощенные государственным хозяйством пролетарской диктатуры крупные предприятия неравномерно распределяются по отдельным отраслям промышленности, а падают на определенные отрасли ее, составляя в этих последних почти исключительно господствующий тип производства,— то в виду всего этого государственное хозяйство пролетарской диктатуры уже с первых шагов своих должно установить материализацию бюджета, дабы постоянно не оказываться в тупиках. Это положение бесспорно.

Относительно же ценностного учета возникают два сомнения: 1) нужен ли вообще какой-бы то ни было ценностный учет — денежного или трудового типа безразлично,—раз имеется материализация бюджета; не достаточно ли одного материального учета; 2) если на-ряду с материальным учетом нужен ценностный учет, то какого типа—денежного или трудового? Оба эти вопроса недостаточно полно освещены литературой.

III. Достаточно ли в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры одного материального учета?

1. Поводы к постановке этого вопроса.

Поводом к постановке этого вопроса является различие тех методов, посредством которых делают свои хозяйственные расчеты

единичные хозяйства капиталистического общества, с одной стороны, и социалистическое хозяйство,—с другой.

Производить те или иные продукты, производить их в той или иной комбинации личных и вещественных элементов производства, все эти задачи частными единичными хозяйствами, существующими в капиталистическом обществе, решаются путем сравнения выгодности различных способов,—выгодности, полностью определяемой по денежным ценам товарного рынка. И такие расчеты, основанные на рыночных расценках, проделываются всеми решительно частными единичными хозяйствами, независимо оттого, продают ли они на рынке продукты своих хозяйств или не продают, а назначают их для собственного потребления.

Это всеобщее распространение денежных расценок товаров происходит оттого, что общественное хозяйство товарного типа в своей капиталистической форме достигло такого уровня развития, когда продукты любого рода можно, в случае нужды, продать или купить на рынке.

Метод хозяйственных расчетов, которым пользуются единичные хозяйства, т. е. метод расчетов, основанных на состоянии и движении цен товарного рынка, представляет единственный (и в этом его достоинство, как бы дурен он не был) способ достижения в безголовом товарном обществе тех задач, разрешение которых обязательно для всякого человеческого общества, если оно желает существовать: поддерживать равновесие между потребностями и производством—раз и производить наибольшее количество продуктов с наименьшей затратой рабочих сил людей—два.

О построении социалистического хозяйства по методу расчетов единичных хозяйств капиталистического общества не может быть никакой речи.

Социалистическое общество поставлено в необходимость все свои потребности удовлетворять продуктами своего же социалистического хозяйства. Оно не может отказаться от производства продуктов, необходимость которых им признается, в надежде получить эти продукты за пределами социалистического хозяйства на товарном рынке частных единичных хозяйств, ибо где имеется развитое социалистическое хозяйство, там нет места единичным хозяйствам с их единичными волями. Поэтому метод хозяйственных расчетов, покоющийся на рыночных расценках,—метод, единственно устанавливающий порядок в хозяйстве товарного общества, оказывается экономически невозможным для социалистического общества.

И вечное необходимое условие существования всякого человеческого общества—производство, организованное и организуемое таким образом, что массы общественного труда распределяются пропорционально различным массам потребностей, что наибольшие результаты, оцениваемые с точки зрения потребностей общества, получаются с наименьшей затратой сил общества,—может быть осуществлено социалистическим обществом путем непосредственного планомерного строительства всего общественного хозяйства, руководимого единым центральным его органом. Об'единяемые в своей деятельности этим общим центральным органом общества, специальные хозяйственные центры с сотрудничающими с ними местными едиными хозяйственными органами и местными же специальными центрами и отдельными производственными единицами определяют: какие продукты, где, сколько, каким орудием, в течение какого времени должна производить каждая производственная единица; отдельные комбинации вещественных и личных элементов производства оцениваются при этом непосредственно по той производительности труда, которую они сулят.

Нельзя ли, исходя из такого характера социалистического хозяйства, вывести следующее:

1) социалистическому обществу не нужен ценностный измеритель для продуктов непосредственного потребления людей, ибо, как не измеряй, не сравнивай эти продукты, удовлетворяющие разнородным потребностям, это ни к чему не приведет, так как оно все-таки должно производить именно такие-то продукты, а не иные, и при том именно в таком-то количестве, а никаком другом;

2) в силу того же не нужен ценностный измеритель и для продуктов, являющихся средствами производства предметов, непосредственно удовлетворяющих разного рода потребности людей, ибо говорить о выборе между средствами производства предметов, непосредственно удовлетворяющих один род потребностей людей, и средствами производства предметов, удовлетворяющих другой род потребностей людей, в социалистическом обществе не приходится, так как это означало бы в нем не что иное, как отказ от равномерного удовлетворения всех потребностей людей;

3) не нужен ценностный измеритель и для продуктов, которые хотя и являются в конечном счете средствами производства предметов, удовлетворяющих непосредственно один и тот же род потребностей людей, но уничтожаются, как таковые, на разных стадиях производства, ибо, как не сравнивай между собой

продукты, являющиеся средствами производства разных стадий, в социалистическом хозяйстве одну стадию не заменить другой;

4) не нужен в социалистическом обществе ценностный измеритель и для продуктов, являющихся средствами производства в пределах одной и той же стадии, ибо, как не сравнивай эти продукты, один материальный род их не заменить другим материальным родом их, так как каждый производственный процесс при данных технических условиях во всех своих единичных явлениях необходимо требует одних и тех же пропорций между разными материальными оболочками его средств;

5) не нужен ценностный измеритель и для выражения личных и вещественных элементов производственного процесса в однородных ценностных единицах, ибо не нужно само это выражение, так как при данных технических условиях личный и вещественный элементы во всех единичных случаях производственного процесса находятся в одной и той же пропорции;

6) не нужен, наконец, ценностный измеритель и для сведения труда квалифицированного (сложного) к труду неквалифицированному (простому), так как при данных технических условиях количественные соотношения труда во всех случаях производственного процесса данного рода одни и те же.

Этими шестью пунктами охватываются все стороны производства (в собственном смысле) социалистического общества. И если бы они были истинны, то они свидетельствовали бы о ненужности ценностного измерителя для всей области производственной деятельности людей.

Но, оказавшись почему-либо ненужным в этой последней, ценностный измеритель еще этим самым не изгоняется из сферы распределения созданных продуктов. Нельзя ли поэтому (попрежнему продолжая исходить из характера социалистического хозяйства) сделать вывод о ненужности ценностного измерения для сравнения между собой продуктов непосредственного потребления людей и в области распределения: ведь, социалистическое общество продуктов не продает, а чрез свои органы непосредственно распределяет их между своими членами для потребления.

Без всяких дальнейших околичностей приведенная мотивация не может считаться достаточной. В отношении к собственно производственной сфере социалистического хозяйства нужно еще показать, насколько соответствуют действительному порядку вещей те условия, которые требуются для того, чтобы можно было ограни-

читься одним материальным учетом. Относительно же распределения нужно показать, что новые (сравнительно с капиталистическими) методы его довольствуются одним материальным учетом.

2. В каких случаях и почему может быть, пожалуй, достаточен один материальный учет?

Дабы решить вопрос о достаточности материального учета в области социалистического производства, надобно, прежде всего, установить те условия, отклонение от которых делает материальный учет недостаточным, а затем—определить, какой мерой реальности эти условия обладают. Если действительность хотя бы только в части случаев показывает картину, не соответствующую этим условиям, то это, очевидно, будет означать, что рядом с материальным учетом необходим и учет ценностный.

Один материальный учет может быть, пожалуй, достаточен для определения различий в выгодности (в производительности труда) только в тех случаях, которые удовлетворяют некоторому ряду определенных условий. Одна категория этих условий относится к вещественным и личным элементам производства сравниваемых случаев (I). Другая категория относится к продуктам, производимым в сравниваемых случаях (II).

I. Вещественные и личные элементы производства должны удовлетворять следующим условиям:

1) группы элементов, состоящие из однородных по качеству и материальной оболочке единиц, должны быть на-лицо во всех отдельных сравниваемых случаях;

2) количества, в которых взята каждая группа элементов, должны быть одинаковы во всех сравниваемых случаях или (по меньшей мере) требуется, чтобы пропорции, в которых находятся между собой отдельные группы элементов внутри каждого случая, были одни и те же во всех случаях.

II. Продукты, производимые или могущие быть произведенными в каждом из сравниваемых случаев, должны удовлетворять одному из двух условий:

1) либо во всех сравниваемых случаях должны производиться продукты одного и того же рода или продукты хотя и разнородные по своей материальной оболочке, но годные для однородного, с естественной точки зрения, употребления (напр. рожь и пшеница, или березовые дрова и осиновые дрова, или дрова и торф, как предметы топлива),

2) либо же, если в сравниваемых случаях производятся разнородные продукты или продукты. не годные для однородного потребления, то, во-первых, все отдельные роды продуктов, добываемых в одном каком-нибудь любом случае, должны добываться в каждом из всех остальных сравниваемых случаев, и, во-вторых, пропорции, в которых стоят друг к другу отдельные роды продуктов в одном случае, должны равняться соответствующим пропорциям каждого из остальных случаев (напр., если в одном случае производятся вагоны и паровозы, то и в каждом из остальных случаев должны производиться такие же по качеству вагоны и паровозы и притом в тех же самых количественных пропорциях).

Только для случаев, удовлетворяющих указанным условиям, возможно цифровое определение различий их между собой по выгодности. А как раз одно только цифровое определение различий может дать точки исхода для суждения о том, в какой момент одну производственную комбинацию выгодно заменить другой.

Очевидно, что при указанных условиях потому признается достаточным материальный учет, что они заставляют за их спиной предполагать равенство ценностей отдельных единиц однородных элементов производства во всех случаях.

Но это равенство без предварительного всесторонне ценностного выражения всех элементов производства, очевидно, может быть, пожалуй, допущено лишь относительно случаев, имеющих место в одном и том же территориальном районе, так как, в противном случае, нужно посредством ценностного выражения всех элементов производства убедиться, как именно влияют издержки транспорта на ценности одних и тех же по материальной оболочке элементов: никакого само собой разумеющегося допущения сделано тут быть не может.

8. Безусловная необходимость ценностного учета во всех решительно случаях производства.

Но материальный учет вообще во всех случаях (даже и тех, которые удовлетворяют условиям, указанным выше, и которые относятся к предприятиям, расположенным в одном и том же территориальном районе) недостаточен, так как нет никакой физической возможности полностью учесть, подсчитать в натуральных величинах все отдельные элементы производственного процесса. Это последнее обстоятельство справедливо как относительно учета последующего, так и тем более относительно учета предварительного, который необходим

решительно во всех случаях, так как без того или иного хозяйственного плана (пускай даже этот план будет иметься лишь в голове) нельзя проделать даже одного производственного процесса.

Материальный учет терпит ограничения и еще с одной стороны. Дело в том, что он не может быть достаточным тогда, когда требуется сравнить выгодность случаев, относящихся к разным производственным комбинациям, так как те условия, при которых он, пожалуй, может быть допущен, имеют в виду как раз случаи, относящиеся к одной и той же комбинации вещественных и личных элементов производства. А между тем существует настоятельная необходимость в том, чтобы определять в ц и ф р а х различия выгодности отдельных случаев, относящихся к разным производственным комбинациям.

В каждый данный момент приходится иметь дело с разнообразными комбинациями производственных элементов почти в любой отдельной отрасли труда. Это происходит по преимуществу в зависимости от двух обстоятельств:

1) в каждой данной местности необходимо бывает принять наиболее целесообразную в ней комбинацию производственных элементов;

2) быстрый прогресс техники общественного производства постоянно ставит лицом к лицу все новые и новые комбинации производственных элементов: не успевает износиться вещественный остов вчера созданных элементов, как сегодня технический прогресс выдвигает более совершенный остов *).

Отказаться от введения новых изобретений техники в угоду сохранения одного рода комбинаций, это значило бы отказаться от

*) «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем у всех прежних способов производства базис по существу был консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую» (Маркс: «Капитал». Т. I, гл. VIII).

Левассер дает иллюстрацию мысли К. Маркса. Он осматривал лесопильные заводы на берегу Миссисипи. «Одна пильня обратила на себя его внимание отличным устройством и высокой производительностью труда. Провожатый выразил при этом сожаление, что не может показать Левассеру пильню, устроенную со всеми новейшими приспособлениями; эта пильня,—добавил он,—существует уже два года. Затем проходили мимо запертого лесопильного завода с разбитыми оконными стеклами. На вопрос Левассера, что это за строение, ему ответили: «эта лесопильня была построена 7 лет назад; так как все устройство очень изменилось за последние годы, то пришлось бросить ее» (Levasseur. «L'ouvrier americain. I, 1898. 87». Изложено по Исаеву: «Мировое хозяйство». Спб 1910. Стр. 355).

технического прогресса в угоду застоя и неподвижности. Но всякий раз, как возникает необходимость применения нового изобретения, его преимущество должно быть оценено по отношению ко всем существующим комбинациям, ибо только таким порядком можно определить момент, в какой та или иная из существующих комбинаций может быть заменена новой.

Так как уже при нынешнем состоянии техники общественного хозяйства из всех производимых обществом продуктов большую по стоимости часть представляют средства производства и только меньшую часть составляют предметы непосредственного человеческого потребления, так как, далее, в поступательном ходе общественного развития доля средств производства все увеличивается, а доля предметов непосредственного человеческого потребления все уменьшается, то признание необходимости всестороннего ценностного выражения даже только за одними средствами производства означает признание необходимости всестороннего ценностного выражения за большинством продуктов социалистического производства *). Но так как разные комбинации вещественных и личных элементов производства нередко связаны с производством предметов непосредственного человеческого потребления разного рода и притом в разных пропорциях в каждой из сравниваемых комбинаций, то, следовательно, рациональная организация социалистического производства требует ценностного измерения и для известной части продуктов непосредственного потребления людей.

Таким образом, поскольку дело касается собственно производственной сферы, то социалистическому хозяйству без однородного измерителя для всех элементов производства и известной части их результатов не обойтись.

Так решается вопрос относительно социалистического хозяйства. Но раз всеобщий ценностный измеритель необходим в социалистическом хозяйстве, в котором не имеют места частные единичные хозяйства, то он необходим и хозяйству более ранней исторической эпохи—эпохи пролетарской диктатуры и, в частности, государственному хозяйству этой диктатуры.

---

*) «Почти все движение всемирной торговли обусловливается влиянием потребностей не личного потребления, а производства» (Маркс. «Нищета философии». Перев. В. Засулич. Спб. 1906. Стр. 12). «Окончательному распределению»,—вторит Марксу Родбертус,—«всегда подлежит лишь малая часть наличного совокупного продукта, именно та часть, производство которой в данный момент завершено на последней ступени» (Родбертус. «Теория ренты и исследование о капитале». «Социальные письма к фон-Кирхману». Сокращ. перевод А. А. Кауфмана. Москва. 1908. Стр. 196—197).

4. Необходимость ценностного измерения для рациональной организации распределения продуктов личного потребления.

Выгодной (рациональной) организацией производства не замыкается задача общественного хозяйства и, в частности, государственного хозяйства пролетарской диктатуры.

Ведь, карточная система, которая предлагает всем и каждому один и тот же ассортимент благ, есть плод крайней нищеты. Как только такая нищета хоть мало-мальски бывает изжита, тотчас же оказывается необходимым предоставить известный выбор потребителям.

В товарном обществе потребители делали выбор в пределах той суммы покупательных средств, которая была в их распоряжении. Выбор в известных пределах должен быть и в социалистическом обществе, а, следовательно, в обществе с пролетарской диктатурой.

Но где имеется возможность выбора между разными по материальной оболочке продуктами, там должен быть ценностный измеритель для всех продуктов.

IV. Денежная единица и всеобщая единица сознательного измерения труда в эпоху пролетарской диктатуры. Роль их в различные моменты этой эпохи.

1. Сущность проблемы.

Признанием необходимости в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры однородной ценностной единицы учета определяется только первая половина проблемы об основаниях учета в государственном хозяйстве. Предстоит еще определить остальную половину этой проблемы, заключающуюся в вопросе, какого же типа должна быть признанная необходимой однородная единица учета?

Общественное хозяйство товарного типа в качестве такой единицы принимает денежную единицу, или единицу денег. Так как деньги есть всеобщий товар, то это значит, что общественное хозяйство товарного типа в качестве единицы учета принимает единицу меры того или иного товара, как материальной вещи,— товара, принимаемого за всеобщий эквивалент *).

*) Денежная счетная единица есть лишь специфическая счетная единица вещества,—специфическая в силу того, что она выступает, как единица меры вещества, применяемая в процессе функционирования вещества в качестве денег;

Может ли государственное хозяйство пролетарской диктатуры пользоваться единицей учета, подобной всеобщей единице учета в общественном хозяйстве товарного типа? Так как всеобщей единицей учета в товарном обществе является, как только что указано, единица меры вещества, применяемая тогда, когда вещество употребляется в качестве денег, т. е. всеобщего эквивалента, то, следовательно, вопрос этот сводится к вопросу о том, может ли государственное хозяйство пролетарской диктатуры в качестве всеобщей (для себя) единицы учета пользоваться единицей меры одного какого-нибудь вещества. Но и в такой формулировке вопрос нуждается в расшифровании.

Коммунистическому обществу, т. е. обществу, исключительно представляющему собой «союз свободных людей, которые работают при помощи общих средств производства и сознательно затрачивают свои различные индивидуальные рабочие силы, как одну общественную силу» *), никто и ничто не мешает пользоваться в выражении ценности всех продуктов единицей меры материальной оболочки одного какого-нибудь продукта. Но для этого оно должно предварительно определить, сколько общественно-необходимого труда воплощено во всех отдельных продуктах, не исключая и того продукта, в единице меры которого, как вещества, оно желает выразить ценность остальных продуктов; ибо это может быть сделано им лишь путем сознательного отнесения определенных количеств общественно-необходимого труда, затраченного на производство отдельных продуктов, к общественно-необходимому труду, воплощенному в единице меры вещества, через которое выражается ценность других продуктов. Очевидно, что тут основной всеобщей единицей учета,—того учета, в котором участвует сознательная воля людей,— является не единица меры вещества, а как раз единица меры общественно-необходимого труда.

Следовательно, поставленный вопрос сводится к тому, можно ли в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры так поль-

---

ее видовой (специфический) признак лишь тот, что она выступает, как единица меры вещества, применяемая в процессе функционирования вещества в качестве всеобщего эквивалента—денег. Что та единица меры вещества, которая применяется к веществу тогда, когда оно выступает в качестве всеобщего эквивалента—денег, по большей части отличается от обычных мер вещества, употребляемых тогда, когда оно не выступает в качестве денег (например, обычных весовых названий металла), это ничего не изменяет в существе данного дела. В своем «Капитале» (т. I, гл. III) Маркс сжато, но исчерпывающе указал исторические причины, приведшие к подобному различию.

*) Маркс. «Капитал», т. I, гл. I.

зоваться единицей меры какого-нибудь вещества, чтобы она была всеобщей (для государственного хозяйства) единицей учета без предварительного всеобщего (опять-таки в отношении к государственному хозяйству) учета общественно-необходимого труда, воплощенного во всех отдельных продуктах.

После таких замечаний очевидно, что центр тяжести в вопросе о том, какова должна быть всеобщая для государственного хозяйства пролетарской диктатуры единица учета, сводится к обсуждению вопроса о том, представляется ли экономически возможным и необходимым пользоваться в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры в качестве основной всеобщей для него единицы учета единицей меры одного какого-нибудь вещества (без предварительного учета общественно-необходимого труда, воплощенного во всех отдельных продуктах).

2. Типы ценностного измерителя в различные моменты эпохи пролетарской диктатуры и в различных сферах общественного хозяйства этой эпохи.

Трудность решения этого вопроса заключается в том, что государственное хозяйство пролетарской диктатуры есть факт переходной эпохи, где, на-ряду с государственным хозяйством, существуют и единичные хозяйства частных лиц, которые продолжают пользоваться капиталистическими методами учета и хозяйственных расчетов, т. е. без предварительного учета общественно-необходимого труда, воплощенного во всех отдельных продуктах, так или иначе вступающих в сферу этих единичных хозяйств. Трудность эта происходит из того, что вопрос о том, какой единице меры — меры трудовых затрат или же меры всеобщего эквивалента—денег—предоставить место основной всеобщей единицы учета в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры, приходится решать в такой социально-экономической обстановке, которая не допускает никаких сомнений и никаких вопросов относительно всеобщей единицы учета в частных единичных хозяйствах: ибо раз существуют частные единичные хозяйства одного большого общественного хозяйства, вступающие между собой в товарный обмен, — деньги волей-неволей должны остаться хотя бы в качестве орудий товарного обращения *).

*) Раз деньги должны остаться в качестве орудий товарного обращения, то это значит, что они должны быть хорошими орудиями товарного обращения,—

Если никаких сомнений относительно денежного учета в частных единичных хозяйствах быть не может, то очевидно, что вопрос об единице учета в государственном хозяйстве сводится к вопросу о том, когда нельзя в государственном хозяйстве обойтись без предварительного учета общественно-необходимого рабочего времени, затраченного на производство всех отдельных продуктов, так или иначе обращающихся в сфере государственного хозяйства. А это может быть с наибольшей рельефностью очерчено лишь посредством рассмотрения этапов общественного развития в порядке убывающей роли во всем общественном (а не только государственном) хозяйстве учета в трудовых единицах рабочего времени. Это же значит, что целесообразно рассматривать этапы общественного развития в порядке, обратном тому порядку, в котором они исторически сменялись или будут сменяться друг другом.

По убывающей роли трудовой единицы учета этапы общественного развития могут быть расположены, примерно, таким образом:

А. Коммунизм.

I этап: общество состоит из одного только исключительного коммунистического союза людей, т. е. «союза свободных людей, которые работают при помощи общих средств производства и сознательно затрачивают свои различные индивидуальные рабочие силы, как одну общественную силу» (Маркс);

II этап: общество состоит из двух или более исключительно коммунистических союзов.

Б. Эпоха пролетарской диктатуры.

III этап: в пределах государственного хозяйства воплощается в продукты больше половины того количества общественно-необходимого живого труда, которое воплощается в продукты во всем общественном (народном) хозяйстве;

IV этап: в пределах государственного хозяйства воплощается в продукты меньше половины того количества общественно-необходимого живого труда, которое воплощается в продукты во всем общественном (народном) хозяйстве.

хорошими, по крайней мере, настолько, что они сохраняют те преимущества, которые сделали их деньгами, превратили развернутую форму товарного обмена в форму денежную. Очевидно, что непременным членом в составе этих преимуществ должна быть известная устойчивость покупательной силы этих орудий (О развернутой форме обмена и превращении ее во всеобщую денежную форму см. Маркс: «Капитал», т. I, гл. I, особенно отделы «B» и «C»).

В. Общество с хозяйством товарного типа (эпоха с господством имущих классов).

V этап: империализм.

I. Относительно первого этапа не может быть никаких сомнений в том, что в нем безраздельно и исключительно будет царить трудовая единица учета; о товарной единице учета, единице меры того или иного вещества тут не будет никакого помина, ибо сама социальная природа этого этапа такова, что она исключает всякую возможность для составляющего его союза людей вступить в сношения с кем бы то ни было: ведь, нет никаких других самостоятельных хозяйств.

II. Точно также обстоит дело с единицей учета и на втором этапе: и здесь будет исключительно царить трудовая единица учета: ибо в каких бы отношениях не были между собой коммунистические союзы, составляющие общество, каждое из них свой учет и свои расчеты, не исключая и расчетов по сношениям с другими союзами, будет базировать на общественно - необходимом рабочем времени.

III и IV. Этапы эпохи пролетарской диктатуры резко отличаются от предыдущих двух этапов тем, что в них еще существует экономическая необходимость в товарной единице учета, так как на этом этапе в обществе существует достаточно большое число частных единичных хозяйств, каждое из которых руководится в своей деятельности волей, не координированной с волями других единичных хозяйств.

Эта необходимость для частных единичных хозяйств, вступающих в обмен между собой, товарной (денежной) единицы вытекает из того, что только посредством колебаний товарных цен (а цена, ведь, есть не что иное, как название денег, отнесенных в определенном количестве к товару) может устанавливаться равновесие между производством и потребностями в этих единичных хозяйствах.

Что касается государственного хозяйства в эпоху пролетарской диктатуры, то вопрос о том, какой из двух типов ценностного измерителя—товарный (денежный) или трудовой—будет господствовать в нем, решается исключительно в зависимости от технической целесообразности и технической осуществимости применения в жизни каждого из них; на том или ином этапе эпохи пролетарской диктатуры будет применяться в государственном хозяйстве тот тип, который

наиболее технически целесообразен и наиболее легко осуществим. Дело в следующем.

Установление на базе трудовой единицы расценок государственных продуктов необходимо требует расценки в трудовых единицах и тех продуктов, которые производятся вне сферы государственного хозяйства, ибо в производстве каждого продукта участвуют (по цепному правилу) почти все продукты всех отдельных стадий общественного производства. Вследствие этого, определение трудовых затрат для части продуктов ставится на шаткую почву, оторванную от жизни, ибо оказывается необходимым трудовые затраты для части продуктов определять не на основании действительных трудовых затрат, воплощенных в них и зарегистрированных на всех стадиях их производства, а на основании особого условного масштаба. Чем значительнее удельный вес этих условно вычисленных трудовых затрат в общей сумме трудовых затрат, воплощенных в том или ином продукте, переделанном в сфере государственного хозяйства, тем менее точной оказывается трудовая оценка этого продукта, тем, далее, больше технических вычислений приходится делать для установления этой расценки.

Распространяя эти соображения на всю массу продуктов, обращающихся в сфере государственного хозяйства, мы должны придти к такому выводу: чтобы был смысл подымать работу по введению трудовой единицы ценности, надобно, чтобы в государственном хозяйстве воплощалось в продукты не меньше половины того количества общественно-необходимого живого труда, которое воплощается в продукты во всем народном хозяйстве; в противном случае является более целесообразным — более точным и более практичным и экономным — вести учет в товарной (денежной) единице, выражая в этой последней и те трудовые затраты, которые имеют место непосредственно в государственном хозяйстве *).

V. Экономическая необходимость для государственного хозяйства имущих классов товарной (денежной) единицы (будь оно хотя самым абсолютным монополистом вроде единого государственного треста капиталистов, по выражению Н. Бухарина **), зиждется на том, что оно является эксплоататорским хозяйством имущих классов, т. е. применяет наемную рабочую силу, которая все еще продолжает быть

*) Применяя указанный общий вывод к России, нужно сказать: значительнейшая часть живого труда воплощается сейчас в ней за пределами госуд. хозяйства; поэтому трудовая единица ценности в ней сейчас неосуществима.

**) «Экономика переходного периода». М. 1920.

товаром, и цена которой не может не быть денежной ценой; добиваясь наибольшей чистой выгоды, государственный трест капиталистов должен все свои расчеты, а следовательно и учет, базировать на издержках производства; а так как главные издержки производства—заработная плата—выражены в товарных единицах, то—в силу необходимости однородной единицы учета во всей сфере производства—всеобщей единицей учета может быть лишь товарная единица, ибо ею выражается заработная плата.

V. Декрет и Положение о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

(Проекты Народного Комиссариата Финансов).

1. Связь между Декретом и Положением.

Декрет о трудовой единице учета намечает лишь основные принципы трудового учета. Он содержит следующее: 1) указывает цели, которые ставятся трудовому учету (§§ 1 и 2); 2) декретирует единую длявсех отраслей государственного хозяйства трудовую единицу учета (§§ 1 и 2); 3) устанавливает основы содержания трудовой единицы учета (§ 3); 4) возлагает на Совет Труда и Обороны обязанность: а) составления правил применения трудового учета (§ 4) и б) организации всех необходимых мероприятий и подготовительных работ по проведению в жизнь трудовой единицы (§ 6); 5) подтверждает необходимость ведения материального учета на-ряду с трудовым учетом (§ 5); 6) устанавливает крайний срок повсеместного введения трудового учета.

Положение же о трудовой единице учета развивает и конкретизирует намеченные Декретом основные принципы трудового учета.

2. Конечная цель трудового учета и общий контур пути к ее достижению.

Целью трудового учета является обеспечение регулирующих хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях и предприятиях (§ 1 Декрета).

Путем к достижению этой цели признается: сведение всего многообразия материального учета (учета в различных единицах измерения) к единству ценностного, по общественно-необходимым

трудовым затратам, учета. Этим, следовательно, признается, во-первых, недостаточность для достижения намеченной цели одного материального учета и, во-вторых, необходимость введения ценностного учета трудового типа, точнее—того типа, который построен на сознательном учете трудовых затрат (§ 2 Декрета).

В однородных трудовых единицах ведется как учет живого труда, направленного на производство отдельных работ и операций, так и расценка в трудовых затратах всех продуктов, обращающихся в сфере государственного хозяйства, а равно и услуг, этим последним оказываемых (§ 2 Декрета и § 1 Положения).

Как вытекает из существа целей, поставленных трудовой единице, эта последняя ни в каком случае не претендует, по смыслу Декрета и Положения, на то, чтобы заменить собой денежную единицу в качестве функции ее, как орудия обращения; она вообще не распространяется на частные единичные хозяйства и не претендует на выполнение каких бы то ни было функций денег для этих единичных хозяйств. Единственно, чем вызвана расценка хозяйственных благ, обращающихся в сфере государственного хозяйства, по сознательно определяемым трудовым затратам, так это только потребностями учета в пределах самого государственного хозяйства.

3. Основное содержание трудовой единицы; ее определение.

а) Принципы построения трудовой единицы; установление основных элементов этой единицы.

Выразить вещественные и личные элементы производства и их результаты в однородных единицах трудовых затрат, очевидно, можно лишь, рассматривая человеческий труд, как нечто качественно совершенно однородное.

А это, прежде всего, означает отвлечение от конкретных видов (форм) труда. Каждый конкретный труд есть труд, направленный на изготовление конкретно-полезного предмета и потому качественно отличается от других видов конкретного труда, направленных на изготовление других видов полезных предметов; например, конкретный труд ткача, направленный на изготовление ткани, качественно отличается от конкретного труда сапожника. Если отвлечься от конкретных форм отдельных полезных работ, то последние уже не различаются между собой по качеству, но сводятся все к одинаковому человеческому труду, который представляется лишь как «затрата человеческой рабочей силы безотносительно к форме такой

затраты» *). Отвлекаясь от конкретных форм труда, мы тем самым отвлекаемся и от конкретных свойств продуктов труда. «От них ничего не осталось кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка безразличного человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме такой затраты. Все эти вещи представляют теперь лишь выражение того факта, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы общей им всем общественной субстанции они являются стоимостями».

«Итак потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней осуществляется или материализуется абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, «этой созидающей стоимость субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, меру в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.» **).

И мы принуждены будем измерять количество труда рабочим временем до тех пор, пока на практике не установилось непосредственного измерения количеств труда.

Если стоимость продукта определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость продукта тем больше, чем лепивее и неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени потребуется ему для изготовления продукта. Но тот труд, который образует субстанцию стоимости, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях продуктов, принимается здесь за одну и ту же человеческую рабочую силу, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Любая из этих индивидуальных рабочих сил представляет подобно всякой другой из них ту же самую человеческую рабочую силу, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы, следовательно, затрачивает на производство данного продукта лишь необходимое в среднем или общественно-необходимое рабочее время. Общественно-необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных обще-

*) К. Маркс «Капитал». Т. I, гл. I.
**) К. Маркс, Ц. соч. Гл. I.

ственно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда *).

Очевидно, что в продуктах это общественно-необходимое время (поскольку дело касается собственно производства) будет выражать то, что принято называть средней нормой выработки того или иного продукта в обществе.

Общественно-необходимый труд, который измеряется общественно-необходимым рабочим временем, «есть затрата простой средней рабочей силы, которой располагает телесный организм каждого обыкновенного человека, не обладающего никакой специальной подготовкой». Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества представляет величину данную.

Сравнительно сложный труд есть только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется бо́льшему количеству простого **).

Таким образом, для того, чтобы выразить элементы производства и его результаты в стоимостях через общественно-необходимое рабочее время, требуется: 1) найти наиболее подходящую единицу общественно-необходимого рабочего времени (час, день, рабочий период трудящегося и т. д.), придав ей общественно-необходимую норму выработки; 2) установить соотношение между простым и сложным трудом и 3) установить порядок приведения различных индивидуальных интенсивностей труда к общественно-средней интенсивности.

б) Какое рабочее время принять за всеобщую единицу измерения труда?

В качестве мерила трудовых затрат выше признано необходимым принять рабочее время. Теперь возникает вопрос, какой период времени принять за единицу, по отношению к которой все остальные периоды—более короткие или более длинные—являлись бы дробными или множественными величинами ее. Выбор единицы трудового измерителя имеет большое значение: при трудовой расценке продуктов труда все количество продуктов, созданных в течение единицы времени, принятой за трудовую единицу, будет

*) К. Маркс., цит. соч. Т. I. Гл. 1.
**) К. Маркс., цит. соч. Т I. Гл. 1.

определять расценку дробных или множественных величин этого количества.

Исходя из этого значения трудовой единицы, можно наметить те требования, которые к ней пред'являются. Таковыми являются:

1) наибольшая ее константность, как показателя общественно-необходимых трудовых затрат, и

2) наибольшее ее техническое удобство при производстве трудовых расценок продуктов.

Этим требованиям, пред'являемым к трудовой единице, удовлетворяет нормальный рабочий день.

Более короткий период, скажем, один час работы, не отличается более или менее устойчивым количеством содержимого в нем общественно-необходимого труда, так как в течение отдельных часов рабочего дня это количество не остается постоянным, а изменяется—сначала увеличивается, а затем уменьшается. Обладая таким крупным недостатком сравнительно с нормальным рабочим днем, один час работы не представляет вместе с тем сравнительно с этим последним никаких особенных технических выгод и удобств при трудовой расценке продуктов.

Более длинный период, чем нормальный рабочий день, как единица измерения труда—скажем, неделя нормальной работы или же рабочий период жизни работника—представляет значительные недостатки: 1) возникают значительные неудобства при расценке продуктов труда в трудовой единице; 2) бо́льшая константность в содержании общественно-необходимого труда обладает тут ме́ньшей вероятностью сравнительно с вероятностью константности этого труда в нормальном рабочем дне, так как на протяжении рабочего периода жизни работника возможны всяческие перерывы и изменения в продолжительности работы.

Что рабочий день, будучи нормальным, раз навсегда не фиксирован в календарных единицах времени, и что продолжительность его может быть различна в различных отраслях труда,—это является достоинством его как трудовой единицы, так как именно это обстоятельство придает трудовой единице наибольшую константность в содержании общественно-необходимого труда.

В виду вышеизложенного наиболее приемлемым в качестве трудовой единицы является нормальное время (и именно нормальный день) простого труда при нормальной его напряженности.

Идея нормального дня простого труда с полной нормой выработки (как показательницей нормальной напряженности труда) принадлежит у нас в России С. Г. Струмилину; он считает необходимым ввести теперь же в нашем государственном хозяйстве трудовую единицу учета с таким основным содержанием.

«В качестве единицы трудовой ценности я предлагаю», — пишет Струмилин,—«принять ценность продукта труда одного нормального дня работника первого тарифного разряда при выполнении им нормы выработки в 100%».

Эту нормальную трудо-единицу, соответствующую работе в 100.000 килограммометров, обозначим сокращенно буквами «тр. ед.» или словом «тред». Тысячу таких «тредов» назовем «килотредом», миллион—«мириатредом» *).

В общей своей формулировке это определение принято проектом Декрета Народного Комиссариата Финансов о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

в) Основное содержание единицы трудового учета в проектах Декрета и Положения.

Единица трудового учета определяется проектом Декрета так: «За единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда при нормальной его напряженности для данного рода работы» (§ 3 Декрета). Таким образом, если средняя продукция одного нормального рабочего дня простого труда равняется, скажем, 20 единицам данного продукта, то 100 единиц этого продукта составляют 5 единиц трудового учета.

Указанное определение трудовой единицы было принято рабочей группой Валютной Подкомиссии Междуведомственной Комиссии Комиссариата Финансов по предложению С. Г. Струмилина большинством 4 голосов против одного моего голоса.

В качестве доводов против принятой редакции определения трудовой единицы я выставил следующие соображения.

1) По точному смыслу принятого определения единицей трудового учета является не рабочее время, а продукция труда за известное время («за единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда при нормаль-

*) «Вестник Труда». Ежемесячный орган Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов. Январь-февраль 1921 г. № 1—2 (4—5). Статья С. Струмилина: «Проблемы трудового учета». Стр. 76.

ной его напряженности для данного рода работы»). Продукция есть не что иное, как продукт, который может быть одним из двух: либо материальной вещью, либо же конкретно-определенной услугой. А это означает, что раз за единицу трудового учета принимается продукция, то—в силу разнородности материальных оболочек вещей и конкретно-определенных услуг—создается ровно столько единиц трудового учета, сколько родов продуктов (вещей и услуг) существует. Отвлечься же от конкретного вида продуктов труда,—это значит отвлечься от самих продуктов. А это значит отвлечься от самой «единицы трудового учета», раз за эту последнюю принимается известное количество этих продуктов.

2) В защиту принятого определения единицы трудового учета могут, пожалуй, привести указание на то, что средняя продукция есть показатель необходимого труда и в качестве такового показателя она и принимается. Однако, это указание не спасает принятого определения от существенных пороков: во-первых, сама средняя продукция есть результат, вычисленный на основе истинной первоначальной единицы учета, и, во-вторых, она представляет из себя то количество продуктов, которое соответствует одной единице учета и, следовательно, является не единицей учета, а тем количеством данного рода продуктов, которое расценивается в одну трудовую единицу. Первая характеристика средней продукции может быть подтверждена или опровергнута лишь обсуждением того, как на деле определяется эта средняя продукция.

Как же устанавливается принимаемая за единицу трудового учета средняя продукция одного нормального дня простого труда? Так как большинство продуктов не является результатом одного рабочего дня или одного рабочего, то, очевидно, в большинстве случаев ее приходится вычислять особо. Вычисление состоит в следующем: вычисляется количество нормальных дней простого труда (проделываются, между прочим, особые вычисления для того, чтобы сложный труд выразить в простом труде); на это количество нормальных дней простого труда делится средняя норма выработки; результат и есть средняя продукция. Спрашивается, что же в таком случае является основной единицей учета: средняя ли продукция или нормальный рабочий день? Ответ очевиден: раз средняя продукция является уже результатом вычислений, сделанных на основе нормального дня простого труда (на основе в том смысле, что она специально относится к нормальному дню не какого-нибудь, а простого труда с нормаль-

ной напряженностью), то основной единицей является не средняя продукция, а нормальный день простого труда со средней нормой выработки, взятой как показатель интенсивности труда. Где продукт является результатом коллективной работы, где продукт представляет результат более чем одного нормального дня труда, где, наконец, продукт производится при участии работников выше обыкновенной средней рядовой квалификации, там очевидность этого бьет в глаза. Но и там, где продукт является результатом труда одного рабочего, одного нормального дня труда и притом простого труда,—единицей измерения труда является не этот продукт, а нормальный день простого труда с нормальной напряженностью. Ибо и тут неизбежно исследуется, действительно ли продукт представляет результат одного нормального дня простого труда при нормальной его напряженности: не будь этого, можно было бы в определении единицы измерения труда отказаться от отнесения продукта к одному нормальному дню простого труда с нормальной его напряженностью, а между тем этот отказ невозможен, и за него не будет ратовать и сам Струмилин.

Средняя же продукция есть лишь то количество продуктов данного рода, которое относится к единице учета подобно тому, как определенное количество товаров относится к одной денежной единице. И как количество товаров, оцениваемое в одну денежную единицу, не есть сама денежная единица, так и количество продуктов, приходящееся на единицу трудового учета, не есть сама эта единица *).

3) Будучи отнесен к «средней продукции», термин «единица трудового учета», введенный в принятое определение, оказывается настолько неопределенен, что способен повести к заблуждениям. Например, средняя продукция одного нормального дня простого труда мельника равняется 20 пудам муки, а так как за «единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда», то, очевидно, эти 20 пудов муки являются единицей трудового учета. Но что значит то, что 20 пуд. муки

*) Определение единицы сознательного измерения труда через среднюю продукцию не является новшеством С. Г. Струмилина. Родбертус в своем „4 социальном письме“ точно также определяет единицу сознательного измерения труда через среднюю продукцию. Он говорит: „при помощи нормального дневного урока, этого среднего продукта среднего работника в течение определенного промежутка нормального рабочего времени, центральный орган сможет определить, несмотря на различия в свойствах работников, насколько данное количество нормального рабочего времени может служить для удовлетворения потребностей“ („Капитал. 4 социальное письмо“. Гл. II).

являются «единицей трудового учета»? Значит ли это, что 20 пуд. муки оцениваются в размере одной трудовой единицы? Но это предположение, логически вытекающее из определения «единицы трудового учета» «средней продукцией» первым — противоречит истине: ибо 20 пуд. муки являются результатом не только труда мельника, но и труда работников в сельском хозяйстве, добывающих зерно, и т. д. Эта неопределенность, ведущая к ложным заключениям, может быть устранена тогда, когда термин «единица трудового учета» будет заменен более определенным термином «единица измерения труда». Если же не делать этой замены, то нужно резче, чем это сделано в § 3 Декрета, оттенить то положение, что расценка благ и услуг ведется по количеству общественно-необходимого труда, вложенного в них; этого особого оттенения не требуется тогда, когда употребляется точный термин: «единица измерения труда».

4) Продукция рабочего дня есть не что иное, как то количество продуктов, которое вырабатывается в течение одного дня. Два момента, зависящие от личных качеств работника, определяют эту продукцию: 1) квалификация труда и 2) напряженность труда. Поскольку берется простой труд, постольку квалификация труда устраняется из сферы влияния на продукцию (так как устраняются различия в квалификации), постольку, следовательно, остается лишь напряженность труда, как фактор, связанный с личными качествами работника и влияющий на производительность труда, т. е. на продукцию. Но эта напряженность труда при неизменной квалификации сама приводится в известность через посредство продукции, а не продукция через напряженность труда. Отсюда следует, как частный случай, что и нормальная напряженность труда при неизменной квалификации приводится в известность через среднюю продукцию, а не наоборот. Поэтому добавление к словам: «за единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда» еще и слов «при нормальной его напряженности для данного рода работы» ничего не дает ни в смысле достаточной полноты определения, ни в смысле практического указания на путь к определению средней продукции.

По всем указанным четырем рядам соображений я не счел для себя возможным согласиться с принятым рабочей группой в проекте Декрета определением единицы трудового учета.

По моему мнению, правильно формулировать содержание еди-

ницы сознательного измерения труда можно лишь следующим образом:

«За единицу измерения труда принимается один нормальный день простого труда при нормальной его напряженности».

Указание на то, что нормальная напряженность определяется через норму выработки, я считал целесообразным ввести лишь в Положение о трудовой единице учета, в котором вообще конкретизируются основные мысли Декрета; вполне удовлетворительным я признаю то указание, которое дается в принятом, по моему предложению, Валютной Подкомиссией § 2 Положения.

Положение о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р. практически конкретизирует принципиальное определение трудовой единицы, данное в Декрете, так:

«2. За единицу измерения труда принимается один нормальный день труда рабочего 1-го тарифного разряда при выполнении им нормы выработки или задания в 100%. Означенная единица измерения труда называется «трудовой единицей» или «тредом» и обозначается знаком «тред».

Выражение «единица измерения труда» является тут наиболее целесообразным.

Во-первых, § 1 Положения устанавливает ведение во всех отраслях государственного хозяйства как учета труда, направленного на производство отдельных работ и операций, так и расценки в трудовых затратах всех продуктов, обращающихся в сфере государственного хозяйства. Так как расценка благ по воплощенному в них труду означает не что иное, как учет овеществленного труда, то задача трудового учета формулируется в первом параграфе, как задача учета труда живого и овеществленного. Этим самым единица трудового учета конкретно определяется, как единица измерения труда. Поэтому нет никакой надобности в следующих за первым параграфах Положения употреблять вместо конкретно-определенного термина «единица измерения труда» неопределенный термин «единица трудового учета».

Во-вторых. Термин «единица измерения труда», будучи конкретно-определенным, обладает значительным преимуществом сравнительно с неопределенным термином «единица трудового учета»: он определенно указывает на то действие, к которому привлекается единица трудового учета; это действие—измерение труда.

Принятое Положением определение единицы измерения труда конкретизирует уже все три элемента единицы: 1) нормальное рабочее время конкретно определяется как нормальный день труда; 2) в качестве простого труда принят труд рабочего первого тарифного разряда; 3) напряженность труда, как общий принцип, заменена практическим своим показателем (действующим в пределах одной и той же квалификации и одной и той же отрасли труда)— нормой выработки.

1. Нормальный рабочий день был введен в определение трудовой единицы уже в Декрете. Выше я уже указал на те преимущества, которыми обладает нормальный рабочий день перед другими нормами рабочего времени (вроде, напр., средней продолжительности рабочего периода жизни человека).

2. Квалификация труда. Принятый в определении единицы измерения труда путь конкретизации квалификации—в качестве простого труда принимается труд рабочего первого тарифного разряда — развивается в § 3 Положения, где указывается порядок приведения труда лиц высших разрядов квалификации к труду первого тарифного разряда. Таким образом, за классификацию работников государственного хозяйства по разрядам квалификации в общем и целом принимается классификация этих работников по тарифным разрядам. Труд лиц, оплачиваемых вне тарифных разрядов, неизбежно приходилось принять за один или несколько новых разрядов квалификации сверх тех разрядов, которые соответствуют тарифным разрядам.

Соображения, в силу которых следует признать правильным принятие тарифных разрядов за разряды квалификации, таковы:

Простой труд есть труд, который способен выполнить рабочий с обыкновенной (обычной для массы лиц рабочего возраста) подготовкой. Сложный труд есть труд, который может быть выполнен лицами, обладающими бо́льшей подготовкой, чем обыкновенная рядовая подготовка рабочих. Различными ступенями подготовки обусловливаются, таким образом, различные разряды квалифика́ции труда *). Пока будут существовать различные ступени подготовки и обусловливаемые ими различные разряды квалификации труда, до тех пор будут существовать и различия в размерах оплаты.

*) Что различия в подготовке обусловливают различия в квалификации труда, это ни в каком случае не может само по себе еще означать того, что и различия в квалификации соответствуют различиям в подготовке.

Это последнее положение подлежит особому самостоятельному доказательству.

Где — как в капиталистическом обществе—главные издержки по обучению (содержание учащихся) падают на самого учащегося или его семью, где рабочая сила является товаром, количество и качество которого определяется в процессе стихийного колебания его цены, там эти различия в оплате труда ближе подходят к различиям в подготовке и обусловливаемым этими последними различиям в квалификации. Где же—как в социалистическом обществе и обществе с пролетарской диктатурой—главные издержки по обучению (в том числе и содержание учащихся) падают на государственное хозяйство, где устраняется стихийный порядок обеспечения народного хозяйства нужными кадрами работников, там различия в оплате труда перестают хотя сколько-нибудь соответствовать различиям в подготовке и различиям в квалификации — там вознаграждение, получаемое работниками, перестает быть регулятором, обеспечивающим народное хозяйство нужными кадрами работников Однако, различия в оплате, хотя и совершенно не соответствующие издержкам на подготовку оплачиваемых лиц, все-таки остаются в качестве некоторой приманки и в социалистическом обществе и будут оставаться там, все уменьшаясь, до тех пор, пока не исчезнут различия в квалификации труда, пока о·ончательно не исчезнет обусловливаемое этими различиями разделение труда (узко понимаемое в смысле пожизненного закрепления за отдельными лицами трудовых функций отдель ных специальностей). А эти различия в квалификации труда будут существовать не только в течение всей эпохи революционной диктатуры пролетариата, но и в течение низшей фазы коммунизма (обычно именуемой социализмом). И только на высшей фазе коммунистического общества имеются на-лицо такие условия, которые устраняют какую бы то ни было связь между работой и вознаграждением работника: каждый будет получать по потребностям и работать по способностям *).

*) „На высшей фазе коммунистического общества—после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда, когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда, когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни, когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов выростут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком,—лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: „каждый по способности, каждому по потребностям“ (К. Маркс, „Критика Готской программы“. Цитировано по В. Ильину (Н. Ленину): „Государство и революция“. Петроград. 1918. Стр. 89—90).

В том или ином распределении продуктов личного потребления ошибочно видеть (как то делает подавляющее большинство экономистов) отличительную осо-

Одним из этих необходимых условий является существование различий в квалификации труда. И потому некоторые различия в оплате труда различных квалификаций не могут исчезнуть до тех пор, пока не исчезнет сама их основа—различия в квалификации труда. А раз это так, раз основой различий оплат труда по работе являются различия в квалификации труда, то правильная классификация должна совпадать с правильной классификацией разрядов оплаты (тарифных разрядов).

Существуют все основания за то, чтобы за разряды квалификации принять разряды оплаты.

Во-первых. Разряды оплаты, задевая интересы отдельных лиц, стремящихся получить в качестве вознаграждения возможно больше, способны придти в соответствие с разрядами квалификации в самом процессе своего применения — в результате изменений и дополнений, имеющих место в этом процессе применения. Разряды же квалификации сами по себе, наоборот, есть нечто абстрактное (отвлеченное от жизненных интересов отдельных лиц). А так как всякие, не выросшие непосредственно (стихийно) на жизненной почве, схемы всегда более или менее искусственны и исправляются жизнью в процессе своего применения, так как, далее, разряды квалификаций исправляются жизнью лишь как разряды оплаты, — то наибольшей жизненностью должны отличаться те классификации квалификаций труда, которые базируются на классификации различий в оплате труда.

Во-вторых. Никакая группировка работников, сделанная на основе различий в затратах на их подготовку, не может сама по себе быть группировкой работников по разрядам квалификаций. Дабы группировка работников, сделанная на основе различий в затрате на их подготовку, могла быть принята за группировку по разрядам квалификации,—нужно, чтобы

бенность социализма в пониманий К. Маркса и Фр. Энгельса. Видеть основную отличительную особенность социализма в том или ином распределении предметов непосредственного потребления людей—это значит для Маркса и Энгельса вступать в явное противоречие со своим собственным пониманием хода исторического процесса. Но Маркс и Энгельс неповинны в таком „противоречии". В только что цитированной „Критике Готской программы" Маркс пишет: „Видеть в так называемом р а с п р е д е л е н и и сущность дела и на нем ставить главное ударение вообще ошибочно. Л ю б о е распределение средств потребления есть лишь п р о и з в о д н о е следствие распределения средств производства. А распределение этих последних составляет характер самого способа производства". „Вульгарный социализм (а благодаря ему и часть демократии) усвоил от буржуазных экономистов взгляд на распределение, как на нечто совершенно независимое от способа производства, и потому представляют себе задачи социализма, главным образом, в области распределения

безраздельно господствовало правило — работу, которую обычно выполняют лица с бо́льшей подготовкой, неспособны выполнить и не выполняют лица с ме́ньшей подготовкой. Это, пожалуй, может иметь место там, где распространение в массах населения образования идет снизу, начинается с низших ступеней образования: сначала все население обучается в школах первой ступени, затем в меру распространения образования первой ступени расширяется круг лиц, проходящих школу второй ступени, и т. д. Но раз в какой-либо степени имеет место обратный процесс, а именно: расширение идет сверху — все бо́льший и бо́льший процент лиц, окончивших (скажем) школу второй ступени, проходит школу третьей ступени, — раз имеет место и такой процесс, не исключается возможность того, что труд, обычно выявляемый лицами с бо́льшей подготовкой, может с такой же силой выявляться и лицами с меньшей подготовкой, — другими словами, не исключается возможность того, что различия в подготовке не оказываются различиями в квалификации.

Итак, за разряды квалификации наиболее целесообразно принять разряды работников по оплате труда (тарифные разряды).

Но отсюда ни в каком случае нельзя сделать вывода, что и те коэффициенты, которые показывают, во сколько раз больше выявляется простого труда работниками высших квалификаций сравнительно с работниками низших разрядов в течение нормального периода работ, целесообразно и правильно вычислять на основе различий в оплате труда работников разных квалификаций. Такой вывод можно сделать лишь в том случае, если будет доказано, что различия в оплате труда в точности соответствуют различиям в затратах на подготовку работников различных квалификаций. Но так как ни в эпоху пролетарской диктатуры ни (тем более) в социалистическом обществе о таком соответствии не может быть никакой речи, то этот вывод оказывается неверным, и верным будет обратное: нецелесообразно и неправильно коэффициенты квалификации вычислять на основе различий в оплате труда, существующих в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры.

Таким образом, различия в оплате труда целесообразно и правильно положить в основу построения квалификационных разрядов. Поскольку имеются на-лицо тарифные разряды, постольку целесообразно и правильно принять эти последние в качестве квалификационных разрядов. Что же касается труда лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, то для них разряды квали-

фикации приходится устанавливать особо на основании различий в оплате этого рода труда. Так как на деле удельный вес труда лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, в общей массе труда незначителен, так как колебания в оплате различных видов этого труда незначительны сравнительно с различиями в оплате труда рабочих первого и последнего тарифных разрядов, то для экономической практики, которой не нужна громоздкая микроскопическая точность, технически целесообразно будет принять труд всех лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, за труд одного квалификационного разряда с одним коэффициентом квалификации. Так и поступает Положение, вводя в дополнение к § 3 особое примечание (первое).

3. Напряженность труда. Показателем нормальной напряженности труда берется в Положении полная норма выработки. Этот прием методологически вполне правилен, раз дело идет о напряженности труда в пределах одного и того же разряда квалификации.

4. Порядок выражения в трудовой единице труда различного качества.

Конкретизированное определение трудовой единицы показывает, что она содержит в себе три элемента: 1) нормальный день труда, 2) труд рабочего 1-го тарифного разряда и 3) полную норму выработки.

Если бы в действительности никаких отклонений от этих элементов не было — если бы всегда имела место только нормальная длительность труда, если бы имел место только труд одного первого разряда квалификации, если бы, наконец, всегда выполнялась норма выработки или задания, — то не было бы никакого вопроса о том, как выражать различные количества труда в трудовой единице, так как каждый акт труда без особого выражения оказывается исчисленным в трудовой единице, если исчислена его календарная длительность.

Но так как на деле это не так, то возникает особая задача выражения труда в трудовых единицах. Так как в действительности все три элемента трудовой единицы являются идеальными элементами, так как жизнь, как общее правило, являет отклонение от всех трех элементов в одном и том же производственном процессе, то формулирование правил выражения труда в трудовой единице представляет значительные трудности, которые, однако,

должны быть преодолены, раз все-таки необходимо это выражение сделать.

Эти трудности могут быть преодолены лишь посредством расчленения отклонений. Это путь — единственный. На него и вступило Положение.

§ 3 берет случай с одним отклонением, имеющим место относительно одного элемента — разряда квалификации — и указывает порядок его исправления:

«Нормальный день труда лица высшего тарифного разряда или разряда вне тарифного, при выполнении им нормы выработки или задания в 100%, выражается в тредах цифрой, полученной от помножения этого дня на коэффициент квалификации труда данного разряда.

Примечание 1. Труд лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, считается трудом одной квалификации с одним коэффициентом квалификации».

§ 4 Положения берет случай с другим отклонением (от нормального рабочего дня) и указывает порядок его исправления:

«Неполный рабочий день того или иного разряда или день, увеличенный сверхурочными часами, в полном рабочем дне того же разряда выражается величиной, полученной от деления проработанного времени на время нормального рабочего дня, надлежаще установленного для соответствующей категории труда».

§ 5 Положения указывает, наконец, порядок исправления третьего отклонения — отклонения от полной нормы выработки:

«Выраженное в нормальных рабочих днях (§ 4) время переводится на нормальное рабочее время с полной нормой выработки или задания посредством умножения его на выполненную долю нормы выработки или задания».

Так как в действительности имеют место случаи, когда учета производительности труда не ведется (нормы выработки не устанавливаются, а если устанавливаются, то выполненные доли их не регистрируются), то для таких случаев волей-неволей приходится напряженность труда и выработку считать нормальными и принимать их за единицу.

Это и предусматривается примечанием к § 5 Положения:

«В тех случаях, когда учета производительности труда не ведется (нормы выработки не устанавливаются и выполненные доли этих норм не регистрируются), выработка считается нормальной, —

независимо оттого, производится ли работа в урочное или сверхурочное время».

5. Трудовой учет в учреждениях и предприятиях.

Как было указано в § 2 настоящего отдела моего очерка, основной целью трудового учета, по мысли проектов Декрета и Положения, является обеспечение регулирующих хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях и предприятиях.

Достижение этих целей ставит следующие задачи трудовому учету:

1) учет живого труда,

2) расценка хозяйственных благ и услуг

и 3) учет выплат, связанных с различными расчетами, как-то: вознаграждение рабочим и служащим и, вообще, оплата услуг, оказываемых учреждению или предприятию отдельными лицами, их об'единениями или другими учреждениями и предприятиями, а равно оплата средств производства.

1. Учет живого труда необходим как непосредственно для того, чтобы иметь возможность судить о выгодности приложения труда в различных случаях, так и для того, чтобы можно было на основании затрат труда на отдельные работы или операции устанавливать расценки хозяйственных благ.

Учет живого труда выдвигает два вопроса: 1) с какой детализацией работ и операций этот учет вести и 2) как выражать в трудовых единицах работу разной длительности разной квалификации и разной напряженности.

Последний вопрос разрешен в предыдущем.

Что касается первого вопроса, то в Положении можно было установить лишь общий принцип учета—необходимость наибольшей—допустимой по техническим условиям—детализации тех работ и операций, по которым этот учет ведется, так как, во-первых, точно установить круг работ и операций, по которым ведется особый учет живого труда, можно лишь посредством исчерпывающего перечня этих работ и операций, что может быть достигнуто только в результате длительной работы всех отдельных частей государственного хозяйства, так как, во-вторых, раз установленный перечень работ и операций не есть нечто неподвижное, но

постоянно меняется в зависимости от изменения технической обстановки производства. Но так как один голый принцип все-таки недостаточен, а нужен перечень, то Положение должно было установить и процессуальный порядок составления этого перечня.

Положение следует намеченному способу разрешения первого вопроса: § 6 устанавливает общий принцип учета («учет живого труда в учреждениях и предприятиях ведется по отдельным работам и операциям с возможной по техническим условиям детализацией»); § 10 устанавливает процессуальный порядок составления перечня работ и операций, по которым ведется учет живого труда.

2. Расценка по трудовым затратам хозяйственных благ и услуг в учреждениях и предприятиях государственного хозяйства должна давать возможность сравнивать производительность труда в отдельных предприятиях или учреждениях, вырабатывающих тот или иной продукт или оказывающих ту или иную услугу.

Дабы достигнуть этого, прежде всего надобно, чтобы одинаковые по материальной оболочке средства производства для отдельных стадий производства оценивались в трудовых единицах одинаково: только на основе общей плоскости одинаковых оценок вещественных элементов производства может быть установлено сопоставление производительности труда во всех отдельных предприятиях или учреждениях государственного хозяйства той или иной отрасли производства. А это общее основание может быть достигнуто лишь в том случае, если стоимость для учреждения или предприятия средств производства (материалов и средств труда) слагается из стоимости этих средств на местах их производства, устанавливаемой по одним и тем же для всех предприятий и учреждений нормам оценок единицы однородных по материальной оболочке предметов и стоимости доставки этих средств в предприятие или учреждение, — стоимости, устанавливаемой на основе одних и тех же для всех предприятий и учреждений принципов и методов. Однородность оценочных норм средств производства, а равно однородность принципов и методов установления стоимости перевозок могут быть достигнуты тогда, когда нормы оценок средств производства на местах производства и принципы и методы определения стоимости перевозок—и то и другое—являются одинаковыми для всего государственного хозяйства. А это, очевидно, означает, что нормы оценок средств производства на местах их производства и нормы стоимости доставки этих средств—и то и другое— устанавливаются

в общем для всего государственного хозяйства трудовом прейскуранте.

Исходя из развитых соображений, и был мною формулирован § 7 Положения:

«Стоимость для учреждения или предприятия средств производства (материалов и средств труда) слагается из стоимости этих средств на местах их производства и стоимости доставки их в учреждение или предприятие. Как стоимость на местах производства, так и стоимость доставки определяются по нормам трудового прейскуранта».

Примечание к этому постановлению подчеркивает обязательность этого правила расценки для отдельных стадий производства. «Указанное правило расценки материалов и средств труда по нормам трудового прейскуранта применяется для всякой и при том исключительно той стадии производства, в которой они употребляются именно как материалы и средства труда,—независимо оттого, являются ли они продуктами предшествующей стадии производства самого предприятия или нет, доставлены ли они силами самого предприятия или нет».

Стоимость изделий или услуг учреждения или предприятия слагается из выраженных в тредах затрат живого труда в нем на эти изделия или услуги и трудовой стоимости потребленных при производстве этих изделий или услуг средств производства (§ 8 Положения).

Сравнение вычисленных, таким образом, индивидуальных стоимостей изделий или услуг в отдельных предприятиях или учреждениях будет давать картину сравнительной выгодности производства того или иного рода изделий или услуг в отдельных предприятиях.

Что касается стадий производства, по которым ведется самостоятельный учет трудовой стоимости изделий и услуг (§§ 7 и 8 Положения), то, в силу тех же соображений, которые были выдвинуты ранее относительно круга работ и операций, для которых ведется особый учет живого труда,—Положение признает необходимым иметь специальный перечень; составление этого перечня возлагается им опять-таки на Совет Труда и Обороны (§ 10 Положения).

3. Учет выплат. Независимо от учета затрат живого труда и стоимости изделий и услуг, учреждение или предприятие ведет в тредах, по нормам, установленным трудовым прейскурантом, учет различных выплат, как-то: вознаграждение рабочим

и служащим и оплата услуг, оказываемых отдельными лицами, их об'единениями и предприятиями, а равно оплата средств производства (§ 9 Положения). Эти выплаты не оказывают влияния на расценку изделий и услуг. Однако, учет их необходим для того, чтобы можно было определить то количество (по трудовой стоимости) прибавочного продукта, которое создается в отдельных учреждениях и предприятиях, а затем и во всем государственном хозяйстве: вычет из установленной по нормам трудового прейскуранта стоимости изделий и услуг, произведенных в учреждении или предприятии, величины, представляющей сумму выплат и стоимости неоплаченных учреждением или предприятием частей потребленных средств производства, даст величину трудовой стоимости прибавочного продукта для данного учреждения или предприятия.

6. Коэффициенты квалификации труда и порядок их установления.

В предыдущем (§ 3 настоящего V отдела) я выяснил невозможность построения целесообразной и правильной классификации различий в квалификации труда, исходя из группировки работников, сделанной на основе различий в затратах (труда) на их подготовку. Но это отнюдь не означает того, что коэффициенты для сведения труда высших разрядов квалификации к труду первого разряда квалификации будет неправильно определять величиной, показывающей, во сколько раз средние затраты труда на подготовку одного работника того или иного разряда квалификации выше всех средних затрат труда на подготовку одного работника первого разряда квалификации не могут быть установлены—в противоположность самим разрядам квалификации — на основе тех оплат труда, которые имеют место в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры. Уже одно это обстоятельство должно было рассеить всякие, *само собой разумеющиеся*, выводы о том, будто исчисление коэффициентов квалификации на основе труда, затраченного на подготовку работников отдельных разрядов квалификации, неправильно. Наоборот. Если исходить из сущности простого и сложного труда, то наиболее правильным теоретически будет именно этот путь исчисления коэффициентов квалификации. И это потому, что только этот путь ведет к такому понятию коэффициента квалификации, которое является прямым логическим выводом из существа содержания понятий простого и сложного

труда. Сущность этого понятия коэффициента квалификации такова: коэффициент квалификации того или иного разряда представляет собой величину, показывающую, во сколько раз масса всего общественно-необходимого труда, затраченного в среднем на подготовку одного работника этого разряда, выше труда, затраченного, в среднем, на подготовку одного работника первого разряда квалификации.

Однако. до тех пор, пока в результате применения в жизни трудового учета не накопится достаточного материала для установления таких идеально правильных коэффициентов квалификации, практически целесообразным является другой (менее точный) метод—метод определения коэффициентов квалификации на основе соотношений средних заработных плат трудящихся отдельных квалификаций в последний до-военный период лет (примерно в 1911—1913 гг.). Два соображения говорят в пользу этого метода: 1) теоретически правильный метод исчисления коэффициентов квалификации чрезвычайно затруднителен и, пожалуй, практически неосуществим до тех пор, пока действие трудового учета не даст достаточного материала для этого; 2) значение коэффициентов квалификации заключается в их влиянии на расценку изделий и услуг; и если капиталистическое общество могло существовать и быстро развивать свои производительные силы, не чувствуя помех со стороны того обстоятельства, что расценки благ и услуг делаются в нем на основе заработных плат, то не может быть помех и обществу с пролетарской диктатурой со стороны того же обстоятельства, а именно, что на расценку благ и услуг влияют капиталистические заработные платы.

Поэтому позиция, занятая в вопросе о методах определения коэффициентов квалификации Положением, является достаточно обоснованной, тем более, что эта позиция—временная (с течением времени действия трудового учета она будет все больше и больше приближаться к теоретически правильной позиции).

Соответствующий параграф Положения (§ 11) гласит так:

«Коэффициенты квалификации труда отдельных разрядов устанавливаются единые для всего государственного хозяйства и представляют собой соотношение средних заработных плат трудящихся этих квалификаций в последний до-военный период лет (примерно в 1911—1913 гг.) Коэффициентом квалификации труда того или иного разряда считается отношение средней заработной платы трудящегося этого разряда к средней заработной плате трудящегося первого тарифного разряда». На эту позицию надо

смотреть, как на первоначальную временную позицию трудового учета*).

Единство коэффициентов квалификации, равно как и единство самих разрядов квалификации, необходимо для того, чтобы иметь расценки благ и услуг, сделанные по одному масштабу для всего государственного хозяйства.

Так как обычно сравниваются между собой хозяйственные результаты за целый год (бюджетный период), то возникает необходимость обеспечить единство разрядов квалификации и их коэффициентов не только в пространстве, но и во времени, а именно: во все время бюджетного периода должна действовать одна и та же сетка разрядов квалификации и одни и те же коэффициенты квалификации. Это предусматривается §§ 12 и 13 Положения.

«Коэффициенты квалификации труда пересматриваются всякий раз, как происходят те или иные изменения в распределении отдельных квалификаций труда по тарифным разрядам. Измененные коэффициенты квалификации вступают в действие с начала ближайшего бюджетного периода».

7. Составление номенклатуры изделий, урочного положения и трудового прейскуранта.

Из механизма трудового учета, очерченного в предыдущем, с достаточной отчетливостью выяснилось, что для надлежащего функционирования этого механизма необходимо иметь единые для всего государственного хозяйства:

1) общую систематическую номенклатуру изделий, частей и материалов с твердой стандаризацией установленных сортов и марок (нормальный сортамент);

2) общее урочное положение о нормах рабочего времени, необходимого для производства различных работ и операций, имеющих место в пределах государственного хозяйства;

3) общий трудовой прейскурант хозяйственных благ и услуг.

Порядок составления, изменения и дополнения всех этих книг с достаточной отчетливостью намечается Положением, так что не

---

*) Для оттенения этого в Положение следовало бы ввести и теоретически правильный метод исчисления коэффициентов квалификации подобно тому, как это сделано в том же Положении относительно методов установления расценок благ и услуг для трудового прейскуранта.

встречается, особой надобности об'яснять его в настоящем очерке *). Необходимо только отметить следующее: постановление параграфа 22 о том, что «изменения и дополнения, внесенные в общую систематическую номенклатуру, общее урочное положение и общий трудовой прейскурант, вступают в силу с момента наступления ближайшего бюджетного периода», вызвано потребностью в обеспечении применения однообразных норм в течение всего бюджетного периода.

8. Порядок составления первого общего трудового прейскуранта.

Первый трудовой прейскурант хозяйственных благ и услуг составляется на основе тех средних цен, какие изделия и услуги имели в последний до-военный период (примерно 1911—1913 гг.) в местах своего производства (§ 24 Положения). Это отступление от общего порядка составления трудового прейскуранта, указанного в разделе V Положения, вызвано невозможностью установить размеры общественно-необходимого труда, затраченного на производство изделий и услуг до тех пор, пока, по меньшей мере, годовое действие трудового учета не даст нужного материала. Волей-неволей пришлось положить в основание исчислений норм первого трудового прейскуранта те цены, которые изделия и услуги имели в последний нормальный период капиталистического развития. Но от этого никакой беды произойти не может. Капиталистическое общество не страдало оттого, что пропорции, в которых товары обменивались между собой, не совпадали с теми пропорциями их, которые устанавливаются воплощенными в них общественно-необходимыми трудовыми затратами (ценностями). Точно также не будет страдать и общество с пролетарской диктатурой оттого, что первый трудовой прейскурант его государственного хозяйства основывается на ценах капиталистического общества.

Что касается отдельных постановлений Положения о порядке составления первого трудового прейскуранта, то необходимо только привести пример, иллюстрирующий порядок, проектируемый §§ 27 и 29 Положения.

---

*) Проекты Декрета и Положения о трудовой единице напечатаны в приложении к докладу.

Пример:

Разряды квалификации:	I.	II.	III.	IV.
Число рабочих и служащих .	100	50	10	1
Число дней работы . . .	300	200	200	200
Коэффициенты квалификаций.	1	2	5	10
Количество трудовых единиц (произведение из числа рабочих и служащих, числа дней и коэффициентов квалификаций)	30.000	20.000	10.000	2.000

Сумма чистой продукции . . = 124.000 р.
Сумма тредов . . . . . 62.000 »

Паритет одного треда к рублям составляет:

$$1 \text{ тред} = \frac{124.000}{62.000} = 2 \text{ руб.}$$

К. Ф. Шмелев.

Приложения:

1) Проект Декрета о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

2) Проект Положения о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

Приложение 1.
Проект.

Декрет Совета Народных Комиссаров о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

(По обсуждении вопроса рабочей группой Валютной Подкомиссии Н. К. Ф. проект составлен С. Г. Струмилиным. Проект рабочей группой принят).

§ 1. В целях обеспечения регулирующих хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях, предприятиях и хозяйствах Р. С. Ф. С. Р. устанавливается единая для всех отраслей государственного хозяйства и управления трудовая единица учета.

§ 2. Имея своей основной задачей сведение всего многообразия материального учета, в различных единицах измерения, к единству ценностного (по общественно-необходимым трудовым затратам) учета, этот последний об'емлет собою учет как живого труда, направленного на производство отдельных работ и операций, так и труда, овеществленного в продуктах всех стадий производства.

§ 3. За единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда при нормальной его напряженности для данного рода работы. Означенной трудовой единице учета присваивается наименование «тред».

§ 4. На Совет Труда и Обороны возлагается (в развитие настоящего Декрета) выработка и установление в срочном порядке: 1) правил приведения сложного труда к простому, 2) выраженного в тредах нормального прейскуранта трудовых расценок всех хозяйственных благ и услуг, подлежащих учету, и 3) порядка периодического, по мере надобности, пересмотра этих правил и прейскурантов.

§ 5. С осуществлением трудового учета все хозяйственные обороты проводятся в отчетности по трем параллельным графам с записью: 1) количества—в различных единицах (счетом, мерою),

2) веса—в пудах, и 3) ценности—в графе на сумму—в тредах. Операции с денежными знаками проводятся в порядке материального учета количества этих знаков разных достоинств с переводом их в тред—в графе на сумму—по курсу дня.

§ 6. Организация всех необходимых мероприятий и подготовительных работ по проведению в жизнь трудовой единицы возлагается на Совет Труда и Обороны, с таким расчетом, чтобы повсеместное введение означенного учета во всей его полноте могло быть осуществлено не позже 1 января 1922 г.

Приложение 2.
Проект.

Положение о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

(По обсуждении вопроса рабочей группой Валютной Подкомиссии Н. К. Ф. проэкт составлен К. Ф. Шмелевым. Проект принят рабочей группой полностью. Валютная Подкомиссия Н. К. Ф. успела рассмотреть и принять первые пять параграфов проекта).

Раздел I.

Общее положение.

§ 1. Во всех отраслях государственного (как общегосударственного, так и местного) хозяйства Р. С. Ф. С. Р. ведутся в однородных трудовых единицах: а) учет труда, направленного на производство отдельных работ и операций, и б) расценка в трудовых затратах как всех продуктов, обращающихся в сфере государственного хозяйства, так и услуг, этим последним оказываемых.

Раздел II.

Основное содержание трудовой единицы и порядок приведения к ней труда различного качества.

§ 2. За единицу измерения труда принимается один нормальный день труда рабочего 1 тарифного разряда при выполнении им

нормы выработки или задания в 100%. Означенная единица измерения труда называется «трудовой единицей» или «тредом» и обозначается знаком «тред».

§ 3. Нормальный день труда лица высшего тарифного разряда или разряда внетарифного, при выполнении им нормы выработки или задания в 100%, выражается в тредах цифрой, полученной от помножения этого дня на коэффициент квалификации труда данного разряда.

Примечание I. Труд лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, считается трудом одной квалификации с одним коэффициентом квалификации.

Примечание II. Коэффициенты квалификации труда отдельных разрядов устанавливаются Советом Труда и Обороны и сообщаются ведомствам и учреждениям для повсеместного применения (см. раздел IV настоящего Положения).

§ 4. Неполный рабочий день того или иного разряда или день, увеличенный сверхурочными часами, в полном рабочем дне того же разряда выражается величиной, полученной от деления проработанного времени на время нормального рабочего дня, надлежаще установленного для соответствующей категории труда.

§ 5. Выраженное в нормальных рабочих днях (§ 4) время переводится на нормальное рабочее время с полной нормой выработки или задания посредством умножения его на выполненную долю нормы выработки или задания.

Примечание. В тех случаях, когда учета производительности труда не ведется (нормы выработки не устанавливаются и выполненные доли их не регистрируются), выработка считается нормальной,—независимо от того, производятся ли работы в урочное или сверхурочное время.

Раздел III.

Трудовой учет в учреждениях и предприятиях.

§ 6. Учет живого труда в учреждениях и предприятиях ведется по отдельным работам и операциям с возможной по техническим условиям детализацией.

§ 7. Стоимость для учреждения или предприятия средств производства (материалов и средств труда) слагается из стоимости этих средств на местах их производства и стоимости доставки их

в учреждение или предприятие. Как стоимость на местах производства, так и стоимость доставки определяется по нормам трудового прейскуранта.

Примечание. Указанное правило расценки материалов и средств труда по нормам трудового прейскуранта применяется для всякой и притом исключительно той стадии производства, в которой они употребляются, именно как материалы и средства труда, — независимо оттого, являются ли они продуктами предшествующей стадии производства самого предприятия или нет, доставлены ли они силами самого предприятия или нет.

Материалы и средства труда, как продукты предшествующей стадии производства, расцениваются в порядке, предусмотренном в § 8 настоящего Положения, вне всякой связи с расценкой их как потребленных в производственном процессе материалов и средств труда.

§ 8. Стоимость изделий или услуг учреждения или предприятия слагается из выраженных в тредах затрат живого труда в нем на эти изделия или услуги и трудовой стоимости потребленных средств производства.

Примечание. Затраты живого труда определяются в порядке § 6, а трудовая стоимость потребленных средств производства в порядке § 7 настоящего Положения.

§ 9. Независимо от производимого в порядке §§ 6 и 8 учета затрат живого труда и стоимости изделий и услуг, учреждение или предприятие ведет в тредах — по нормам, установленным трудовым прейскурантом,—учет выплатам, связанным с различными расчетами, как-то: вознаграждение рабочим и служащим и вообще плата услуг, оказываемых учреждению или предприятию отдельными лицами, их об'единениями или другими учреждениями и предприятиями, а равно оплата средств производства.

Примечание. Выплаты денежных сумм учитываются в тредах по курсу дня, устанавливаемому в порядке § 20 настоящего Положения.

§ 10. Как перечень работ и операций, по которым ведется учет живого труда (§ 6), так и перечень стадий производства, по которым ведется самостоятельный учет трудовой стоимости изделий и услуг (§§ 7 и 8), а равно и особый учет выплат (§ 9) специально устанавливаются Советом Труда и Обороны и изменяются им по мере надобности.

Раздел IV.

Коэффициенты труда различных квалификаций и порядок их установления.

§ 11. Коэффициенты квалификации труда отдельных разрядов устанавливаются единые для всего государственного хозяйства и представляют собой соотношения средних заработных плат трудящихся этих квалификаций в последний до-военный период лет (примерно 1911—1913 гг.). Коэффициентом квалификации труда того или иного разряда считается отношение средней заработной платы трудящегося этого разряда к средней заработной плате трудящегося первого тарифного разряда.

§ 12. Коэффициенты квалификации пересматриваются всякий раз, как происходят те или иные изменения в распределении отдельных квалификаций труда по тарифным разрядам. Пересмотр коэффициентов квалификации совершается в порядке § 11 настоящего Положения.

§ 13. Измененные коэффициенты квалификации вступают в действие с начала ближайшего бюджетного периода.

Раздел V.

Составление номенклатуры изделий, урочного положения и трудового прейскуранта.

§ 14. В целях достижения во всех частях государственного хозяйства единства действия трудового учета составляются единые для всего государственного хозяйства:

а) общая систематическая номенклатура изделий, частей и материалов с твердой стандаризацией установленных сортов и марок (нормальный сортамент);

б) общее урочное положение о нормах рабочего времени, необходимых для производства различных работ и операций, имеющих место в пределах государственного хозяйства Р. С. Ф. С. Р.;

и в) общий трудовой прейскурант хозяйственных благ и услуг.

§ 15. Общее урочное положение должно содержать для всех отдельных отраслей государственного хозяйства:

а) полный и детальный перечень названий работ и операций и их условные обозначения (шифры);

б) описание нормальных технических условий каждой работы или операции;

в) указание профессионального состава исполнителей отдельных работ и операций, с обозначением средней их квалификации;

г) средние нормы времени выполнения отдельных работ и операций (штуко-время)

и д) предельные коэффициенты допускаемых поправок средних норм выработки (§ 4) в зависимости от особых технических условий, в которые поставлены отдельные предприятия.

§ 16. Средняя норма времени выполнения той или иной работы или операции определяется на основе средних трудовых затрат, приходящихся на единицу этой работы или операции во всем государственном хозяйстве в течение того или иного, устанавливаемого Советом Труда и Обороны, истекшего периода времени, с учетом обстоятельств, могущих изменить эти затраты в ближайшем будущем.

§ 17. Коэффициенты для поправки средних норм времени (пункт д § 15) вычисляются на основе тех различий, которые устанавливаются между средними трудовыми затратами, приходящимися на единицу работы или операции во всем государственном хозяйстве, с одной стороны, и средними трудовыми затратами, приходящимися на единицу той же работы или операции в отдельных учреждениях или предприятиях, либо в отдельных сходных группах их—с другой.

§ 18. Общий трудовой прейскурант содержит единые для всего государственного хозяйства расценки в тредах хозяйственных благ на местах их производства; а равно и расценки услуг, оказываемых различными отраслями государственного хозяйства.

§ 19. Трудовые расценки хозяйственных благ и услуг для трудового прейскуранта (18) устанавливаются на основе средней трудовой стоимости для государства единицы каждого рода благ или услуг за тот или иной, определяемый Советом Труда и Обороны, истекший период времени с учетом всех изменений, которые могут произойти в этой средней стоимости в ближайшем будущем.

Примечание. Средняя трудовая стоимость для государства единицы блага или услуги за тот или иной период времени определяется посредством деления суммы трудовых стоимостей, в которое обошлось производство всего количества данного рода благ или услуг во всех отдельных учреждениях

и предприятиях за тот же период времени (§ 8), на самое количество этих благ или услуг.

§ 20. Денежная единица для перевода ее в треды (§ 9) расценивается по ее покупательной силе, периодически устанавливаемой методом чисел—показателей.

§ 21. «Общая систематическая номенклатура», «общее урочное положение» и «общий трудовой прейскурант» изменяются и дополняются по мере надобности.

§ 22. Изменения и дополнения, внесенные в «Общую систематическую номенклатуру», «Общее урочное положение» и «Общий трудовой прейскурант», вступают в силу с момента наступления ближайшего бюджетного периода.

§ 23. Составление и изменение общей систематической номенклатуры, общего урочного положения и общего трудового прейскуранта хозяйственных благ и услуг возлагается на Совет Труда и Обороны, с предоставлением ему права привлекать отдельные комиссариаты и учреждения к содействию по выполнению этой обязанности.

Раздел VI.

Порядок составления первого общего трудового прейскуранта.

§ 24. Первый трудовой прейскурант хозяйственных благ и услуг составляется на основе тех средних цен, какие изделия и услуги имели в последний до-военный период (примерно 1911—1913 гг.) в месте своего производства.

§ 25. Составление первого общего трудового прейскуранта распадается на три части: а) приведение в известность и консервация средних цен изделий и услуг на местах производства в последний до-военный период; б) перевод этих цен на трудовые единицы и в) согласование этих расценок изделий и услуг, выраженных в трудовых единицах, с производительностью труда, установившейся ко времени применения прейскуранта.

§ 26. Для перевода средних цен благ или услуг, установленных в порядке § 25 настоящего Положения, в расценки этих благ и услуг в тредах, вносимых в первый трудовой прейскурант, Совет Труда и Обороны определяет:

а) скольким золотым рублям последних до-военных цен равнялась одна трудовая единица, вычисленная для этого периода в по-

рядке, указанном §§ 2, 5, 11 и 13 настоящего Положения о приведении квалифицированного (сложного) труда к труду первого разряда;

б) устанавливает для отдельных отраслей народного хозяйства России коэффициенты тех поправок, которые должны быть сделаны при переводе цен до-военного периода на трудовые единицы, в виду изменившейся к моменту применения трудового прейскуранта производительности труда.

§ 27. Сумма золотых рублей, соответствующая одной трудовой единице, определяется посредством исследования тех частей отдельных отраслей народного хозяйства России, относительно которых имеются достаточно полные сведения:

а) о числе рабочих и служащих, работавших в тот или иной период времени, близкий к началу войны 1914 г.;

б) о распределении этих рабочих и служащих по отдельным разрядам квалификации, так что возможным становится приведение их труда к труду первого тарифного разряда;

в) о количестве проработанных этими рабочими и служащими дней за весь принятый в расчет год или ряд лет,

и г) о сумме чистой продукции, полученной за то же время от исследуемой отрасли народного хозяйства.

§ 28. Стоимость в золотых рублях трудовой единицы выражается отношением чистой продукции в золотых рублях, полученной во всех исследуемых частях народного хозяйства (§ 27), к выраженному в тредах количеству живого труда, которое затрачено на получение этой продукции.

Примечание. Количество живого труда в тредах определяется в порядке, указанном §§ 2, 5, 11 и 13 настоящего Положения.

§ 29. Средние до-военные цены изделий и услуг, выраженные в золотых рублях, переводятся на треды посредством деления их на соответствующую одному треду сумму золотых рублей.

§ 30. Средние расценки изделий и услуг, выраженные в тредах, прежде применения их в учреждениях и предприятиях, приводятся в соответствие с производительностью труда, имеющей установиться на время начального действия настоящего Положения.

Приведение в указанное соответствие заключается в делении или умножении этих расценок изделий и услуг на величины, показывающие, сколько раз показатели производительности труда, имеющие установиться на время начального действия настоящего

Положения в соответствующих изделиям и услугам отраслях общественного хозяйства, содержатся в показателях производительности труда в последние до-военные годы в тех же отраслях общественного хозяйства; причем деление производится в том случае, если величины—меньше единицы, а умножение—если они больше единицы.

Заключение Института Экономических Исследований по докладу К. Ф. Шмелева «Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата».

(Принято в заседании секции по денежному обращению и кредиту 13 мая 1921 г.).

Принимая во внимание:

1) что бумажный рубль утратил свою устойчивость в качестве ценностного измерителя,

2) что для обеспечения хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях и предприятиях нужна устойчивая единица измерения ценности,

Институт Экономических Исследований считает необходимым указать:

1) что выработка новой счетной единицы требует больших и сложных подготовительных работ, намеченных составленными Народным Комиссариатом Финансов проектами Декрета и Положения о трудовой единице учета, как-то: составление общего урочного положения, общего трудового прейскуранта, общего свода средних цен, общей номенклатуры изделий, частей и материалов, коэффициентов квалификации сложного труда, которые и должны лечь в основу практического осуществления трудового учета;

2) что вышеперечисленные работы, независимо от своего основного назначения, имеют громадную самостоятельную ценность для учета материального бюджета и нормализации производства;

3) что урегулирование денежного обращения представляет собою самостоятельную государственную задачу, разрешение которой стоит вне зависимости от установления в государственном хозяйстве трудового учета.